

O‘zbekiston Respublikasi

Oliy va o‘rta maxsus ta’lim vazirligi

SAMARQAND DAVLAT CHET TILLAR INSTITUTI

XORIJIY FILOLOGIYA

til • adabiyot • ta’lim

ilmiy – uslubiy jurnal

Samarqand

2 (59)/ 2016

**Ministry of Higher and Secondary Special
Education of the Republic of Uzbekistan**

SAMARKAND STATE INSTITUTE OF FOREIGN LANGUAGES

FOREIGN PHILOLOGY

Language • Literature • Education

Scientific-methodology journal

Samarkand

Хорижий филология: тил, адабиёт, таълим.
№2 (59), 2016.

*Уч ойда бир марта чиқадиган
илмий-услубий журнал*

Муассис: Самарқанд давлат чет тиллар
институти

Тахрир хайъати:

ТУХТАСИНОВ Илҳомжон (раис)
САФАРОВ Шахриёр (бош муҳаррир)
АШУРОВА Дилором
АШУРОВ Шаҳобиддин
БУШУЙ Анатолий
ТУРНИЁЗОВ Нёмат
(муҳаррир ўринбосари)
РИЗАЕВ Баҳодир
ХОЛБЕКОВ Муҳаммаджон
ИСМОИЛОВ Салоҳиддин
КИСЕЛЁВ Дмитрий
ҲАЙИТОВ Салоҳиддин (масъул котиб)

Жамоатчилик кенгаши:

БУШУЙ Татьяна
ГИЙОМ Оливье (Франция)
КИДА Цуйоши (Япония)
СИГМИЛЛЕР Стив (АҚШ)
РАҲИМОВ Сотiboldи
УСМОНОВ Ўрол
ЖИАНГ Фенг (Хитой)
РАҲИМОВ Ганишер
МИРЗАЕВ Ибодулло

Журнал Олий Аттестация комиссиясининг
филология фанлари бўйича эксперт кенгаши (2014
йил 10 мартдаги 2-сонли баённома) тавсияси билан
зарурий наشرлар рўйхатига киритилган.

Тахририят манзили:

Самарқанд ш., Бўстонсарой кўчаси, 93,
СамДЧТИ.

Телефонлар: (998-662)233-78-43; (998-662)231-13-42

Факс: (998-662) 210-00-18.

Email: ssifl_info@mail.ru

Журнал Самарқанд вилоят матбуот ва
ахборот бошқармаси томонидан № 09-12 рақам
билан рўйхатга олинган.

ISSN: 2181-743X; Индекс 1266.

Журнал 2001 йилдан чиқа бошлаган.

© Самарқанд давлат чет тиллар институти,
2016 йил.

Foreign Philology: Language, Literature, Education.
№2 (59), 2016.

Scientific-methodical journal

Founder: Samarkand State Institute of Foreign
Languages

Editorial Board:

TUKHTASINOV Ithomjon (chairman)
SAFAROV Shahriyor (editor-in-chief)
ASHUROVA Dilorom
ASHUROV Shahobiddin
BUSHUY Anatoliy
TURNIYOZOV Nemat(vice editor)
RIZAYEV Bakhodir
KHOLBEKOV Mukhammadjon
ISMAILOV Salohiddin
KISELYOV Dmitriy
HAYITOV Salohiddin (executive secretary)

Public Council:

BUSHUY Tatyana
GUILLAUME Olivier (France)
KIDA Tsuyoshi (Japan)
SEEGMILLER Stev (USA)
RAKHIMOV Sotiboldi
USMONOV Ural
JIANG Feng (China)
RAKHIMOV Ganisher
MIRZAEV Ibdullo

The journal is included in the list of required
publications according to the recommendation of the
expert council in filological sciences of Higher
Attestation Committee (Proceeding #2 from March 10,
2014).

Address:

Samarkand, Bustansaray str. 93, SamSIFL.

Phone: (998-662) 233-78-43; (998-662)231-13-42

Fax: (998-662) 210-00-18

Email: ssifl_info@mail.ru

The journal is registered under No 09-12 by
Samarkand Regional Department of press and
information.

ISSN: 2181-743X; Index 1266.

The journal has been published since 2001.

© Samarkand State Institute of Foreign Languages,
2016.

МУНДАРИЖА

МАҚОЛАЛАР

Бушуй А.М. Формирование паремийного образа действительности	5
Мироненко Т., Добровольская Л. Ҳозирги америка адабиётидаги маданиятлараро муносабатлар контекстида шахснинг ўз-ўзини идентификациялаш муаммоси	25
Турниёзова Ш. Микроматн ва унинг деривацион хусусиятлари тўғрисида айрим қайдлар (инглиз ва ўзбек тиллари материаллари асосида)	29
Мирзаев И. Украин тилида туркизмлар	33
Давронова Ш. Адабий таъсир ва ижодийлик.	40
Элмуродов Н. Субъекти датив келишиги билан ифодаланган гаплар.	47
Ҳожеев А. Газета дискурсидаги метафоранинг когнитив ва лингвокультурологик жиҳатлари	53
Палуанова Х. Ўзбек ва қорақалпоқ тилларида экотерминлар ва уларнинг деривацион таснифи.	58
Киселёв Д.А. Анафорические существительные во французском языке и условия их функционирования.	63

ИЛМИЙ АХБОРОТЛАР

Шодиев С. Турғун сўз бирикмалари, терминлар, таркибли терминлар борасида айрим мулоҳазалар.	71
Бегматов М. Немис тилида эллипсис ходисасининг ўзига хос хусусиятлари.....	76
Раҳматуллаев Н. Мифопоэтик мероснинг миллий маданият контекстида тутган ўрни ва аҳамияти.	81
Халимова Ф. Эндрю Моббснинг “Ғазал. Таҳлил ва шаклнинг акс этиши” номли мақоласига доир мулоҳазалар.....	85
Абдуллаева А. Комедийный аспект в пьесе Чехова «Вишнёвый сад».....	89
Ким С. Структурно - семантические и стилистические особенности инфинитивных предложений в произведениях С. Есенина.....	92

CONTENTS

REPORTS

Bushuy A. Formation of paroemia in the image of reality	5
Myronenko T., Dobrovolska L. Self-identity in the context of cross-cultural relations in contemporary American literature	25
Turniyazova Sh. Some considerations of microtext and its derivational features.(based on the English and Uzbek languages)	29
Mirzayev I. Turkik words in Ukranian language	33
Davronova Sh. “Literary affects and creative”	40
Elmuradov N. The sentences which the subject is expressed by dative case	47
Khojeev A. Metaphor in newspaper discourse in the light of cognitive linguistics and linguoculturology	53
Paluanova X. Ecoterms in Uzbek and Karakalpak languages, and their derevational classification.....	58
Kiselyov D. Anaphoric nouns in French and their usage conditions.....	63

SCIENTIFIC INFORMATIONS

Shodiyev S. Identification of some set expressions, compound terms and terms	71
Begmatov M. Features of ellipsis phenomenon in German language.....	76
Raxmatullayev N. The role of national mythology in formation, development and regeneration of ethno culture is clarified	81
Xalimova F. Andrew Mobbs. The Ghazal.An Examination and Reflection of the Form.....	85
Abdullayeva A. Elements of comedy in the play of Chekhov “The cherry orchard” «Вишнёвый сад».....	89
Kim S. Structural - semantic and stylistic features of infinitive sentences in the works of S.Yesenin.	92

ФОРМИРОВАНИЕ ПАРЕМИЙНОГО ОБРАЗА ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Бушуй Анатолий Михайлович,

профессор Самаркандского государственного института иностранных языков

Ключевые слова: процесс, номинация, характеристика, судьба, рок, паремиология, объект, концептуализация.

Идея антропоцентричности языка – ключевая для лингвистики наших дней. В ней человеческий фактор широко анализируется при любом языковом феномене, где учитывается связь с человеком, его мышлением и всевозможными видами духовно-общественной и прикладной деятельности. Что касается самих знаний человека об окружающей его действительности, то они имеют исключительно сложную структуру языковой картины мира, которая репрезентируется религиозно-мифологически, философски и ценностно-коннотативно. В итоге возникает, функционирует и развивается знаковый образ действительности, а не её копирование. При этом образность играет значительную роль в развитии и функционировании слов, фразеологических единиц [ФЕ] и паремиологических единиц [ПЕ], т.е. пословиц, поговорок, присловий и т.п. Ср.: рус. ПЕ «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней»; «Какой ложкой кормят, такой и их судьба попотчует»; «Отольются кошке мышканы слёзки»; «Гусь свинье – не товарищ»; «Не надейся, дед на чужой обед».

По Ш. Балли [1961. С. 228], конкретный образ «будит воображение и рисует картину». Эмоционально маркированный образ «воспринимается чувством», оставляя в восприятии действительности «некий эмоциональный осадок». Далее Ш. Балли делает существенное уточнение: «Нельзя отрицать, что индивидуальное чувство

играет большую роль в восприятии таких образов» [Там же. С. 228]. Отсюда главным для Ш. Балли является стилистический параметр: «Образ существует для нас лишь постольку, поскольку он имеет экспрессивное значение» [С. 224]. Причём «чем детальнее образ, тем он конкретнее, тем сильнее он действует на воображение» [С. 232].

Подобный языковой антропоморфизм есть общий закон развития номинации и не является каким-то пережитком первобытного мышления. Здесь важным представляется следующее обобщение, которое сделала О. М. Фрейденберг [1978. С. 26-27]: «Образ – это форма мифотворческого представления; то и другое есть биолого-социальный продукт, возникающий в результате взаимодействия высшей нервной деятельности и объективных социальных условий. Как не может Ахилл быть создан в эпоху книгопечатания, так и мифологический образ не может возникнуть ни в какое иное время, кроме самого первобытного. Чистой фантазией было бы познание, если б не было объективной действительности; оно зависимо от биологических и социальных причин. Человек не волен был сочинять образы, он был вынужден мыслить ими».

Основная же роль в процессе номинации (называния) принадлежит слову (в меньшей мере возможностями номинации обладают также словосочетания и предложения). Слова, называя объект, включают его в определенный класс объектов и отличают

от других классов объектов. Тем самым и проявляется обобщающий характер слова. При этом Н. С. Трубецкой [1987. С. 215] замечает: «Все изменения, которые переживает язык, являются результатом определённых тенденций развития. Язык в каждый момент своего развития представляет собой взаимосвязанную органическую систему, в которой звуковая сторона самым тесным образом связана с мыслительной».

Процесс отражения действительности в языках – исключительно сложен. В частности, в них одинаковые явления действительности зачастую получают разные наименования. Это ставит вопрос о проблеме выбора наименования и его мотивированности. В основе процесса номинации лежит жизненный опыт человека, неоднократное знакомство с объектами окружающего мира, познание их свойств. Ср. в рус. пословичных ПЕ: «Сколько не умывайся, белей воды не будешь»; «Беда не по лесу ходит, а по людям»; «Беда ума прикупит»; «Бедность не порок»; «Без недругов и царство не стоит»; «Бес падок на седины»; «Век живи, век учись»; «Волка бояться, в лес не ходить»; и др.

На основании знания об объектах в сознании человека формируется их обобщённый и устойчивый образ. Ср. в рус. пословичных ПЕ: «Сама себя раба бьёт, коли не чисто жнёт»; «Залетела ворона в высокие хоромы»; «Болото было б, а черти будут»; «Брюхо – враг – вчерашнего не помнит»; «Вода мельницы ломает»; «В чужом пиру похмелье»; «Выше лба глаза не растут»; «Где мёд, и мухи там»; «С дураком пива не сварить»; «Своя ноша не тянет»; и др.

Подобное образопостроение охватывает не только базовый [общенародный] язык, но и имеет место в его ограниченных сферах функционирования: региональных языковых вариантах, диалектах, сленге, профессионально маркированном речевом обиходе и т.д. Ср. одну из подобных ПЕ:

«Сочный ветер путал мокрые фалы в руках сигнальщиков. Снова начиналась походная жизнь, в которой, согласно моряцкой поговорке, выгодно живётся одним попам, котам и докторам (остальные расписаны по вахтам, загружены работами)» [В. Пикуль. Три возраста Окини-сан].

Или ср. рус. пословичные ПЕ, восходящие исторически к торговой сфере: «У нас целковые – все новые»; «Купишь и серьги, когда есть деньги»; «Сумеешь торговать – будешь пировать»; «Не велик торжок, да не пуст горшок»; «В грамоте не силён, а торговать умён»; и др.

В целом же, создаётся коллективное отношение народа к окружающим явлениям мира во всём его разнообразии. Ср. осуждение в рус. паремииологии пьянства: «Пьём да людей бьём; а кому не мило, того в рыло»; «Где ни напьётся, там и подерётся»; «Выпивши пиво, да теста в рыло; поев пироги – тещу в кулаки»; «Первая чарка – задержиха, другая – неспустиха».

Резко отрицательно высказывается народ своими ПЕ и против всяческих оправданий любителей выпивки: «То не спасенье, что пьян в воскресенье»; «С вином старое горе, да новых два: и пьян, и бит»; «Горя вином не зальёшь, а радость пропьёшь»; «Ездил пировать, а домой приехал горе горевать»; «Для чашников да бражников бывает много праздников»; «В людях пьёт, да и дома не льёт» и др.

Народная мудрость опровергает паремиями бездоказательное утверждение о расслабительном воздействии алкоголя: «Того трезвый не выдаёт, что хмельной говорит»; «Во хмелю что хошь намелю»; «Пьяного речь не беседа, а свиное хрюканье». Осуждают народные ПЕ и мнимую храбрость выпивох: «Пьяному море по колено, а лужа по уши»; «Только и отважки, что ковшик бражки». Несовместимы – по паремиям – труд и хмель: «Вино ремеслу не товарищ»; «Знай своё ремесло, да блюда, чтоб хмелем не

поросло»; «Винцо не снасть: дела не управит».

В целом же, язык необходимо рассматривать с трех точек зрения: 1) как систему, 2) как совокупность различных диалектных, социальных, функциональных и т.п. вариантов и 3) как социальную семиотику.

Под языком - социальной семиотикой - понимается язык в контексте культуры [Е. М. Мелетинский, 1976. С. 166] как семиотической системы [А. Я. Е. Vodrogligeti, 2003а. С. 117; 2003в. С. 10]. Основная идея здесь состоит в том, что язык передает значения не только при помощи системы лексических или грамматических знаков, функционально отражающей потребности социальной реальности [А. Я. Е. Vodrogligeti, 2003а. С. 120]. Как социальная семиотика, язык может передавать значения и на других уровнях, ибо социально-обусловленный преднамеренный / непреднамеренный выбор тех или иных возможностей языковой системы сам по себе уже обладает коммуникативной релевантностью, несмотря на сферу распространённости и функциональной активности конкретной языковой единицы. Ср. национально специфичные рус. пословичные ПЕ: «Не умеючи, и лаптя не сплетёшь»; «Лапти плести – не дом вести»; «Не берись лапти плести, не надравши лыка»; «Жениться – не лапти плести»; «На чужой каравай рот не разевай»; «Не всякое лыко в строку»; «По Сеньке шапка, по Ерёмке колпак»; «Баба ворожила да надвое положила»; «В лесу родилась, с инями выросла»; «В одном кармане смеркается, а в другом заря занимается»; «Высоко летает, да где-то сядет»; «Сужёного конём не объедешь»; «Одна голова не бедна, а хоть бедна, так одна»; «Утро вечера мудренее»; и др. Они восходят к историческим первоисточкам паремийности русского народа. К примеру, это ПЕ: «Лапти сплёл да и концы схоронил»; «Аз пе вяз и содрав лыко не сплести лаптей»; «Кашира в

рогожи нас обшила, а Тула в лапти обула» и др.

Многие из них уже вышли из современного речевого обихода. Ср. ещё такие из них в старорусском языке [XVII в.]: «Спасибо кувшину, что размыкал кручину»; «Сыр да яйца да вина скляница»; «Целба пьянице на столе в склянице»; «Иглою шьют, чашею пьют, а плетью бьют»; «Пьяному бещестье – до чарки вина»; «Животы у старца толка площадка до лошка».

Во всех современных языках сложилась довольно богатая и оригинальная паремиологическая система. Она охватывает всевозможные паремии или ПЕ в виде пословиц, поговорок и т.д. В тюркском мире – это «оталар сўзи» – «слово отцов». Все они означают древнюю мудрость, наставление, назидание. Поучительный характер, лаконичность и меткость ПЕ повышает их познавательную ценность и устойчивость употребления. Они воспроизводят самую широкую палитру суждений о реальной действительности. Уже у древних огузов образцы устно-поэтического творчества широко демонстрируют народные ПЕ в общей речевой афористической системе. В их содержании получили глубокое осмысление такие темы, как судьба, рок, чванливость невоспитанного человека, семейные отношения, дети (путёвые и непутёвые), философское мирозерцание и др. [Х. Короглы, 1976. С. 181]. Поэтому это излюбленное поэтико-художественное изобразительное средство:

“Асру машхурдур бу сўзда бали,
«Давно известны слова пословицы

Ит хураp – карвон кечар масали”
Собака лает – караван проходит»;

[Навоий]

“Оёкинга тушар хар лахза гису,
«К ногам твоим все время,

Масалдурким: чироғ туби қоронғу”
падает коса,

[Лутфий]

И пословица гласит: подножье
светильника в темноте».

Отсюда учёт паремиоматериалов всё чаще отличает те практические курсы обучения языков, которые ориентируются на достижение коммуникативной эффективности. Так, “Modern Literary Uzbek” [А. J. E. Vodrogligeti, 2003] привлекает для постановки основ узб. разговорной речи 210 ПЕ.

В сфере фольклора паремиосистема изучена фундаментально [С. Бекчанова, 2009. С. 115-116]. До сих пор паремиология лишь спорадически привлекалась [и притом фрагментарно] к собственно лингвистическим и культурологическим исследованиям. А между тем внутри паремийной микросистемы наблюдаются почти все языковые явления и процессы. Поэтому лингвистические наблюдения в этой области представляют несомненный интерес для решения самых различных вопросов общего и прикладного языкознания. Здесь наличествуют исконные паремии, заимствованные единицы [межнациональные], паремии нового времени, паремии-архаизмы, активные и пассивные пословицы, дублетные паремии и т.д.

Их системное описание [прежде всего отличающихся употребительностью и важностью выражаемой ими мысли] будет способствовать более полному определению выражаемых ими понятий и выявлению закономерностей формирования у них семантической структуры.

Паремиология важна и для изучения истории развития самого языка. Ведь большинство ПЕ любого литературного языка содержит именно общенародную лексику. Ср. узб. ПЕ: “Нон хам нон, ушоғи хам нон” [«И лепёшка – хлеб, и крошка - хлеб»]; “Чумчуқ сўйса хам, қассоб сўйсин” [«Даже воробья должен резать мясник» (в смысле «Дело мастера боится»)] и др.

Или же здесь немаловажно учесть и такой лингвокультурологический фактор развития народа как наличие в

паремиоформах имён собственных, географических названий и этнонимов – живых свидетелей об особенностях ареала обитания носителей соответствующего паремиофонда. Ср. узб. ПЕ: “Ақл – Ҳасан, одоб - Хусан” [«Ум – Ҳасан, воспитанность – Хусан» = «Ум и воспитанность - близнецы» (от обычая давать эти имена близнецам)]; “Ахмоққа Кува бир тош” [«Глубцу до Кувы один таш» (Таш – старая мера длины, около 8 км)] и др.

Недостаток подобных данных сказывается на словарной практике и переводоведении, ибо не учитывает всю историческую масштабность культурного наследия народов мира.

Кроме того, важно решение вопроса о психолингвистике ПЕ одного народа для носителей другого языка. Вместе с тем ценность представляют и запечатлённые в ПЕ на всех языках мира универсальные черты человеческого мышления. Они отражаются в паремиологии в виде психолингвистических универсалий вне какой-либо этнической принадлежности народа: узб. “Кулол синиқ мундидан сув ичар” [букв. «Гончар пьёт из разбитого черепка»]; рус. «Сапожник без сапог»; англ. The shoemaker’s wife is the worst shod [букв. «Жена сапожника хуже всех обута»]; франц. Le cordonnier est le plus mal chaussé [«Сапожник (всегда без сапог)»].

Учесть здесь следует и другие паремиогруппы, которые отражают события и ситуации в истории какой-либо одной страны: в рус. паремиологии – это ПЕ типа «Лучше Грозный царь, чем семибоярщина»; «На француза и вилы ружьё»; во франц. паремиологии – это ПЕ из народного календаря, где отражается ход хозяйственных работ, особенности климата в определённой местности и т.п.: Quand il tonne en avril, il faut apprêter son baril; S’il pleut le jour saint Médard, il pleuvra quarante jours plus tard.

В истории лингвистики периодически наблюдаются возвращения к идеям более или менее давних периодов.

Одной из подобных лингвистических проблематик, требующих пересмотра и уточнений, являются, к примеру, клише (= клишированные фразы). Это устойчивые (фразеологизированные/ паремиологизированные) сочетания слов, воспроизводимые в речи в готовом виде. Ср. нем.-рус. клишированные образования в виде общеупотребительных пословиц *Lügen haben kurze Beine* – «У лжи короткие ноги», *Was man nicht im Kopfe hat, muß man in den Beinen haben* ~ «Дурная голова ногам покоя не даёт», *Das Gesicht verrät den Wicht* – «На воре шапка горит», крылатых слов [например, это библеизм *Auge um Auge, Zahn um Zahn* – «око за око, зуб за зуб»] и др. Их отличает образность и лаконичность. К подобным средствам языкового выражения принадлежат прежде всего пословицы. Это меткие образные изречения. Как правило, они ритмичные по форме, обобщают и типизируют различные явления жизни, выражая назидательный смысл, указывают на отдельные свойства людей, явления и характер действий: *Cut your coat according to your cloth, it's no good crying over spilt milk*.

Авторство пословиц установить невозможно. Эти устные краткие изречения считаются принадлежностью фольклора. Они известны большинству носителей языка и широко распространяются в устной речи – причём на протяжении веков. Так, англ. *Take care of the pence and the pounds will take care of themselves* [соотносимая с рус. «Копейка рубль бережёт»; «Береги хлеб про еду, а копейку про беду» (Совет)] была известна в Великобритании ещё до 1724 г. Или же нем. *Nicht alle Vögel sind Falken* – древнейшая пословица. Однако при всей старине – её современность очевидна.

Показательны ПЕ и для древнетюркской письменности. Так, в памятнике в честь Тоньюкука [712-816 гг. нашей эры] содержатся ПЕ «Тонкое сложить (в кучу) – легко, слабое разорвать

– легко»; «Стыд чистых хорош!» [С. Е. Малов, 1951. С. 66, 68].

Заметим, что в истоках богатейшего эпоса узбеков, туркменов, казахов, киргизов и других народов центральноазиатского региона хранится ещё множество непостижных тайн [В. Я. Пропп, 1976. С. 122].

Паремиологические клише заполняют лакуны в лексической системе языка, которая не может полностью номинативно и прагматически воспроизвести познannую/познаваемую человеком действительность во множестве её фрагментов. Поэтому клишированные образования [прежде всего пословично-поговорочные ПЕ] нередко выступают в языке единственными обозначениями объектов, свойств, состояний, процессов, ситуаций и т.д., формируя среди языковых единиц национально-культурный компонент семантически особого рода. При этом актуализируется [скажем, в паремиообразовании] такой лексический материал, который выступает как «средство создания художественного образа, иначе – в его поэтико-эстетической функции и содержательно-мировоззренческом наполнении» [И. В. Шталь, 1983. С. 5]. Тем самым образование клише уменьшает противоречие между потребностями человеческого мышления и лексическими ресурсами языка, которые ограничены.

Ср. кк.-рус. паремиопараллели: «Аспандағы куяшты узип болмас, /Сиятсыз турмысты дузип болмас» ‘Как нельзя оборвать лучи солнца./ Так же нельзя построить жизнь вне общества’; «Китап – билим булагы, билим - ө мир шырағы» ‘Книга – источник знания, знание – свет жизни’; «Мийнет пенен жер кө герер,/ Илим менен ер кө герер» ‘От труда земля расцветает, от науки человек вырастает’; «Жер айдасан, гуз айда,/ Гуз айдамасан, жуз айда» ‘Паши землю осенью, не то будешь пахать сто раз’; «Ден саўлык – терең байлык» ‘Здоровье – надежное богатство’; «Кеңесли ел азбайды,/ Кең

кийим тө збайды” ‘Дружный народ не рушится, удобная одежда не рвётся’.

Паремийное своеобразие отдельного языка представляется более углубленно на фоне сравнения со схожим паремиосмыслом, реализуемым средствами другого языка.

Ср. нем. ПЕ в сопоставлении с парой соотносительных по смыслу рус. ПЕ:

Wer zuerst kommt, → «Чей черед, тот и берёт»;

mahlt zuerst «Поздному гостю - кости»;

Wer im Glashaus sitzt, → «Не суйся в волки с телячьим хвостом»;

soll nicht mit Steinen werfen «Других не суди, на себя погляди»;

Ein alter Baum ist → «Старому переезжать всё одно

schwer zu verpflanzen - что умирать»;

«Старого пса к цепи не приучишь»;

Eigner Herd ist Goldes wert → «Своё, как своё: мило, хотя и гнило»;

«Своя хатка – родная палатка».

Faul kriegt nichts ins Maul → «Лень человека не кормит, а здоровье портит»;

«Хочешь есть калачи, так не лежи на печи».

Последовательность толкования может быть и обратной. Тогда группа ПЕ исходного языка объясняется одной ПЕ из выходного языка:

Was man nicht im Kopfe hat, → «Дурная голова ногам покоя не даёт»;

muß man in den Beinen haben;

Wer kein Gehirn hat, habe Beine

Jedes Ding zu seiner Zeit; →

«Всякому овощу своё время».

Ein jedes Ding hat seine Zeit

Семантико-образная значимость ПЕ исходного языка может послужить доминантой построения многоязычного гнезда эквивалентных по смыслу ПЕ:

рус. «Друзья познаются в беде» →

лат. Amicus certus in re incerte cernitur.

Sors aspera monstrat amicum.

Tempore felici multi numerantur amici; si fortuna perit, nullus amicus erit.

франц. Au besoin on connaît l’ami.

On connaît le véritable ami dans le besoin.

C’est dans le besoin qu’on connaît ses véritables amis.

C’est dans l’adversité qu’on connaît les amis.

англ. A friend in need is a friend indeed.

нем. Den Freund erkennt man in der Not.

Glück macht Freunde, Unglück prüft sie //

рус. «Век живи, век учись» →

лат. Tam diu discendum est homini, quam diu nesciat.

франц. On s’instruit à tout âge.

On n’est jamais trop vieux pour apprendre.

On apprend en tout âge.

On s’instruit tous les jours.

англ. It is never too late to learn.

Live and learn.

нем. Zum Lernen ist niemand zu alt.

Der Mensch lernt nie aus.

Keiner ist zu alt zum Lernen.

Как видно, ПЕ отображают национально-специфические способы концептуализации действительности, формируют особым образом картину мира носителей языка, ибо в них аккумулируется историко-культурный опыт народа. Поэтому ПЕ являются действенным средством познания этнокультурного менталитета и языковой ментальности нации, т.е. народ – как речедатель – выступает в языковой картине мира значимым образом, репрезентируя источник мудрости нации и её социально-интеллектуальную активность. В языке это утверждается на коммуникативных полях моноличности и диалогичности. Ср. в рус. языке «В народе не зря говорят: Семь раз отмерь – один раз отрежь» или «Труба пониже – дым пожиже – говорят в народе».

В процессе многовекового языкового развития [начиная с древнего периода] формируется сложная семантико-грамматическая паремийная [шире - клишированная] подсистема, которую отличает «точность экспрессивной выразительности особого поэтического замысла и образного воплощения действительности» [И. В. Шталь, 1983. С. 6].

Синтаксически клише [прежде всего это пословичные ПЕ] обладают цельнопредикативной структурой простого и сложного предложения. Ср.: в англ. языке ПЕ - простые предложения: "Absence is a shrew" (= «Ссылка на отсутствие - аргумент трусов»); "Absent party is still faulty" (= «Отсутствующего всегда обвиняют» или «Без меня меня женили»); "After dinner comes the reckoning" (= «Любишь кататься - люби и саночки возить»); "Anger is a short madness" (= «Гнев - недолгое безумие») и т.д.

Среди англ. ПЕ - простых предложений отмечаются уже в др.-англ. языке [например, в англ.-сакс. языке] такие подтипы, как:

- ПЕ повествовательные утвердительные: Aelc treow is be his waestme oncnawen // A tree is known by its fruit;

- ПЕ повествовательные отрицательные: Nafath aening mann freonda to feala // No man has too many friends [→ лат. Amicos plures nemo habet];

- побудительные ПЕ: Ne ge wurpen eowre meregrotu toforan eowrum swynon // Cast not pearls before swine [библейзм, ср. рус. «Не мечи бисер перед свиньями»];

- вопросительные ПЕ: Hwaet fremath tham blindan seo beorhta sun-beam? // What profit to a blind man of a bright sunbeam?

Активны в языке [например, английском] также ПЕ-гипотаксисы: "He is lifeless, that is faultless" (= «He родился ещё человек, который никогда не ошибается»); "He that is full of himself is very empty" (= «Очень пуст тот, кто полон сам собой»);

"He that would eat the fruit must climb the tree" (= «Без труда нет плода»); "He who would catch fish must not mind getting wet" (= «Без труда не вытащишь рыбки из пруда»); "As the tree falls, so shall it lie" (= «Куда дерево клонилось, туда и повалилось») и т.д.

Структурно ПЕ-гипотаксисы версифицируются по позиции придаточной части по отношению к главной.

Так, в др.-англ. и современных англ. параллелях ПЕ придаточная часть гипотаксиса находится

- после главной: Ne wat swetes thanc se the biteres ne onbyrgeth // He knows not sweet(ness) that never tasted bitter(ness). Who has never tasted bitter, knows not what is sweet [→ лат. Nescit suave diligere qui amarum non gustaverit];

- перед главной: Gif se blindan thone blindan laet, hi feallath begen on aenne pytt // If the blind lead the blind they both fall into the ditch; и др.

В англ.-сакс. языке придаточная часть ПЕ-гипотаксиса встречается даже в середине главной: Witodlice ealle tha the swurd nimath, mid swurde hig forwurpath.

Прослеживаются на ранних стадиях развития современной паремии системы и употребления ПЕ-гипотаксисов, которые соотносительны уже с ныне используемыми видами придаточных предложений. Ср. англ.-сакс. и современные англ. паремийные параллели, где наличествует придаточное

- определительное: Aelc rice the byth twyraede on him sylfum byth toworpen // Each kingdom divided against itself will be cast down;

- места: Ne bith nan thing digle thaer druncennys rixath // Where drunkenness reigns there is nothing secret;

- образа действия: Swa eal manna bearn sorgum sawath, swa eft ripath // As one sows, so shall he reap;

- условное: Gif an lim bith untrum, ealle tha othre throwiath mid tham anum // If one limb is unhealthy, all the others suffer;

- подлежащее: *Blind byth bam eagum se the breostum ne starat // He is blind in both eyes that does not see into the heart* [← лат. *Cecus duobus oculis qui pectore non cernit*].

Употребительны в языке и ПЕ – паратаксисты. Ср. англо-русские паремиопараллели: “*Agues come on horseback, but go away on foot*” (= «Беда к нам верхом, а от нас пешком»), ср. ещё: «Болезнь входит пудами, а выходит золотниками»); “*It never rains, but it pours*” (= «Беда одна не ходит», «Пришла беда - растворяй ворота»); “*Hope is a good breakfast, but a bad supper*” (= «Надежда - хороший завтрак, но плохой ужин»); “*God sends meat and the devil sends cooks*” (= «Бог послал людям пищу, а дьявол - поваров»); “*There is one good wife in the country, and every man thinks he has her*” (= «Каждый муж думает, что лучше его жены на свете нет») и т.д.

Эта синтаксическая разновидность ПЕ имеет также большую историю своего развития. Ср. англ.-сакс. и современные англ. паремиопараллели: *Se gast is hraed and thaet flaesc ys untrum // The spirit is ready, but the flesh is sick; Answarn lithe tobrycth ygre, spraec stith aweceth hatheortnysse // A soft answer breaks ire (wrath), hard words provoke hardheartedness.*

В каждой из разновидностей клишированных единиц наличествуют свои особенности. Скажем, если структурно пословичные и поговорочные ПЕ различаются незначительно, то в семантико-прагматическом отношении расхождения достаточно отчётливые: для пословиц специфичны всеобщность, ситуационно-соотносимая обобщённая рекомендательность и мотивация образостроения, а для поговорок вышеуказанные особенности не присущи. Вместе с тем пословицы и поговорки соотносимы между собой по

- образности: *When the heart thinks the tongue speaks // His heart is in his mouth;*

- краткости содержания: *Waste not, want not // All his geese are swans;*

- синтаксической структуре [опора на предложенческие модели построения]: *There is no smoke without fire // The fat is in the fire.*

Целесообразно исходить из такого общего определения паремии, которое складывается из толкований пословицы и поговорки (как ведущих паремийных единиц): «Под пословицами обычно понимают афористически сжатые изречения с назидательным смыслом в ритмически организованной форме» (А. В. Кунин, 1986. С. 300). Это краткие народные изречения. План их выражения переносно-буквальный, либо только переносный. Грамматически они выражаются законченным предложением. Так, у ПЕ «Горбатого могила исправит» - только образное значение, а у ПЕ «Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало» - буквальное и иносказательное.

В целом же, для пословичной ПЕ релевантны образность, законченность изречения, назидательность, особое ритмоинтонационное и фонетическое оформление [параллелизм построения, рифма, звуковые повторы, стихотворный размер и т.п.]. Тем самым в речи пословичная ПЕ выступает самостоятельным суждением. Ср. рус. «Волков бояться – в лес не ходить»; «Попытка не пытка, а спрос не беда»; «Ученье – свет, а неученье - тьма».

Основным же показателем пословичной ПЕ будет переносность значения. Ср. в к.-тат. паремиологии: «Къуш ювасында корьгенини кутер» [«Птица делает то, чему обучилась в гнезде»]; «Беш пармакъ агъызгъа сыгъмаз» [«Пять пальцев в рот не умещаются»], «Ат баласы – аттыр, ит баласы - иттир» [«Детёныш лошади – лошадь, детёныш собаки - собака»]; «Домуздан бир къыл къопса да файда» [«От свиньи и один упавший волос полезен»], «Арыкъ аткъа къуйругъы агъыр» [«Тощему коню и свой хвост в тягость»]; «Багъчасыз юрткъа бульбуль къонмаз» [«К жилищу без сада соловей не прилетает»]; «Ишлемеген

демирни тот базар» [«Неработающее железо ржавеет»]; «Ат аладжакъ олсанъ, башта хамут ал» [«Хочешь купить коня – сначала купи хомут»]; «Бедава бекмез балдан татлы» [«Бесплатный бекмез (уваренный фруктовый сок) слаще мёда»] и др.

«Поговорка - это коммуникативная ФЕ непословичного характера... В своем большинстве поговорки являются оценочными оборотами» (А. В. Кунин, 1986. С. 317). Эти краткие народные изречения отличаются семантически буквальным планом выражения, а грамматически – законченностью предложения: «Коса – девичья краса»; «Деньги дело наживное».

Общая же характеристика поговорочной ПЕ сводится к следующим релевантным параметрам: образность, иносказательность выражения, лаконичность формы построения. Она определяет какое-либо жизненное явление. Однако она не включает в себе [в отличие от пословичной ПЕ] прямого поучительного смысла. Поэтому зачастую это обнаруживается в синтаксической незаконченности. Всегда поговорка – это лишь часть суждения и только в контексте она получает окончательное оформление с конкретным смыслом. Ср. рус. «Посмотрит – рублём подарит».

Причём прямое значение будет для поговорочных ПЕ основным. Ср. к.-тат. паремиологии: «Ишлеген - тишлер» [«Кто работает, тот ест»]; «Агъыр иштен къачма, енгилине чапма» [«Не убегай от тяжёлой работы, не беги к лёгкой»], «Адамнынъ къадрини адам билир» [«Цену человека знает человек»]; «Зорлукъ – хорлукъ дегильдир» [«Трудности – не страдания»]; «Адам иш башында белли олур» [«Человек познаётся по его работе»]; «Дели утанмаз, сою утаныр» [«Дурак не стыдится – стыдится его родня»]; «Адамны адам эткен иштир» [«Человека человеком делает труд»]; «Бабадан оксюз – яры оксюз, анадан оксюз – толу оксюз» [«Сирота без отца – сирота наполовину, сирота без

матери – круглая сирота»] и др. [Ш. Асанов, 2002; Р.И. Музафаров, 2007].

Нередко поговорочные ПЕ сохраняют свою авторскую принадлежность: From whose bourn(e) no traveller returns (Shakespeare) [«Откуда ещё никто не возвращался», т.е. в царстве смерти]; Our withers are unprung (Shakespeare) [«Хула, обвинение нас не задевает»]; One's gorge rises at something (Shakespeare) [«вызывать отвращение, омерзение»]; «с души воротит от чего-либо»]; How goes the enemy? [«Который час?» - выражение создал Диккенс]; «Понравился бюст? – Карман будет пуст!» (А. П. Чехов); «Пороки влекут нас сильнее, чем христианские заповеди» (Шарль Бодлер); «Кто приобрёл хорошую невестку – нашёл дочь, а кто плохую – потерял и сына» (Дидро) и др.

Концепция фразеологической идентификации А. В. Кунина дала возможность подойти к паремиологии лингвистически. До этого ПЕ изучались, в основном, фольклористами и литературоведами, которые собирали их исключительно как образцы народного творчества.

Фразеология и паремиология, изучающие устойчивые словесные комплексы (ФЕ), пословицы, поговорки, «крылатые слова», афоризмы (авторские и народные), загадки, скороговорки и им подобные клишированные выражения - паремии (ПЕ), накопили к настоящему периоду развития филологической науки (тюркологии, славистики, германистики, романистики) и фольклористики исключительное многообразие сведений, материалов, методик интерпретации. В этой обширной филологической и фольклорной области сложились свои устойчивые традиции в сборе, систематизации и описании ФЕ и ПЕ разных жанров.

Одной из форм обобщения полученных здесь результатов является библиография [J. Petr, 1987. С. 175-176]. Примечательно, что А. Н. Кононов (1968.

С. 9) относит библиографию к основным направлениям тюркской филологии в современном мире. Библиографические разыскания и систематизации в рассматриваемой области проводятся прежде всего в масштабе отдельных регионов. Так, в Узбекистане были опубликованы подробные систематизированные сведения по фразеологии и паремиологии узбекского, каракалпакского, крымскотатарского, киргизского, украинского, немецкого и других народов [Паремиология Узбекистана. Т. 1-5. – Самарканд, 1978. – 208 с.; 1980. – 112 с.; 1981. – 250 с.; 1982. – 58 с.; 1983. – 73 с.; Паремиология Украины. Т. 1-2. – Самарканд, 1982. – 150 с.; 1983. – 143 с.; Паремиология Киргизии. – Самарканд, 1987. – 85 с.; и др].

Язык находится в одном ряду с социальными факторами и определяет их процессы в обществе. Как высший человеческий орган познания и чувствования мира он обобщает данные пяти чувств и создаёт мысль. В его исторических глубинах содержатся воля и заветы предков, зашифрованы тайны общественного и индивидуального сознания этноса. Поэтому актуальным представляется рассматривать язык и действительность в системе гуманитарных ценностей и в связи с общенаучной картиной мира - прежде всего в аспектах 1) сущности языка, 2) принципов его развития и 3) прикладной значимости науки о языке в исторической перспективе.

Так, в связи с вышесказанным, системно-уровневый подход к изучению фразеологии и паремиологии языка предполагает последовательную ориентацию на разработку достаточно оптимальных принципов фразеологической (паремиологической) словарной кодификации устойчивых словесных комплексов различных семантико-структурных разрядов. Причем непременно учету подлежат не только идиомы (т.е. собственно базовый фразеологический фонд языка), но и

разряды устойчивых словесных комплексов, выходящих за пределы фразеологии в ее узком понимании. Это паремии или ПЕ, т.е. пословицы и поговорки, относимые обычно к образованиям малого фольклорного жанра.

Паремии языка составляют по своим структурным, семантико-функциональным и деривационным данным особую подсистему. Поэтому важной индивидуальной кодификационно-значимой характеристикой слова является демонстрация его паремиообразовательных возможностей. Ср. рус. ПЕ [в том числе и старинные] со словом ХЛЕБ: «ХЛЕБ – всему голова»; «ХЛЕБ греет – не шуба»; «Калач приестся, ХЛЕБ - никогда»; «Ищи, как ХЛЕБ ищут»; «ХЛЕБ – на столе, и стол – престол, а хлеба ни куска, и стол - доска»; «Худ обед, коли ХЛЕБА нет»; «ХЛЕБ в пути – не тягость»; и др.; или это сочетания двух слов [например, «Бог» + «дать»] в рус. паремиогруппе: «Бог дал живот, Бог даст и здоровье»; «Бог даст день, Бог даст и пищу»; «Вам Бог дал, а нам посулил»; «Бог даст, и в окошко подаст»; «Бог дал, Бог взял»; и др.

Одним из направлений современного общего, сравнительно-типологического, германского, романского, славянского и тюркского языкознания [Дж. Буранов, 1983. С. 4-5 и др.] является паремиологическое, сущностным аспектом которого считается исследование паремийной (пословично-поговорочной) насыщенности художественного (или иного) текста и индивидуальной речи, а также словарей различного типа.

Известно, что среди языковых единиц с национально-культурным компонентом семантики, формирующих фоновые знания носителей языка, значительное место занимают именно пословицы и поговорки (= паремии), имеющие историческую и познавательную ценность.

ПЕ, например пословица, - это изречение, которое отличается

устойчивостью в речевом обиходе, лаконичностью построения, ритмической организацией и яркой образно-метафорической характеристикой, отражающей какую-либо известную разговорно-бытовую ситуацию, ср. пословицы: «Лес рубят - щепки летят»; «Без труда не вынешь и рыбку из пруда»; «Весна красна цветами, а осень - пирогами» и т.п. При этом образность ПЕ нередко основывается на выразительных возможностях отдельных ее слов-компонентов, приобретающих характер особой символики, аллегорического смысла, ср.: «Лезет в волки, а хвост собачий»; «Лисий хвост, а волчьи думы»; «Не волчий зуб, так лисий хвост» и т.д.

Сравнительно-сопоставительный анализ паремийной (пословично-поговорочной) образности на материале наиболее частотных паремий - мало исследованная область общей и прикладной паремиологии. Ее лингвистическое изучение только еще начинается - за исключением кодификационных основ контрастивной паремиографии [Т. А. Бушуй, 1992; 1992а; 2000; 2002; 2002а и др.], номинацентрических пословиц в разносистемных языках [П. У. Бакиров, 2006], концептуализационно-опозиционного подхода к объяснению паремической картины мира, кодификации фольклорной афористики [М. М. Абдурахимов, 1989]; анализа отдельных концептосфер [З. Р. Гулямова, 2007; Н. В. Рузметова, 2010; Б.М. Жўраева, Р.А. Аҳмедова, 2015] и др.

Наряду с этим актуальной проблемой современного общего языкознания является также изучение лингвистических основ комплектования словарей различного типа в ракурсе конкретного аспекта - скажем, лексико-семантического, грамматического, фразеологического, стилистического и т.д. В частности, интерес представляет здесь крупная проблема, которая сводится к исследованию отдельных значимых в

номинативно-коммуникативном (текстопорождающем) плане единиц языка в рамках словарного контекста. Таковыми, к примеру, выступают - вне всякого сомнения - паремии (прежде всего - пословицы и поговорки), формирующие среди языковых единиц национально-культурный компонент семантики особого свойства. Причём именно в образной организации паремий исключительно широко отражается национальное своеобразие жизни того или иного народа, факты из его истории (порою весьма отдалённой), природно-географические особенности страны, культура, экономика и т.д. Объяснения многих пословиц и поговорок современного языка отыскиваются в наши дни в глубинах исторической действительности, в быте и обычаях, в реалиях культуры.

Кроме общелитературных паремиданных здесь важно учитывать паремиосистему в диалектах и региональных вариантах языка.

Именно в этом плане сопоставила литературную и диалектную паремиологию узб. языка М. З. Садриддинова [1985] в следующих параметрах:

1) Употребляемые только в диалектах ПЕ, паремиоформа которых содержит диалектизмы какого-либо говора:

“Айраты кийип, ай болдым, → «Одев чужое, я стала луной,

Алып кэтти, шай болдым” Унесли чужое – я осрамилась»

[в ПЕ отражены диалектизмы мангытского говора: “айраты” («чужая вещь, взятая во временное пользование») и “шай” («простыжённая»)] [с. 11].

2) Семантико-образная достаточно близкая соотносительность одной и той же ПЕ в литературном и диалектном употреблении:

Литературный язык Диалект [мангытский говор]

“Аданда яхши жой бўлса, “Эдэндэн тапылса,

Тўрнинг не хожати бор” Төргэ етмэ”

«Если есть хорошее место [«Если найдётся место на проходе, на проходе –

То и место в почётном Не проходи в почётный углу ни к чему»] угол»] [с. 12].

3) Сохранение в литературной паремии форме диалектных компонентов, что обуславливается требованиями стиля и ритмики употребления:

Литературный язык Кыпчакский диалект

“Кўр ўр бўлар” “Кэр ор болар” [с. 13] и т.д.

[«Слепец-упрямец»]

Если учесть паремиологию языковых вариантов, то здесь также отмечаются свои закономерности.

Так, примечательно, что паремииобразование не показательно для австрал. и кан. вариантов англ. языка, история которых сравнительно небольшая.

Некоторое развитие получила американская паремииология. Для неё характерны следующие особенности:

- ПЕ состоят из элементов литературного языка: in the bag [«Дело в шляпе» (букв. «в сумке»)];

- ПЕ-диалектизмы: in corpore;

- ПЕ подвержены вариативности структуры: Not to amount to a row [→ hill] of beans [→ pins] [«Капля в море»; «Гроша ломаного не стоит»];

- ПЕ характеризуются образностью, основанной на сугубо американской реальности: Cat from the same cloth [букв. «вырезаны из одной материи» в смысле «Одного поля ягоды»; «Одним лыком шиты» или узб. “хаммаси бир гўр”]. Поэтому возможны расхождения в этом плане с британской паремииологией:

Англицизм Американцизм

Dog does not eat dog

Dog eats dog

[букв. «Собака не ест собаку»]

[букв. «Собака ест собаку» в

смысле «Человек человеку волк»]

рус. «Ворон ворону глаз

не выключает» // узб. “Қарға қарғанинг кўзини чуқимас”.

В большинстве своём, амер. ПЕ основаны на литературной лексике англ. языка, поскольку амер. варианту порядка триста лет. А вот если взять так называемые «старые» языковые варианты, то здесь уже устоялись некоторые ПЕ. Ср., например, пословицы в шотл. варианте: Bernt baerns dread the fire [букв. «Обжжённые дети боятся огня», соотв. «Обжжёвшись на молоке, дует на воду»; «Пуганая ворона куста боится»]; Teach the cat the way to the kirk [букв. «Учить кошку как пройти на праздник урожая»; соотв. «Пустить козла в огород»]; Eating and scratching wants but a beginning (в смысле «Аппетит приходит во время еды» (стоит только начать)); None can play the fool so well as a wise man (в смысле «Если умный валяет дурака, за ним никакой дурак не угонится»); Before you choose a friend eat a bushel of salt with him (в смысле «Чтобы узнать человека, надо с ним пуд соли съесть»); Be slow in choosing a friend, slower in changing him (в смысле «Выбирая друга - не торопись, тем более не торопись менять его»); Let every sheep hang by its own shank (в смысле «Каждый должен заниматься своим делом») и др.

В целом, к настоящему времени установились некоторые общие лингвистические характеристики ПЕ:

1. Паремииология - важный элемент языковой системы и речевой деятельности. Словари рекомендуют все более последовательно такие образцы паремий, которые выделяются специфичностью своих семантико-тематических, образных, структурных, стилистических и коммуникативно-прагматических характеристик [Х. Бердиёров, Р. Расулов, 1984; Дж. Буранов, 2002. С. 102].

2. Паремии базового фонда языка отличаются клишированностью своей формы, допускающей определенный минимум вариативной трансформации (лексической, грамматической, структурной и др.).

3. Базовые паремии языка - идиоматичны. Их семантика отражает всеобщность, передаёт идеи мотиваций, содержит всевозможные советы и рекомендации.

4. Паремии выделяются своим коннотативно-оценочным потенциалом, ср. англ. ПЕ: “A fool’s bolt is soon shot” (= рус. «У дурака деньги долго не держатся», т.е. буквально «Дурак быстро упускает свои возможности»); “Fools rush in where angels fear to tread” (= рус. «Дураки спешат туда, куда ангелы и ступать даже бояться») и т.п.

5. Образность паремий соотносима с семантикой опорного слова паремиоформы.

6. Паремиофонд языка составляет отдельную подсистему. Её свойства обуславливаются уровневой организацией языка. Тем самым определяются наиболее существенные категории, позволяющие представлять типологию ПЕ, особенности внутрипаремиологического развития и взаимосвязи паремиологии с другими языковыми подсистемами [в первую очередь с лексикой, фразеологией, синтаксисом].

7. Паремии - обязательный элемент словаря общего типа. При этом словари [толковые, контрастивные, фразеологические и паремиологические] ориентируются, прежде всего, на наиболее употребительные ФЕ и ПЕ. Лучшие словари полного объема – это крупные паремийные собрания. Так, только в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля (как известно, работа велась в течение 53 лет: с 1819 г. по 1872 г.) порядка 30 тысяч пословиц и поговорок. Они используются в словаре как излюбленное средство толкования. На наиболее употребительные слова привлекаются порядка 50-100 пословиц и поговорок. К примеру, на слово «воля» - 73 ПЕ, на «глаз» - 110 ПЕ, на «голова» - 86 ПЕ, на «деньги» - 82 ПЕ, на «добро» - 60 ПЕ и т.д. Ср. паремийные иллюстрации в словаре В. И. Даля слова «труд»: «Человек

рожден на труд. Без труда нет добра. Труд кормит и одевает. Лень с труда сбила. От трудов праведных не наживешь палат каменных. Для родимого и труд не в труд. Бог труды любит. Труд человека кормит, а лень портит. Смерть за подъячим пришла, а подъячий со смерти за труды просит! (лубочная картина). От трудов своих сыт будешь, а богат не будешь. Терпенье и труд все перетрут. Белые ручки чужие труды любят.

Если обратиться к самому полному толковому словарю русского языка - ССРЛЯ (1950-1965 гг. издания), то налицо активное включение в него достаточного множества ПЕ. Ср. следующие типичные образцы в ССРЛЯ: «Жизнь прожить - не поле перейти» (т. 4, с. 144); «За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь» (т. 4, с. 1129); «Хоть телешом, да в шапке» (т. 15, с. 223); «Кто старое вспомнет, тому глаз - вон» (т. 3, с. 122); «С глаз долой - из сердца вон» (т. 3, с. 125); «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сломить» (т. 3, с. 216); «Сколько голов, столько умов» (т. 3, с. 217); «С миру по нитке голому рубаха» (т. 3, с. 246); «Мал горшок, да мясо варит» (т. 3, с. 314); «В гостях хорошо, а дома лучше» (т. 3, с. 337); «Готовь летом сани, а зимой телегу» (т. 3, с. 341); «Не клади плохо: не вводи вора в грех» (т. 3, с. 390); «Рад бы в рай, да грехи не пускают» (т. 3, с. 390); «Не было ни гроша, да вдруг алтын» (т. 3, с. 426); «Время губить, не воротить» (т. 3, с. 467); «Даровому коню в зубы не смотрят» (т. 3, с. 562); «Своя рука - владыка» (т. 2, с. 434); «Не суйся в воду, не спросясь броду» (т. 2, с. 495); «Не за то волка бьют, что сер, а за то, что овцу съел» (т. 2, с. 609); «Волков бояться - в лес не ходить» (т. 2, с. 609) и т.п.

Из типичных образцов ПЕ - поговорок в ССРЛЯ укажем на такие, как: «Не в бровь, а (прямо) в глаз» (т. 3, с. 122); «Дуться, как мышь на крупу» (т. 3, с. 117); «Волчий рот, лисий хвост» (т. 2, с. 610) и т.д.

Обычно ПЕ представляют собой устойчивые коммуникативные обороты афористического характера. Они отражают в языке народную мудрость, коллективную оценку самых различных житейских наблюдений. Ср. следующие образцы наиболее показательных в этом отношении пословиц: «Что посеешь, то и пожнёшь»; «Дрова рубят - щепки летят»; «Кашу маслом не испортишь»; «Не всё золото, что блестит»; «Всякому овощу своё время»; «Взялся за гуж - не говори, что не дюж»; «Не место красит человека, а человек место»; «Горбатого могила исправит»; «Лиха беда начало»; «Без труда не вынешь и рыбу из пруда»; «Лежачего не бьют»; и др.

Как видно, все ПЕ соответствуют по структуре предложениям основных типов. Функционально они относятся в большинстве своём к разговорно-бытовой речи. Ср. ещё: «На безрыбье и рак рыба»; «Мал золотник, да дорог»; «Терпенье и труд всё перетрут»; «Цыплят по осени считают» и др.

Особо значима внутренняя форма паремии.

Ср. такие гаг. поговорочные ПЕ, отличающиеся национально маркированной образностью внутренней формы: «аул ёреннеря парды ташымаа» [«бездельничать» (букв. «подносить лозу плетущим изгородь»)]; «аттан инди, ешяа пинпи» [«променять сапоги на лапти», «променять шило на мыло» (букв. «пересесть с лошади на осла»)]; «ёлу бейгир налы аарамаа» [«искать прошлогодний снег», «искать вчерашний день» (букв. «искать подковы мёртвых коней»)].

Внутренняя форма паремии – это образная основа мотивации семантического сдвига. Она объясняет направление переосмысления и обозначает типичные жизненные ситуации, даёт представление об общей связи между типом предметной ситуации и ее переосмыслением. Ср., например, ещё и такую паремиогруппу англ. языка: “Не

whose belly is full believes not him who is fasting” (= «Сытый голодного не понимает»); “In a calm sea every man is a pilot” (= «В тихую погоду каждый может быть лоцманом»); “In a long journey straw weighs” (= «В дороге и иголка тяжела»); “It is a poor heart that never rejoices” (= «Плох тот человек, который никогда не радуется»); “It is a poor mouse that has only one hole” (= «Плоха та мышь, у которой только одна лазейка»); “It is a silly fish, that is caught twice with the same bait” (= «Глуп тот, кто дважды попадает на одну и ту же удочку»); “Lazy folks take the most pains” (= «Нерадивому приходится работать больше всех»); “Lazy ox is better for the goad” (= «Ленивого нужно подгонять») и др.

Сравнительно-сопоставительный анализ лексико-семантических отличий в системах различных языков способствует уяснению общих лексико-психологических основ механизма образного мышления, а также позволяет раскрыть собственно лингвистические закономерности создания языковых образов, которые определяют внутреннюю организацию паремиоформ.

Паремиино маркированные национальные образы разных языков не тождественны, потому что паремиологическая индивидуализация языковой ментальности народа исключительно сложна и внутренне версифицирована. К примеру, следующие проявления национального характера англичан получили соответствующее паремииное подтверждение:

- чувство сохранения лица в любой ситуации: Better a glorious death than a shameful life [«Лучше славная смерть, чем постыдная жизнь»];

- предусмотрительность в своих действиях и поступках: He who says what he likes, shall hear what he does not like [«Кто говорит то, что ему вздумается, услышит то, что не понравится»];

- негативное отношение к беспомощности в делах, медлительности,

неспособности к чему-либо: He who hesitates is lost [«Колебание пагубно»];

- скептитизм по отношению к зазнайству и хвастовству: Pride goes before a fall [Pride will have a fall; Pride goes before destruction] [в значении «Дьявол гордился, да с неба свалился»];

- настойчивость в преодолении препятствий и упорство в достижении желаемого, терпение и упорный труд: A hedge between keeps friendship green [в значении «Препятствия укрепляют настоящую дружбу»]; With time and patience the leaf of the mulberry becomes satin [в значении «Со временем и при терпении и тутовый лист станет атласом»; соотносимо с рус. «Терпение и труд – всё перетрут»];

- смелость: None but the brave deserve the fair [соотносимо с рус. «Смелость города берёт»];

- уступчивость, готовность к компромисам: There's no such a thing as a free lunch [в смысле: «За всё надо в конце концов заплатить»; «Нельзя что-то получить, не отдав при этом ничего взамен»];

- здравомыслие, бережливость и ориентация на логику поступков: Take care of the pence and the pounds will take care of themselves [в значении «Береги пенсы, а фунты сами себя сэберегут»; соотносимо с рус. «Копейка рубль бережёт»] и т.д.

Вместе с тем – несмотря на очевидные и сущностные различия – взаимодействие культур можно рассматривать как диалог, ведущий к взаимному обогащению и общему расцвету контактирующих культур, разъяснению их исторических корней и снятию культурного противостояния.

На практике разноязычное межпаремийное сопоставление сводится прежде всего к отысканию оптимального толкования образной основы ПЕ исходного языка. Ср. рус.-узб. параллели: «Любишь кататься, люби и саночки возить» - «Чанада учишни ёктирсанг, чана тортишни хам ўйлаб кўй»; «Друзья

познаются в беде» - «Дўст бошга кулфат тушганда билинади»; «В гостях хорошо, а дома лучше» - «Меҳмондорчиликда юриш яхши-ю, аммо ўз уйинга нима етсин».

Затем следует сопоставление методом подбора аналогов. Ср.: «По платью встречают, по уму провожают» - «Ўзига боқма, сўзига бок».

При интерпретации ПЕ языка1 средствами языка2 следует стремиться к сохранению её традиционности и национально-культурного своеобразия. Тем самым не исключается привнесение в язык перевода новой для него паремииформы: узб. ПЕ «Ит итга буюрди, ит кўйруғига» → рус. «Пёс послал собаку, ну а та – свой хвост» [т.е. «Один поручил другому, другой - третьему»].

В толковании паремий надлежит учитывать также принцип семантико-тематической систематизации пословично-поговорочного материала. Например, по теме «правда» соотносимы рус. пословицы: «Правда глаза колет» и «Правда светлее солнца».

Принцип тематической систематизации паремий вполне выдерживается и при подборе межъязыковых аналогов, ср. рус.-узб. параллели по теме «труд-меҳнат»: «В труде рождаются герои» - «Қахрамонлар меҳнатда туғилади»; «Без труда нет плода» - «Ишламаган – тишламас»; «Иши йўқнинг ризки йўқ»; «Труд человека кормит, а лень портит» - «Ишлаганнинг оғзи ошга тегар, ишламаганнинг боши тошга тегар»; или же по теме «дело – иш, юмуш»: «Дело мастера боится» - «Иш устасидан кўрқар»; «Кончил дело – гуляй смело» - «Меҳнат қилиб топганинг, қанду асал тотганинг»; «Люби дело -мастером будешь» - «Хунарни ўрганишга ҳам хунар керак».

Несомненно своевременность именно такого исследования. В его задачи входит сопоставительный анализ лингвистического, дидактического и поэтического содержания паремий в языках с их особым культурным развитием. Это сравнение дает возможность показать

общие закономерности языковой кодификации паремий.

Одной из наиболее же важных проблем паремиологии в настоящее время является комплексное лингвистическое описание типов паремий, которые устойчивы в словаре и активно реализуются в тексте. Без владения такой информацией невозможна надлежащая постановка общей языковой культуры в обществе.

Подобная лингвистическая работа четко ориентируется на сложившуюся в современном общем языкознании тенденцию, которая обоснованно выдвигает задачу всестороннего изучения комплексной проблемы человеческого фактора в системе речевой деятельности. Это ориентация на антропоцентрическое изучение языка в его реальном функционировании в аспектах речепорождения, прагматики, когнитивности, концептуальности и лингвокультурологии. Особую значимость при этом имеет оценочность любых паремиосведений. Человек как бы аккумулирует в паремиологии свою собственную или же полученную в обществе характеристику. Он своеобразно «очеловечивает» окружающую объективную действительность, одушевляя неодушевленное. В связи с этим Ш. Балли (1961. С. 221) так объясняет указанную оценочную функцию языка: «Извечное несовершенство человеческого разума проявляется также и в том, что человек всегда стремится одухотворить все, что его окружает. Он не может представить себе, что природа мертва и бездушна; его воображение постоянно наделяет жизнью неодушевленные предметы, но это еще не все: человек постоянно приписывает всем предметам внешнего мира черты и стремления, свойственные его личности». Ясно, что такой антропоморфизм есть универсальный закон развития языковых средств номинации - в том числе и паремиологических.

Тем самым настоящее исследование призвано заполнить очевидный пробел, существующий в общей истории лингвопаремиологии. Оно ориентировано на отыскание того внутреннего единства, которое наличествует в многоязычных разысканиях преимущественно прикладного характера. Это единство отличают такие особенности, как историзм, диахроническая перспектива, контенсивно-типологический [= содержательно ориентированный] анализ, разработка классификационных основ систематизации паремиофонда языка, внимание к различным параметрам лингвистической актуализации в отдельных паремиоформах, паремиогруппах и во всей языковой паремиосистеме в целом. Представляется, что выбор именно такого акцента интерпретации фактологического материала вполне оправдан необходимостью дальнейшего развития большой области знания на стыке фольклора, паремиологии и лингвистики.

Именно в этом направлении и развивается в современном мире новейшая лингвопаремиологическая мысль.

Так, «Internationaler Kongress zur Phraseologie und Parömiologie» [Universität Santiago de Compostela, 19.-22. September, 2006] обсудил следующие работы в этой области:

- S. Gómez-Jordana Feraly. Les proverbes sont-ils des expressions figées? Étude diachronique de deux proverbes français;

- J.-R. Klein. Le figement dans les proverbes et les expressions verbales: un débat qui n'est pas encore figé;

- M. C. Augusto. O elemento zoomórfico na fraseologia e paremiologia: uma abordagem léxico-semântica contrastiva;

- L. Chacoto. «Vale mais um gosto na vida que très vinténs na algibeira». Las estructuras comparativas en los proverbios portugueses;

- G. Ziegler. Proverbs as explanation resources in foreign language teaching and learning;

- D. Catalá/L. Chacoto. Estudio contrastivo de los proverbios portugueses y españoles en el ámbito de las profesiones;

- A. Nogueira. "Quem sai aos seus (não) degenera": estruturas sintácticas clássicas en proverbios portugueses;

- M. Quitout. Parémiologie & parémiographie aus Maroc: état des lieux et perspectives; и др. [Всего свыше 30].

Исходя из вышесказанного, целесообразным представляется далее рассматривать паремиологию в следующей последовательности:

1. Языковая природа паремийной единицы в соотносительной связи языка и познания объективной действительности, коммуникативной и познавательной функций языка в знаковом, семантико-прагматическом и лингво-культурологическом ракурсах с выходом на клише, крылатые слова и паремиотерминологию. Все это позволяет, в итоге, обобщить релевантную информацию о сущности природы паремии и позиций полигенезиса в языках различных паремийных (шире - клишированных) структур, мотивированности их внутренних форм, оценочности, диалектических основ паремиодеривации, сходств / расхождений ПЕ и ФЕ.

2. Паремийное восприятие картины мира на основе отражения логических и образно-ассоциативных процессов мышления, универсальности межъязыковой соотносительности в виде сходства / приближенности по различным ярусам, сопоставления сходного (общего или приближенно близкого) и национально-специфического (особенного или индивидуально-характерного), диахронического анализа языков а) родственных или б) устойчиво и длительно контактируемых (вне зависимости от степени родства), учета влияния различных стимулирующих

межъязыковую общность факторов - от единых историко-культурных традиций до общих

ареалов языкового функционирования, принципов систематизации межъязыковой эквивалентности. При этом возможно становление

межъязыковой паремиологической общности в образной репрезентации картины мира. Она обуславливается такими факторами, как соотносительность существования контактируемых языков (в виде сходства материальных и историко-социальных условий функционирования), родство, конструктивная близость, взаимодействие культур и т.д. На структуриацию же межъязыковой паремийной общности воздействуют в разной степени закон единства и борьбы противоположностей, нарушения равновесного состояния, закон отрицания отрицания, закон перехода изменений количественных в качественные (и обратно), определение меры вещей по органической связи количества и качества, соотношение единичного и общего, проявление

общего в сходстве однородного ряда явлений, проявление общего в единстве условий существования конкретного множества, соотношение причины и следствия (наличие необходимого характера причинно-следственной связи и необходимых условий причинно-следственного взаимодействия), соотношение необходимости и случайности с выделительным выражением необходимого, отношение возможности и действительности (воспроизведение возможности как потенциальной действительности по предпосылкам старого опыта, отражение ведущей роли действительности), соотношение содержания и формы / соответствие между формой и содержанием, соотношение сущности и явления (воспроизведение неразрывности взаимосвязи сущности и явления).

3. Каталогизация паремийного фонда языка (на основании обобщения опыта региональной паремиоисториографии) в виде поиска, систематизации и первичной обработки всевозможных первоисточников в области фольклора и паремиологии, определения значимости сведений о пословицах, поговорках, афоризмах, загадках, скороговорках, толгау, жаклау, терме, притчах, а также таких важных паремийных сокровищницах, как сказки, сказы, сказания, легенды, дастаны и т.д. Использованию подлежат еще и любые другие тексты, словари, фонды рукописей и т.д.

Подобная паремиоисториографическая каталогизация позволяет выявить паремийное (фольклорное) богатство конкретного народа или региона, значимость введенного в научно-культурный обиход фольклорно-паремиологического материала, основные паремийные сборники в соответствующем языке написания (на национальном языке и в иноязычном оформлении), методологию разработки принципов комментирования паремиоматериалов (отдельные образцы паремий, их лингвистические и страноведческие особенности, история возникновения, время записи, источник паремии и др.).

4. Паремийная система языка и построение классификационных схем ее описания по различным параметрам: семантико-тематическим,

грамматическому параметру слов-компонентов ПЕ, деривации, источнику происхождения и др.

В итоге выявляются такие релевантные особенности языковой паремиосистемы, как: типовые значения ПЕ и их семное содержание, идеографика паремиофонда, основные паремиотематические поля (включающие паремиотематические ряды, микрогруппы и макрогруппы), сопряженность содержательной стороны ПЕ с 1) обобщенно-конкретной ситуацией и 2) различными коннотациями (оценочными, культурно-историческими, национальными, географическими и др.), синонимия ПЕ, антонимия ПЕ, грамматика ПЕ, текстовая актуализация ПЕ.

5. Паремиография, призванная решать такие словарные задачи, как: паремиообразовательная специфичность слова, участие ПЕ в формировании общеязыковой системности (прежде всего собственно паремийной и лексико-фразеологической), системность ПЕ по вариантности, синонимии, антонимии, полисемии, омонимии, деривационное соотношение паремио- и фразеоформ по имплицитности / эксплицитности, паремиопроизводство в словообразовательном гнезде, паремиомоделеобразование, принципы словарной дефиниции ПЕ, паремиокодификация толкового, переводного и специального паремиологического словаря.

Литература

1. Абдурахимов М. М. Фольклорная афористика и словарь: (На материале узбекского и русского языков). – Ташкент: Фан, 1989. – 95 с.
2. Асанов Шевкет. Аталар сёзлери ве айтымлар. Къырым-татар тилининъ паремиологик лугъаты. Топлагъан ве тертип эткен Шевкет Асанов. – Симферополь: Къырым девлет окъув-педагогика нешрияты, 2002. – 184 с.
3. Бакиров П. У. Семантика и структура номинацентрических пословиц (на материале русского, узбекского и казахского языков). – Ташкент: Фан, 2006. – 298 с.
4. Балли Ш. Французская стилистика. – Москва: ИИЛ, 1961. – 394 с.

5. Бекчанова С. Ўзбек халқ нақлларининг ўрганилиши тарихи // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. – Нукус, 2009. - №2. – Б. 115-117
6. Бердиёров Х., Расулов Р. Ўзбек тилининг паремиологик луғати. – Тошкент: “Ўқитувчи”, 1984. – 288 б.
7. Буранов Дж. Сравнительная типология английского и тюркских языков. – Москва: Высшая школа, 1983. – 267 с.
8. Буранов Дж. Фундаментальный поиск в исторические глубины тайн словаря // Хорijiy filologiya. – Samarqand: SamDChTI, 2002. – №2. – С. 102-106
9. Бушуй Т. А. Паремиология в восточнославянской лексикографии // Актуальные проблемы паремиологии. – Материалы Международной научной конференции. – Москва-Бишкек-Ош, 1992. – С. 60-61
10. Бушуй Т. А. Паремиообразовательная деривация слова в восточнославянской лексикографии // Словообразование и номинативная деривация в славянских языках. – Материалы IV Республиканской научной конференции. – Ч.2. – Гродно, 1992а. – С. 72-75
11. Бушуй Т. А. Контрастивная лексикография в ракурсе паремиологии (Из опыта узбекистанской паремиографической мысли) // Вестник Каракалпакского отделения Академии наук Республики Узбекистан. – Нукус, 2000. - №5. – С. 73-75
12. Бушуй Т. Пареміологія у східнослов'янській лексикографії // Українське народознавство: стан і перспективи розвитку на зламі віків. Київ: Міжнародна асоціація україністів; Національна Академія наук України, 2002. – С. 169-170
13. Бушуй Т. Пареміотворча деривація слова у східнослов'янській лексикографії // Українське народознавство: стан і перспективи розвитку на зламі віків. Київ: Міжнародна асоціація україністів; Національна Академія наук України, 2002а. – С. 552-562
14. Бушуй, Тетяна. Пареміолого-фразеологічна співвідносність за деривацією в українській лексикографії // Українське народознавство: стан і перспективи розвитку на зламі віків. Київ: Міжнародна асоціація україністів; Національна Академія наук України, 2002б. – С. 553-555
15. Бушуй Т. А. Принципы перевода паремийных единиц (На материале английского и русского языков) // Таржима назарияси ва муаммолари. – Тошкент: ЎДЖТУ, 2006. – С. 34-37
16. Гулямова З. Р. Антитеза в английских и узбекских паремиях // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 2007. - №6. – С. 45-50
17. Жўраева Б. М., Аҳмедова Р. А. “От” ЛМГ асосида шаклланган ўзбек халқ мақоллари услубияти // Vuxoro davlat universiteti ilmiy axboroti. – Vuxoro, 2015. - №3. – В. 53-57
18. Кононов А. Н. Тюркская филология. 1917-1967. – Москва: Наука, 1968. – 45 с.
19. Короглы, Халык. Огузский героический эпос. – Москва: Наука, 1976. – 239 с.
20. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. – Москва: Высшая школа, 1986. – 336 с.
21. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. – М.-Л.: АН, 1951. – С. 66-68
22. Мелетинский Е. М. Поэтика мифа. – Москва: Наука, 1976. – 407 с.
23. Мирзаев Т. ва бошқ. Ўзбек халқ мақоллари: (Тўплам). – Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1989. – 512 б.
24. Музафаров Р. И. Къырымтатарларнынъ аталар сёзлери. Пословицы и поговорки крымских татар. – Симферополь: Тарпан, 2007. – 144 с.
25. Ниетуллаев Т. Қарақалпақ халық нақым-мақаллары. – Нөкис: Қарақалпақстан, 1982. – 116 сах.
26. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. – Москва: Наука, 1976. – 325 с.

27. Рузметова Н. В. Особенности реализации концепта “гостеприимство” в паремиологии // Преподавание языка и литературы. – Ташкент, 2010. - №3. – С. 61-65
28. Садриддинова М. З. Лексика узбекских пословиц и поговорок: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ташкент: АН, ИЯЛ, 1985. – 20 с.
29. Содикова М. Краткий узбекско-русский словарь пословиц и поговорок. – Ташкент: Ўқитувчи, 1993. – 76 с.
30. Трубецкой Н. С. Избранные труды по филологии. – Москва: «Прогресс», 1987. – 560 с.
31. Фазыл Р. Къайда бирлик, анда тирилик. Кърымтатар аталар сёзлери. – Ташкент: Гъафур Гъулям адына эдебият ве санъат нешрияты, 1971. – 192 с.
32. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. – Москва: Наука, 1978. – 605 с.
33. Шталь И. В. Художественный мир гомеровского эпоса. Отв. ред. А. А. Тахо-Годи. – Москва: Наука, 1983. – 296 с.
34. Bodrogligeti, András J. E. Modern Literary Uzbek. A Manual for Intensive Elementary, Intermediate, and Advanced Courses [incl. a descriptive grammar of Modern Literary Uzbek]. – Los Angeles: University of California, 2003. – 360 p.
35. Bodrogligeti, András J. E. An Academic Reference Grammar of Modern Literary Uzbek. – Vol. I. – Los Angeles: University of California, 2003a. – 690 p.
36. Bodrogligeti, András J. E. An Academic Reference Grammar of Modern Literary Uzbek. – Vol. II. – Los Angeles: University of California, 2003b. – 690 p.
37. Petr, Jan. Nové Samarkandské lingvistické bibliografie // Slovo a slovesnost. – Ročník XLVIII. – Praha: Academia, 1987. – S. 175-176

Бушуй А. Борлиқнинг паремиялар образида шаклланиши. Мақолада паремиялар талқинида атроф-муҳит ҳақидаги миллий ва миллатлараро тасаввурлар, инсоннинг маънавий-ижтимоий фаолияти тил антропоцентриги аспектида, ҳамда турли халқларнинг нутқий афористик системаси ривожининг тарихий тенденциялари таҳлил этилган.

Bushuy A. Formation of paroemia in the image of reality. The article deals with the national and international representation of surrounding world on the basis of paroemia in the aspects of anthropocentricity of language, spiritual-social activity of humans and historical tendency in the development of aphoristic speech system of different nations.

SELF-IDENTITY IN THE CONTEXT OF CROSS-CULTURAL RELATIONS IN CONTEMPORARY AMERICAN LITERATURE

*Tetyana Myronenko, Lesia Dobrovolska,
Mykolaiv V.O. Sukhomlynsky National University, Ukraine*

Key words: *spiritual and moral values, self-identity, multiculturalism, cognitive aspect, globalization, contemporary American literature.*

Self-awareness or self-identity is very important for any society as it determines its capacity to grow and draw up directions for mutual understanding of different groups and individuals. In the era of globalization, when human-beings have opened cross-border links and are becoming more intertwined with each other around the world, process of building self-identity in the multicultural world takes place on many levels: individual, community, country, and the world. Self-identity, self-concept of an individual through the dialogue among cultures is a dynamic social process. It is a potential that individuals can build within themselves as a result of developing interpersonal relations in society and striving consistency.

American Literature from cognitive viewpoint promotes the study of intercultural and multicultural relations within a particular society and is aimed at solving cross-cultural problems. We will use it as a means in this research on shifting self-identity processes towards a successful dialogue among different cultures.

Cognitive Literature is a relatively new discipline in Ukraine. It exists not only to study literary works but more importantly to teach to understand the world and other cultures and to help form an independent creative person, tolerant and open to new ideas in the era of globalization. Formation of a new generation with a critical-creative comprehension, which is the highest level of thinking that, involves “reading beyond the lines” should be a major goal at teaching American literature.

Ukraine as well as the United States of America, is a multicultural country: 103 ethnic groups and nationalities live there. That is why America, a country created by

immigrants, who managed to preserve their national cultures becoming at the same time a part of a “melting pot”, could serve as a great example for Ukraine in the process of building self-identity.

A great number of American writer generations were successful in finding and preserving their ethnic identity and self-identity in their works. Today, when Ukraine is in the process of building its own self-identity and integration into the world global culture, studying American Literature, especially contemporary, as an integral part of American studies at Ukrainian Universities is crucial for this process. It will help a young generation to form their own self-identity as a personality and at the same time to identify themselves as a nation with critical thinking as well as facilitate a dialogue with other nations during the process of integration. Teaching values through contemporary American Literature at any country helps to get acquainted more close with the culture and create a positive image.

The object of Cognitive Literature is aimed at solving cross-cultural problems and promotes the study of intercultural relations through cross-national boundaries and multicultural relations within a particular society. Under these circumstances studying American Literature as an integral part of American Studies at the Ukrainian Universities is crucial for this process.

American Literature in the 80s-90s of the twentieth century is represented by different literary theories like postcolonial, gender, queer, including the “literature of blankness” and by the writers of different ethnic groups who contributed a lot of to American Literature. Unfortunately, in Ukraine there is some lack of information

about the writers of this period and their works. Our main goal is to introduce this rich spectrum of literary works to the Ukrainian students, future generation which will continue to promote the dialogue among cultures. We consider that Cognitive Literature, which is aimed at exploring images, ideas, genres, movements, literary theories, and criticism, would work well as an instrument in examining the plural character of the given period of American Literature.

The problem of identification and self-identification in American Literature is inseparable from the problem of cultural diversity and multiculturalism. American writers of the 80s-90s of the last century raise these questions in their novels and short stories. To prove it the list of writers may be endless: Joyce Carol Oates, Toni Morrison, Bobbie Ann Mason, Anne Tyler, Amy Tan, Jonathan Safran Foer and a lot of other prominent writers.

The problem of self-identity is complex and it is well shown in Joyce Carol Oates novel "We were the Mulvaney's" where she depicts a family and within this one union individuals who try to find themselves in their own way. In the novel it is a small world limited by a family, a small town and a community. The novel tells about a well-to-do farmer Mike, his wife Corinne and their children Mike Jr., Patric, Marianne and Judd. Joyce Carol Oates shows how difficult it may be to find yourself even within one family without saying about the global world but while reading the novel the reader understands and realizes that every human being should aim at it.

The characters are in the development along the whole novel, they try to live in harmony with themselves and the world around them that makes them identify themselves and answer the question what I am. In her short story "Where Are You Going, Where Have You Been?" the central character, Connie, is an American girl, in her adolescent life. She occurs in a situation in which she must make a moral choice and the choice she makes shows her strong identity as

an individual with responsibility before the others. Hermann Severin points out that Joyce Carol Oates novels and short stories: "... deal with basic problems of self-definition, with man's struggle for a stable identity, his longing for values and aims which transcend the banality of his life, his quest for wholeness and consonance with the world; themes which are of critical importance"[7].

African American literature has become a major component and one of the main streams of the literary process in the USA. The African American writers focused on existential themes, which are of great importance and can give an answer to the question of identity of the whole ethnic group and self-identity of a one person. The literary works of Toni Morrison, Ishmael Reed, Gloria Alexs D. Pate have received a huge level of popularity, attention of literary critics and scholarly investigation. Their works are included in the syllabus of the universities.

Undoubtedly, a Nobel Prize winner Toni Morrison is the most distinguished and recognizable among all contemporary African American writers. She managed to move away from overwhelming and dominant context that was white history and moved into another culture of black people. Richard Gray says "Her work can, in fact, be seen as an attempt to write several concentric histories of the American experience from a distinctively African American perspective"[2].

According to Samuel Coale "Toni Morrison almost single-handedly brought African-American literature from its marginal position into the main stream, a process that culminated in the Pulitzer Prize for *Beloved*. Hers is a world that emerges from the anecdotes, superstitions, and folktales of the black oral tradition, an enchanted world in which ghosts and omens are real, and the metaphorical becomes the disturbingly literal"[1].

Toni Morrison's one of the best novels "Beloved" concentrates on the memories of American black history. One of the themes of the novel is a human being, what is a free human being and his past and roots because if

you know your past you can answer the questions concerning your present, future and the identity of your culture can be found.

Comparing the issues of identity and self-identity of the presented novels we can see how different the culture of each nationality is but human and moral subject does not depend on the nationality it deals with the virtues common to everybody.

Correspondingly the study of literary works in a cognitive way where students get acquainted with something not familiar to them, helps to educate a person tolerant to the representatives of another culture, it helps to develop ability to listen, understand, conduct a dialogue, and come from global confrontation to global integration because any society cannot exist without agreement.

From a philological standpoint Cognitive Literature, and American Literature as an integral part of American Studies, appeals to the interest of the English language as a national culture and ways of translation of linguistic phenomena that helps to apply the skills of literary analysis.

The process of cross-cultural relations must be aimed at building a dialogue among cultures and the comparison of different

literatures helps to realize contracts – that is the experience from another view point and from pedagogical standpoint it encourages to understand one's own culture differently in the light of the new ones encounter. During the lessons of American Literature the students should explore and share the ideas of identity and be taught to compare them.

Nevertheless it is still a challenge for Ukrainian students to find a contemporary American novel to read and analyze it from philological and pedagogical points of view.

Summarizing the issues of the discussed problem we must say that the era of globalization which has long started in American Literature has a positive impulse on the development of literature and on the whole literary community when we to teach it from cognitive view point.

The words of Martin Luther King “We are caught in an inescapable network of mutuality, tied in a single garment of destiny. Whatever affects one directly, affects all indirectly” still have a great significance for everyone and multicultural American Literature as a part of American studies helps to build bridges between different ethnic groups and nations.

References

- 1.Coale, R.(2001). *In Search of new Definition and Designs: American Literature in the 1980-90's*.
- 2.Gray, R. (2005). *A history of American literature*. Blackwell Publishing Ltd.
- 3.Loeb, M. (2002). *Literary Marriages: a study of intertextuality in a series of short stories by Joyce Carol Oates*. New York.
- 4.King, M.L. (1964). “Letter from Birmingham Jail” in *Why We Can't Wait*. New York: Mentor.
- 5.Morrison, T. (1998). *Beloved*. New York: Alfred A. Knopf.
- 6.Oates, J.C. (1997). *We were the Mulvaney's*. Plume.
- 7.Severin, H. (1986). *The Image of the Intellectual in the Short Stories of Joyce Carol Oates*. New York: Lang.

Мироненко Т., Добровольская Л. Ҳозирги америка адабиётдаги маданиятлараро муносабатлар контекстида шахснинг ўз-ўзини идентификациялаш муаммоси. Мақола муаллифлари ҳозирги америка адабиётдаги маданиятлараро муносабатлар контекстида шахснинг ўз-ўзини идентификациялаш муаммосининг ахлоқий ва маънавий нуқтаи назардан таҳлилини амалга оширишган. Муаллифларнинг таъкидлашича, ҳозирги америка адабиётда шахснинг ўз-ўзини идентификациялаш муаммоси маданий ранг-баранглик ва мультимаданийлик масаласи билан чамбарчас боғлиқдир. Шу мақсадда

мақолада ҳозирги Америка таниқли ёзувчилари - Жойс Керол ва Тони Моррисонларнинг бадиий асарлари таҳлил қилинган.

Мироненко Т., Добровольская Л. Проблема самоидентификации в контексте межкультурных отношений в современной американской литературе. Авторы статьи анализируют проблему самоидентификации, исходя из моральной и духовной точки зрения в контексте межкультурных отношений в современной американской литературе. Авторы утверждают, что проблема самоидентификации личности в современной американской литературе неотделима от проблемы культурного разнообразия и мультикультурализма. С этой целью в статье проанализированы художественные произведения известных современных американских писателей - Джойс Керол Оутс и Тони Моррисон.

МИКРОМАТН ВА УНИНГ ДЕРИВАЦИОН ХУСУСИЯТЛАРИ ТЎҒРИСИДА АЙРИМ ҚАЙДЛАР

(инглиз ва ўзбек тиллари материаллари асосида)

Турниёзова Шаҳноза,

*Самарқанд давлат чет тиллар институти
филология фанлари номзоди*

Калим сўзлар: *микроматн, деривация, оператор, операнд, погонали муносабат.*

Матн тушунчаси кенг қамровли бўлиб, унинг ифода материали оддий графемадан бошланиб катта ҳажмли асарни ҳам тақозо этиши мумкин. Шу боис матннинг лингвистик талқинини беришда «микро» ва «макро» тушунчаларидан фойдаланиш мақсадга мувофиқ кўринади. Бунда «микро» тушунчаси кичик матнлар талқинида, «макро» тушунчаси эса катта матнлар талқинида самарали қўллана олади.

Шуни таъкидлаш лозимки, матн, микро- ёки макро- ҳолатда бўлишидан қатъи назар, тил унсурларининг нутқда реал қўлланиши намунасини акс эттиради. Бу эса, ўз навбатида, «система» тушунчаси билан бевосита боғланади, зотан, тил бирлиги, қандай ҳажмда ёки кўринишда бўлса ҳам, нутқда реал қўлланар экан, у бир пайтнинг ўзида тил системасининг ҳам амалда қўлланаётганлигидан далолат беради. Демак, матннинг ҳар қандай шаклида ҳам тил системасининг нутқда намоён бўлишини кўради. Агар матн шакли кичик бўлса микросистема, катта ҳажмли матнларда эса макросистема амалда фаоллик кўрсатади. Буларнинг барчаси матн воқеланишининг деривацион хусусиятлари билан узвий боғлиқдир. Бошқача айтганда, микроматнлар деривацияси қонун-қоидалари макроматнлар деривацияси қонун-қоидаларидан кескин фарқ қилади. Бундан ташқари, микроматн макроматннинг компоненти сифатида унинг таркибига кирганда, ўз мақомини ўзгартиради ва шу билан бирга, у билан бевосита боғлиқ бўлган қонун-қоидалар ҳам амалий қувватини йўқотади.

Матннинг ҳар қандай турида ҳам (микро- ёки макроматнларнинг барчасида) предикатив белги мавжуд бўлади. Матн семантик жиҳатдан яхлитликни, тугалланган фикр ифодасини берар экан, уни предикативлик тушунчасидан айри ҳолда тасаввур этиб бўлмайди. Бир сўзли матннинг ифода материални кенгайтириб бўлмайди. Агар у кенгайтирилса, матн мақоми ўзгаради. Қиёсланг: «Тонг» - «Тонг шабадалари», «Тошкент» - «Тошкент оқшоми», «Morning» - «Morning breeze», «Tashkent» - «Tashkent evening».

Микроматн туб ёки ясама сўз билан ифодаланган бўлиши мумкин. Ҳар икки ҳолатда ҳам тил белгиси сифатида унинг ифодаловчи ва ифодаланувчи жиҳатлари кўзга ташланади. Бунда унинг ифодаловчи жиҳати фонемалар мажмуасидан иборат бўлади, ифодаланувчи жиҳати эса бошқа тил белгиларидан кескин фарқланади, зотан, айни пайтда ёлғиз лексемага хос маъно ифодаси эмас, балки бутун бир матнга хос тугалланган мазмуний ифода воқеланади.

Шуни ҳам айтиш керакки, туб ёки ясама сўз билан ифодаланган матнлар «компонент» тушунчаси нуқтаи назаридан фарқланади. Бошқача айтганда, туб сўз билан ифодаланган матнда «компонент» тушунчаси кун тартибига қўйилмайди. Чунки унинг таркибида фақат фонемалар муносабати кузатилади. Ясама сўз билан ифодаланган матн таркибида эса морфемалар муносабати ҳам мавжудлиги учун уларни шартли равишда микроматн компоненти деб номлаш мумкин. Аслида эса морфема матн компоненти мақомига эга бўла олмайди. «Ишчи», «Пахтакор», «

Worker», «Cotton picker» Бироқ шундай бўлса ҳам, ясама сўз орқали ифодаланган микроматн таркибида морфема ўзидан кичик тил бирлиги – фонема учун қўлланиш объекти вазифасини бажаради ва бу орқали тил системаси унсурали ўртасида поғонали (иерархик) муносабат вужудга келади. Бошқача айтганда, фонемалар ва морфемалар ўртасидаги муносабатнинг ҳар бири, ўз навбатида, тилнинг микросистемалар қолипида амалда қўлланилишини акс эттиради ва унинг энг кичик birlikлари саналмиш фонемалар ва морфемаларнинг қўлланилиши жараёнида поғонали муносабат содир бўлади.

Туб сўз билан ифодаланган микроматн семантик деривация маҳсули саналади ва шу боис унинг шаклланиши фақат прагматик муҳит билан боғлиқ бўлади. Ясама сўз қолипида келган микроматн деривацияси эса аффикс морфема орқали ифодаланган операторга таянади. Бошқача айтганда, бунда лексик деривация қонуниятлари аҳамият касб этади. Туб сўз билан ифодаланган микроматннинг семантик деривацияси нол операторли бўлади. Бундай оператор тилнинг бирор реал воситаси орқали ифодаланмайди. Ясама сўз қолипидаги матн деривациясини эса реал операторли деб номлаймиз, зотан, бунда операторлар вазифасида аниқ ифодали аффикс иштирок этади.¹

Айтиш лозимки, деривация ҳодисаси операторсиз воқеланмайди. Чунки оператор лексик деривацияда ҳам, синтактик деривацияда ҳам уларнинг вужудга келишини таъминловчи асосий восита саналади. Шу боис дериватологияда оператор деривациянинг мутлақ ҳоким унсури сифатида талқин этилади². Бироқ оператор морфологик унсур орқали ифодаланмаган бўлиши ҳам

мумкин. Бундай вазиятда, юқорида эслатилиб ўтилгани сингари, «нол оператор» тушунчасидан фойдаланамиз. Нол оператор деганда, морфологик воситасиз, фақат нутқий муҳит имкониятини, ёки тил унсуралининг семантик қуршови (дистрибуцияси) имкониятини тақозо этувчи операторни тушунамиз.

Деривация, албатта, бирор материал асосида воқеланади. Бундай материал ёки хомашё дериватологияда операнд деб юритилади. Масалан, юқорида берилган микроматнларнинг ҳар иккиси ҳам ҳосила структуралар (дериватлар) тарзида таркибсиз, яъни ёлғиз сўз билан берилган операндларга (деривация материалга, хомпашёсига) асосланаётганини кўрамиз.

Сўз бирикмаси қолипидаги микроматнлар ҳам баъзи хусусиятларига кўра мустақил сўз билан ифодаланган микроматнларга ўхшайди. Буни биринчи галда улар орқали тугал фикр ифодаси берилишида кузатамиз. Бундан ташқари, мазкур микроматнлар ҳам бирор санъат асарининг, муайян воқеа - ҳодисаларнинг номларини аташда, пештоқ ёзувлари материалда воқеланади. Масалан, Ч. Аҳмаровнинг «Алпомиш ва Ойбарчин», «Зулматдан зиё», «Мева кўтарган қиз», «Аёл портретини» ёки инглиз адабиётидаги William.M.Thackerayning «Vanity fair», O.Wildening «The picture of Dorian Gray», R.Stevensonning «Treasure Island» сингари санъат асарларининг ҳар бирига қўйилган алоҳида номлар, «Саноат моллари», «Қариялар уйи», «Play bill», «Hardware goods», «Korean Cuisine» каби пештоқ ёзувлари микроматн саналади, зотан, бундай вазиятда ҳар бир бирикма орқали матнга хос бўлган фикр тугаллиги ва яхлитлиги ўз аксини топади.

Айни пайтда шуни алоҳида таъкидлаш зарурки, микроматн мақомида келаётган сўз бирикмаси одатдаги сўз бирикмаларидан кескин фарқланади. Равшанки, анъанавий тилшуносликда сўз бирикмаси нопредикатив номинатив

¹ Қаранг: Турниёзов Н.Қ. Ўзбек тили деривацион синтаксисига кириш. – Самарқанд, 1990, 7-9 - бетлар.

² Қаранг: Храковский В.С. Трансформация и деривация // Проблемы структурной лингвистики-1972.- М.,1973.-С.599.

бирлик сифатида талқин этилади³. Бундай бирликларни Е. С. Кубрякова кичик синтаксисда ўрганиш лозимлигини таъкидлайди ва улар жумласига барча мослашув, бошқарув, битишув алоқасидаги синтактик қурилмаларни киритади. Е.С. Кубрякова шу билан бирга, сўз бирикмалари синтаксисини кичик синтаксис деб аташ лозимлигини айтади.

Бу ўринда шуни ҳам айтиш керакки, анъанавий тилшуносликда сўз бирикмаси масаласи, унинг лингвистик мақоми ҳамон изоҳталабдир. Уни баъзи тилшунослар тил бирлиги деб атасалар, айрим олимлар нутқ бирлиги деб, бошқалари эса на тил, на нутқ бирлиги деб ҳисоблайдилар. Масалан, Л. М. Васильев сўз бирикмасини қатъий равишда тил бирлиги деб талқин этса⁴, Ю. В. Фоменко уни тил бирликлари жумласига ҳам, нутқ бирликлари қаторига ҳам қўшмайди, балки гап таркибида воқеланувчи эркин комбинация маҳсули деб атайди⁵. Бизнинг тадқиқотимизда эса эркин сўз бирикмалари нутқ бирлиги сифатида талқин этилмоқда.

Микроматн тарзида қўлланаётган сўз бирикмаси, одатда, доимий равишда воқеликка муносабат билдириб предикативлик белгисига эга бўлади. Бунинг асосий боиси мазкур бирикманинг тугалланган фикр ифодасини бериши билан узвий боғлиқдир.

Умуман олганда, сўз бирикмаси воқеликка муносабат билдирганда ҳам, билдирмаганда ҳам номинатив маъно унинг доимий ҳамроҳидир. Бундай сифатга микроматн мақомида келган сўз бирикмаси ҳам эгадир, албатта. Бироқ унда номинативлик глобал кўринишда бўлади. Айни пайтда воқеланаётган номинативлик яхлит фикр ифодасини бериш билан бевосита алоқадордир. Тўғрироғи, у фикр ифодасига сингдирилган бўлади. Масалан,

«*Бизнинг қишлоқ*», «*Our village*» сўз бирикмаси билан берилган санъат асарининг номида, шубҳасиз, аташ маъноси мавжуд, лекин бунда ана шу ном орқали «*Кўринг, ҳавас қилинг! Ана бу гўзал манзара бизнинг қишлоқдир*», «*See, and be desirous! That is a beautiful country sight!*» деган яхлит фикр ифодаси ҳам ўз аксини топмоқда. Бу ўринда Н.Турниёзовнинг қуйидаги фикрини келтириш мақсадга мувофиқ деб ўйлаймиз: «Номинативлик маъносини айни пайтда нисбий тушунмоқ керак, зеро, номинативлик билан коммуникативлик ўртасига «*хитой девори*» қўйиб бўлмайди. Ҳатто алоҳида олинган бир сўзда ҳам коммуникативлик белгиси мавжуд бўлиши мумкин»⁶.

³ Қаранг: Звезинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи.- М., 1976.- С.133-134.

⁴ Қаранг: Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика.- М., 1990.- С.48-49.

⁵ Қаранг: Фоменко Ю. В. К вопросам о предмете синтаксиса// Предложение в русском языке – Омск, 1985.-С.11.

⁶ Турниёзов Н. Назарий грамматикадан очерклар. – Самарканд, 1998, 16-бет.

Адабиётлар

1. Турниёзов Н.Қ. Ўзбек тили деривацион синтаксисига кириш. – Самарқанд, 1990.
2. Храковский В.С. Трансформация и деривация // Проблемы структурной лингвистики-1972.- М.,1973.
3. Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи.- М., 1976.- Васильев Л. М. Современная лингвистическая семантика.- М., 1990.
4. Фоменко Ю. В. К вопросам о предмете синтаксиса// Предложение в русском языке – Омск, 1985.
5. Турниёзов Н. Назарий грамматикадан очерклар. – Самарқанд, 1998.

Турниязова Ш. Некоторые соображения о микротексте и его деривационных признаках (на материале английского и узбекского языков). В статье рассматривается вопрос о деривационных признаках микротекста. При этом основное внимание автора уделяется тому, что о синтаксической деривации микротекста речь может идти только тогда, когда он представляет собой производную структуру.

Turniyazova Sh. Some considerations of microtext and its derivational features (based on the English and Uzbek languages). In the article the questions of derivational characteristics of microtext are considered. In this case, special attention is paid to the fact that syntactic derivation of microtext speech can go only when it is a derived structure.

УКРАИН ТИЛИДА ТУРКИЗМЛАР

И.К.Мирзаев, Б.С.Михайличенко

Самарқанд давлат университети профессори, ф.ф.доктори

Калит сўзлар: байбара, ономастик, байда, бала, баламут, балтача, балиқ, барабаши, кучма, сагадачний, карапет, санжарка.

Украин-туркий муносабатларининг илдизи умумславян, Марказий Осиёнинг туркий давлатлари чегараси Азов ва Қора денгиз соҳилларига етиб борган, булғор ва хазарлар таркибига кирган туркий кабилалар VII-VIII асрларда ҳозирги Украина чўлларида пайдо бўлган даврларга бориб тақалади.

Украин тилида *каган* (хоқон), *богатир* (баходир), *сан* (мартаба, унвон), *сабля* (қилич, шамшир) ва шахс отини ясовчи – чий қўшимчаси (къичгъчий, къръмчий) каби сўзлар айнан шу даврларда пайдо бўлган [Қаранг: Гарковец, 641-б.].

Яна шуни таъкидлаш жоизки, украин тилида атоқли отларни ҳисобга олмаганда тўрт мингга яқин туркий сўзлар мавжуд. Уларнинг ярмидан кўпини *гарбуз*, *килим*, *кишмиш*, *отара*, *туман*, *тютюн*, *штани*, *карий* каби умумистеъмол, қолган қисмини тарихий (*башлик*, *бунчук*, *джура*, *канчук*, *опанча*, *осавул*, *сагайдак*, *ясир*, *бай*, *мурза*, *султан*, *хан* ва б.) сўзлар ташкил қилади.

Қадимги Киев даврида булғор, хазар, печенег, қипчоқ, татар тилларидан кириб келган туркизмлар учун а = о га ўтиши хос. Қиёсланг: *богатир* (қипчоқ тилида *багатыр*, мўғул тилида *багатур*, *багадур*), *хазяйн* (қадимги рус тилида *хазя*, қипчоқ-булғор тилида *хузей*, форс тилида *хожа*, араб тилида *haggi*). Мазкур фонетик жараён украин тилига сўнгги даврларда кириб келган туркизмларда қузатилмайди. Қиёсланг: *байрак*, *кабак*, *ковун*, *капкин*, *калим*, *саман*, *чабак*, *ятаган* ва б.

Маълумки, IX асрдан эътиборан Киев Руси хазар хоқонлиги (XI-XIII асрлар) билан яқин ва муқим муносабатларда бўлган. Бундай яқинлик

асосида юзага келган туркизмларни русларнинг "Игорь полки жангномаси"да ҳам кўриш мумкин (*булат*, *хорулаг*, *женьчуг*, *қурган*, *шатро*, *япончица* (→ *опанча*), *клобук* (→ *ковнак*), *товар*, *коций*, *чача*, *лошадь* (→ *лоша*), *барсук*, *евшан*, *бур'ян* ва б.)

Татарларнинг XIII-XIV асрларда кечган юришлари натижасида украин тилига *козак*, *ватага*, *сирий*, *гардак*, *базар*, *харч*, *башлик*, *калита*, *барииш*, *бугай*, *карий* ва б. сўзлар кириб келган. Бу жараён, айниқса, Қрим хонлиги даврида авж олган. Қиёсланг, ч о р в а ч и л и к к а доир: *чабан*, *отара*, *табун*, *аркан*, *торба*, *кабан*, *лоша*, *буланий*, *чалий*, *чайда*; ч ў л х а ё т и г а доир: *байрак*, *колиш*, *лиман*, *туман*, *беркут*, *сарана*, *бакай гарба*; п о л и з ч и л и к к а доир: *баитан*, *гарбуз*, *кавун*, *тютюн*; қ ў ш и н г а доир: *киш*, *табёр*, *осавул*, *бунчак*, *чайка*, *со(га)дак*; к и й и м - к е ч а к к а доир: *чаба*, *кунтуш*, *кобеняк*, *шаравари*, *штани*, *очкур*, *сап'ян*, *чоботи*, *постоли*, *тасъма*, *серпанок*; с а в д о - с о д и к, и ш л а б ч и қ а р и ш, т у р м у ш ва б.га доир: *чумак*, *аршин*, *могорич*, *майдан*, *чавун*, *казан*, *килим*, *тапчан* *локша* (*локшина*), *кив'яр*, *кави*, *кобза*, *люлька*, *гайдамака*, *харциз*, *канчук*, *кайдани*, *чума* [Қаранг: Туркизмы в украинском языке // ru. m. wikipedia. org].

II*. Ўрта [IX-XIV] асрларда украин тилида яратилган бадий матнлар туркий сўзларнинг бошқа этник муҳитга фаол кириб келганлиги ҳолатларини ўзида акс

* Қаранг: И.К.Мирзаев, Б.С.Михайличенко. Функционирование тюркизов в украинском языке // Ўзбек филологияси масалалари. Илмий мақолалар тўплами. 2-чиқиши. –С.: СамДУ, 2000. – 33-39-бетлар

эттирган. Украин Уйғониш [XV-XVI асрлар] ва Барокко [XVII аср] даврларида нуткий конвергенция⁷нинг сифат жиҳатдан янги даражага кўтарилиши, яъни соф "украинча туркизмлар"нинг юзага келиши кузатилади. Қайд этилган даврларда кипчоқ луғатчилигида бўлмаган ноёб лексемалар юзага келади. Бу жараён унчалик жадал бўлмаса-да, кейинги даврларда ҳам давом этиб турди.

Шарқ, хусусан, туркий, форсий, арабий илм ва маданиятни қомусий асосда ўрганиш ишлари ўтган асрнинг бошларида академик Асатангал Кримский томонидан йўлга қўйилган бўлса-да, Украинада илмий шарқшунослик маркази шаклланмади. Шунинг учун бу ерда шарқшунослик гуманитар фанлар орасида ҳамон эътиборга арзимайдиган ўринни эгаллайди.

Биз ушбу мақолада украин тилида амал қилаётган айрим туркий сўзларни таркибий-мазмуний нуқтаи назардан о н о м а с т и к ва х о р е о г р а ф и к материаллар асосида кўриб чиқамиз.

І. О н о м а с т и к туркизмлар. Украин тилида туркий фонетик ва орфографик безаклар билан зийнатланган фамилиялар анча кенг луғавий қатламни ташкил қилади. Булар орасида *бай, бал, бар, бир, беш* сўзлар билан бошланадиган онома туркизмлар, айниқса, кўпроқ кўзга ташланади.

БАЙБАРА. Бундай фамилияли кишилар Украинанинг Полтава "гетманлиги"га қарашли (Чутовое кишлоғи) худудда истикомат қилишади⁸. Б.Д.Гринченко (кейинги сатрларда – БГ) томонидан тузилган "Словник української мови" ("Украин тили луғати")да чўпонлар турмушига хос сўзлар учрайди: "Байбара, ри. ж. – "Длинный кнут пастуха (Чўпоннинг узун қамчиси" [БГ, 1-т., 20-б.].

⁷ Конвергенция – ходисаларнинг айрим белги ва хусусиятларга кўра бир-бирига ўхшашлиги.

⁸ Гетман – гетман (1. Қадимги Украинада казак кўшинлар бошлиғи; Украина хоқими; 2. Қадимги Польшада Бош қўмондон; Гетманство – гетманлик) [Русча-ўзбекча луғат. 2 томлик. 1-Т. –М., 1983, 201-б.].

"Байбара" ҳайвонларни бошқариш қуроли сифатида украин тилининг ўн бир томли изоҳли луғатида ҳам учрайди: "Байбара, и.м., діал. Довгий батІг у пастухів" [Қаранг: Словник української мови, 1-т., 89-б.]. Қамчи ясаган уста ҳам "байбара" деб аталган бўлса, ажабмас. М.Фасмер бу сўзни ўзининг "Этимологический словарь русского языка" номли луғатида киритмаган.

"Байбара"нинг ўзбекча муқобили *бой* (бай) + *бор* (бара). Мазкур қўшма сўзнинг биринчи қисми куйидаги маъноларни англатади: *бой, тўқ, ҳеч нарсага муҳтожлиги йўқ, бадавлат, давлатманд, бадавлат одам, аслзода, нажиб, ҳоким, ҳоқон, султон, кенас*⁹. Э.В.Севортяннинг гувоҳлик беришича, *бай* – этимологик нуқтаи назардан *бар* сўзига яқин (*бар – бор, мавжуд, нақд, борлик, мавжудлик, нақдлик* [Қаранг: Севортян Э.В., Этимологический словарь тюркских языков – ЭСТЯ]). Унсурларнинг қўшилишидан ҳосил бўлган сўз Бай + бар + а *бой киши, кенас; бор, мавжуд, ҳозир* маъноларини ифодалайди.

Украин тилидаги *б а й б а р а* ўзбек тилидаги "Б о й б ў р и" (*бой + бўри = хоқон + бўри*) негизида пайдо бўлганига шубҳаланмаса ҳам бўлади. Чунки *бўри* сўзининг "авлодни асровчи, кўриқловчи" маъноси ҳам бор. Туркий келиб чиқишли бу фамилия украин тилининг ономастик майдонида бошқачароқ маъно касб этган.

БАЙДА – Полтава вилояти худудида (Чутове кишлоғида) кенг тарқалган фамилиялардан бири. Б.Д.Гринченко бу сўзнинг куйидаги маъноларини қайд этган: "1) маишатпараст одам, бепарво (беғам) киши; *Байда бити* (бекор юрмоқ, юлдуз санамоқ, ит суғормоқ); 2) Бесўнақай аёлга бериладиган лақаб; 3) Бўлка ноннинг четидан қирқиб олинган бурда, бир бурда нон" [БГ, 1-т., 20-б.]. Шунга яқин маъно бошқа манбада ҳам учрайди: "*безтурботна, гуляша*

⁹ Кенас – князь – подшо фармони билан бериладиган унвон.

людина, гульвіса" [Қаранг: Словник української мови, 1-т., 89-б.]. Мазкур сўзнинг биринчи қисми (*ба*) фамилия соҳибининг ижтимоий мақомига (*бой, ҳоким, кенас*) ишора ўларок изоҳланади.

БАЛА сўзи ҳам Полтава вилояти худудида учрайди. Баъзан шу ном билан юритилувчи фамилия соҳиблари казарманинг нуфузли шахслари таъсирида яна бир "л" товушини орттириб, *Балла* тарзида ёки унга *ин, он* қўшимчаларини қўшиб талаффуз қилганлар. Б.Д.Гринченко бу лексемага шундай таъриф беради: "Бала, ли, м. Дубина (таёқ, тўқмоқ), пентюх (лапашанг)" [Қаранг: (Малорусско-німецький словарь. Уложили Е. Желеховский и С Недільский. –Л., 1886. Два тома) и (БГ, 1-т., стр. 23)].

"Бола" сўзи туркман тилидан бошқа барча туркий тилларда *гўдак, бола, ёш бола* маъноларини, туркман тилида эса *чақалоқ* маъносини ифодалайди.

Кўринадики, *бо : ла = бола (ба : ла = бала)* – қуш, ҳайвон ва одамнинг янги туғилган, онасидан ажралмаган болаларнинг умумий номи. "Янги туғилган(лик)" маъноси *бола* маъносидан анча илгари, тахминан, Маҳмуд Кошғарий даврида пайдо бўлган. Шунга асослашиб айтиш мумкинки, *бо : ла = бола (ба : ла = бала)* сўзининг семантик таркибида *бола* (ребенок) маъноси бўлмаган. У мажозий кўчиш натижасида юзага келган: янги туғилган ...бола. Туркий тилларда *бола* сўзи санскрит таъсирида пайдо бўлган деган тахминлар ҳам бор. Кейинчалик унинг келиб чиқиши суғд тилига нисбат берилган [Қаранг: Фасмер. ЭСТЯ, 48-49-бетлар]. Бироқ мазкур сўзнинг туркий эканлиги асослироқ: *ўзбекча: бола, болакай*. Кейинги сўз украин тилидаги *балакати* сўзи билан деярли бир хил (ҳам фонетик, ҳам лексикологик нуктаи назардан). Унда *пентюх* (лапашанг, ношуд, беўхшов одам) маъноси йўқ. Шунинг учун Б.Д.Гринченконинг *бола* сўзи салбий маънони ифодалайди деган мулоҳазалари

ҳақиқатдан йироқ. Бунинг устига, *бола* лексемаси украинча талаффуз қилинганда ҳам ёқимли ва жарангдор. Бинобарин, биз украинча *Бала* фамилияси салбий маъноли деган фикрга кескин қаршимиз. *Бала ношуд, қўпол, лапашанг* маъноларини эмас, балки, *бола, ўғил бола, ёш бола* маъноларини ифодалайди. Афтидан, "Малорусско-німецький словарь" муаллифлари *бала* лексемасини *балда* (*қовоқбош, тўпори, калта фаҳм*) лексемаси билан адаштирган. *Бала* "Словник української мови" ва Фасмернинг "Этимологический словарь русского языка" луғатларида қайд этилмаган.

БАЛАМУТ. К.Д.Бальмонтнинг гувоҳлик беришича, унинг аждодлари фамилияси украинча *Баламут* бўлган ва кейинчалик *Бальмонт* шаклини олган. Украин тилининг изоҳли луғатларида бу лексемага шундай таъриф берилган: "Баламут, та, м. 1) руҳий хотиржамликни бузувчи, фитначи, авроқчи, йўлдан оздирувчи (фольклор: "Баламуте, вийди 3 хати, ..."); 2) эмчи, азайимхон, табиб; 3) Балик: скумбрия (кичикроқ денгиз балиғи)" [БГ, 1-т., 21-бет]. "Баламут, а.ч. Той, хто сіе неспокій серед людей, підбурює на якісь учинки; бунтівник. 2. Той, хто залищається до жінок, настирливо домагається взаємності в коханні; спокусник, зальотник. 3. діал. Риба мокрель" [Қаранг: Словник української мови, 1-т., 94-бет].

М.Фасмернинг фикрича, *баламут* лексемаси *балакати* сўзидан илгари пайдо бўлган. Бинобарин, уни, Р.Смаль-Стоцкий ўйлаганидек, *balakati* ва, *mutiti* сўзларининг чатишишидан ҳосил бўлган луғавий бирлик деб ҳисоблаш тўғри эмас. М.Фасмернинг тасавурида мазкур сўзнинг биринчи қисми *бала* – товушга тақлид характеридаги ҳосила [Қаранг: Фасмер. ЭСТЯ, 1-т., 113-б.]. *Баламут*нинг ҳосил бўлишида туркий негиз борлигини унутмаслик ва уни *шўх* (тинмас) *бола* тарзида талқин қилиш керак. Бу сўзнинг ясалиш қолипи ва маъноси, бизнингча,

шундай: туркийча *бола* ва славянча *мутить* (ғул-ғула солмоқ, фитна қилмоқ), яъни *фитначи бола*.

БАЛТАЧА – XX асрнинг 80-йилларида машхур бўлган украиналик футболчи фамилияси. Бу лексема манбаларда қуйидагича талқин қилинади: 1. "Балта, ти, ж. 1) Топор (болта); 2) Жидкая грязь (суяқ ахлат)" [Қаранг: ГБ, 1-т., 24-25-бетлар]. Бу сўз "Словник української мови"да қайд этилмаган. М.Фасмер унинг туркий тиллардан олинганлигини ва ўткир тигли болта маъносини ифодалаши ҳақида ёзган [Қаранг: Фасмер. ЭСТЯ, 1-т., 118-бет]. Ўзбек тилида *болтача*, *кичик болта* деган маънони англатади.

БАЛЫК – Полтава вилоятининг Чутове қишлоғида учрайдиган фамилия. Б.Г.Гринченко уни қуруқ қайд этиш билан чегараланади: "Балык" [Қаранг: БГ, 1-т., 50-бет]. "Словник української мови"да бу сўзга шундай таъриф берилган: "Балык, у.ч. Просолена пров, ялена (Інколи ще й прикопчена) спинка великої красної риби" [1-т., 96-бет]. Украинча изоҳ ўзбекча изоҳ билан бир хил. Қиёсланг: "Қизил балиқнинг тузланган ва қокланган орқа гўшти" [Русча-ўзбекча луғат, 1-т., 47-бет].

Туркий манбаларда *ба* : *лык* балиқнинг барча турларини, жумладан, сут эмизувчи кит балиғини ҳам англатади. Бу лексема қуйидаги кўчма маъноларда ҳам қўлланади: 1. Ҳаяжонланиш туфайли хушдан кетган киши. 2. Юлдузлар туркуми номи. Турк тилидаги *балаклава*, *балиқ овлайдиган ҳовуз* маъносини ифодалайди. Украинада, "Балыклей, Балыклейка (балиқ учун ҳовуз) номли кичик-кичик дарёлар бор. Қримнинг жанубий соҳилидаги шаҳар *Балаклава* номини татарларнинг Қрим ярим оролига келишларидан анча илгари олган. Бу ҳолат украинлар мўғулларнинг истилосигача ҳам кипчоқ қабилалари билан алоқада бўлганлигидан далолат беради.

БАРАБАШ – Украинада кенг тарқалган фамилия. Э.В.Севортян туркий тилларда икки узвли (кўшма) сўзлар анча

кейин пайдо бўлган деб ҳисоблайди. Шундай бўлса, *Бойбўри* каби антик даврларда пайдо бўлган сўзлар генезисини қандай хронологик тартибда белгилаш мумкин?

Барабаш фамилиясининг биринчи қисми архетипи *бар*, *бор*, *бор* бўлмоқ маъноларини англатади ва кўп маъноли: *бор* (ҳозир) бўлган, *мавжуд*, *ҳаёт*, *тирик*. Бу сўз кейинчалик *бойлик*, *бой*, *давлатманд*, *бош* (унинг боши) маъноларини касб этган. Турк тилида *ақл*; озарбайжон тилида *ақлдан* ташқари яна *зеҳн*, *идрок*, *топқирлик*; қорақалпоқ тилида (кўчма маънода) яна *ақлий қобилият*, *раҳбар*, *йўлбошчи*, *бошлиқ*, *бошчи*, *саркор*, *биринчи* маъноларини ифодалайди [Қаранг: Севортян, ЭСТЯ, 64-66; 85-88-бетлар].

Ўзбек тилида *бош* ва *бор* сўзларининг қўшилишидан, *бошли* (каллали) *одам*, *ақлли* (оқил) *одам*, *ақли тиниқ* (равшан,ўткир) бирикмалар ҳосил қилинган. Соф украин тили қонунқоидалари асосида шаклланган, *барабаш* сўзи (ва фамилияси) икки ўзбекча (туркий) луғавий бирлик негизида юзага келган. Бироқ бу сўз *барабаш* шаклида ўзбек тилида ҳам, бошқа туркий тилларда ҳам учрамайди.

КУЧМА – Чернигов "гетманлиги"да амал қиладиган украинча фамилия. Бу фамилиянинг варианты *Кучмій* Ю.К.Редьконинг луғат-маълумотномасида келтирилган. Бу сўз ҳақида Б.Д.Гринченко қуйидаги маълумотларни беради: "Кучма, ми, ж. 1) Шапка меховая, мохнатая. Колб. 2) Вскоченная голова. *Кучму дати*. *Причинити хлопоти*" [Қаранг: БГ, 2-т., 385-б.]. "Словник української мови"да бу сўзга берилган шундай таърифга дуч келамиз: "Кучма, и. ж. розм. 1. Висока бараньяча шапка. 2. чога, *перен*. Висока копица (про волосся). *Дати Кучму* – *дати прочухана*" [Словник української мови, 2-т., 424-б.].

Бу сўзнинг ўзбекча варианты: "Кўчма. 1. бир жойда турмай, жойдан жойга юриб ишлайдиган. 2. Кўчма ...

байрок" [Ўзбек тилининг изоҳли луғати, 424-б.]. Бу сўзда икки асосий маъно кўзга ташланади: а) характерологик маъно (бу ерда ўзбекча ва украинча изоҳлар ўзаро мос); б) этник маъно: кўчманчи, бадавий.

САГАДАЧНЫЙ – Украина гетманларидан бўлган П.К.Сагадачний Қрим, Туркия ва бошқа мамлакатларга қарши денгиз ҳамда курукликда қўлга киритилган ғалабалар йўлбошчисининг фамилияси. Бу фамилиянинг ясалиш қолипи: сагайдак + украинча қўшимча - *ний*; к - ч га ўтган ▶ *сагайдак сагайдач*. Манбаларда бу лексема ҳақида куйидагиларни ўқиймиз: "Сагайдак, ка, м. Колчан, чехол на лук и стрел" (Ўқдон, ёй (камон) ва ўқ учун ғилоф) [Гринченко, 95-б]; "ШкІряна сумка або деревяний футляр для стрел" [Словник української мови, 9-т., 8-9-бетлар]. М.Фасмер шу сўз асосида украин тилида пайдо бўлган *сайдак* ва *сагайдак* (садок (ўқ-ёй ғилофи) сўзларини ва *колчан* сўзининг чиғатойча, татарча ва мўғулча муқобилларини келтиради [Қаранг: Фасмер. ЭСТЯ, 3-т., 540, 543 бетлар]. Бу сўз худди шу маънода рус тилида ҳам қўлланади [Қаранг: РЎЛ, 2-т., 373-бет]. Украиналик шоир А.Кудрейко ўзининг шеърларидан бирида *сагайдак* ва *сайдак* сўзларидан қофия сифатида фойдаланади. Унинг лирик қаҳрамони афсонавий гетман ҳақида куйлайди: "Ну, хотя б о Сайдаке: ехал, голову клоня и шарахались сайгаки от казацкого коня" [Кудрейко 1975, 27-б.].

Келиб чиқиши ўзбек (туркий) бўлган украинча фамилияларни ўрганиш украин ва ўзбек халқлари орасида узок даврларга бориб тақалувчи алоқаларнинг, хусусан, лисоний алоқаларнинг шакл ва турлари ҳақидаги тасаввуримизни бойитади. Бундай ономастиканинг сеҳрли кучи 988 йилдан кейин Украинада авж олган тажовузкор византиялаштиришга қарши барқарор оппозицияда бўлгани билан ажралиб туради. Яна шуни ҳам алоҳида қайд этиш жоизки, ономотуркизм камдан-кам ҳолатлардагина трансформацияга учрайди. Бинобарин,

Байдачный, Сагайдачный каби трансформацияларга истиснолар сифатида қараш мумкин. Украинча ономотуркизмлар, асосан, ўзининг ибтидоий кўринишида амал қилиб келади. Бироқ юқорида тилга олинган украинча туркий (ўзбек) фамилиялар туркий халқлар, жумладан, ўзбеклар орасида ҳам ономастик номенклатуралар сифатида шаклланмаган.

П. Х о р е о г р а ф и к туркизмлар. Ушбу ўринда туркизмларнинг украинча хореографик терминологиясига таъсири масаласини ўрганиш ҳам фойдали ва ҳам мароқли. Қуйида биз аллақачон унутилиб кетилган украинча учта рақс номининг пайдо бўлишини кўриб чиқамиз.

КАРАПЕТ. Биз бу сўзни украин тили луғатларида учратмадик. Фақат фольклор манбалар Украинада ғайриоддий ном билан юритилган жўшқин рақс тури бўлганлигидан далолат беради:

Танцовала "Карапет", побила ботинки,

Залишились (остались) на ногах чулки на резинки.

Йўл-йўлакай қайд этиш мумкинки, арман тилида исм -фамилияни ифодаловчи "карапетян" сўзи бор. Бу ерда биз у ҳақда тўхталиб ўтирмаймиз.

Ўзбек тилида бу сўзнинг аниқ муқобили бор: *карпет* = *кара* (қора) + *пет* сўзининг фонетик ўзгарган шакли, яъни қора + бет. Эҳтимол, мазкур рақс тури ижро этилаётганда ниқоб ёки макияждан фойдаланилган. Шунингдек, рақс ижодкорлари туркий халқлар вакили бўлган бўлиши ҳам мумкин. Бошқа тахмин билдиролмаймиз, чунки бунинг учун украинча рақсинг сахнавий ва композицион асосларини билиш керак.

ОЙРА. Қўл остимизда бўлган лексикографик манбалардан санъатнинг бу турини ҳам, уни ифодаловчи сўзни ҳам тополмадик. Шунинг учун яна халқ қўшиқларига мурожаат этдик. У ерда *Ойра* ва юқорида кўрганимиз *Карпет* номли рақсларнинг сахнавий хусусиятлари қайд этилган. Қиёсланг:

Отакички *Ойра-Ойра*,
Отакички *Каранет*.

Рақс ижро этилаётганда қўл кафтлари билан хореографик амаллар бажарилиб турилади.

Ора сўзи қуйидаги икки қолип асосида ҳосил қилинган бўлиши мумкин. Биринчиси соф украинча қолип *ой* ундов сўзи асосида ҳосил қилинган, чунки халқ оғзаки шеърляти *ой* дан урғули қофия ёки анифора сифатида фойдаланади: юкламалар ашуланинг ўртасида келган матнни кенгайтиради ҳамда эмоционал тўхтама – ғам-алам, ҳайрат ва беҳад кучли завқ-шавқ вазифасини бажаради; *ра* юкламаси – соф рақс мароми унсури (тахминан, бундан ўн йилча илгари телевидение орқали берилган бир кўрсатувда белорусиялик талабалар шу лексемадан фойдаланиб рақсга тушишган эди).

Ўзбекча версия қуйидагича: *Ойра* лексемаси *доира* сўзига очикдан-очик ишора қилиб турибди. "Доира" луғатларда шундай изоҳланади: 1. тўгарак чизик чизмок; 2. *кўчма* доира шаклида айланмок, давра олиб юрмок ёки учмок [Қарнг: Ўзбек тилининг изоҳли луғати, 1-т., 231-232-бетлар]. "*Доира*"га нисбат берилаётган *ойра* "беэга" колгани учун ўзбекча тахминни олға суриш мақсадга мувофиқ кўринади.

САНЖАРІВКА (САНЖАРКА) – украин хореографиясида ашула ва рақснинг номи [Қаранг: БГ]. Украин тилининг ўн бир томлик изоҳли луғатида, *санжарка* ва *санжарівка* "народна пісня І танець" (халқ кўшиғи ва рақси) тарзида талқин қилинган [Словник української мови, 9-Т., 52-б.]. Иккала луғат ҳам, гарчи Украинада шу ном билан аталадиган кишлок ва посёлкалар (шаҳар типдаги кишлоклар) мавжуд бўлса-да, *санжар* сўзини қайд этмайди. Масалан, "Харьков – Полтава" автойўлида, *Санжары* Полтавадан нарида, Киев томонда *Нові санжари* кишлоклари жойлашган. Халқ

тилида *санжари* лексемаси фонетик жиҳатдан *Стожари*, *ожеред*, *ожеледь*, *джерело* каби сўзлар билан бир сўз ясовчи қолипни ташкил қилади. Эътиборга молик томони шундаки, Б.Д.Гринченко *санджак*, ка: Турк губернатори; *санджаківка*, ни, ж.: (турк) губернаторнинг қизи сингари туркий сўзларни келтиради [Қаранг: БГ, 4-т., 101-б.]. *Санжар* ва *санджак* мазмун жиҳатдан қардош сўзлар бўлиши мумкин. *Санжар* – жангчи, баҳодир, паҳлавон. Соф ўзбекча сўз. Шу ном билан аталувчи рақсга келсак, таъкидлаш жоизки, фақат аёллар иштирокида ижро этиладиган *Санжарка*да шарқ рақси унсурлари бор.

Украинча рақсларнинг туркий номлар билан аталиши маданиятшунослик нуқтаи назаридан ҳам ноёб ҳодиса. Бу ерда, бизнингча, туркий тилларга хос терминлар украинча рақсларнинг ритмик мароми шаклланишига таъсир қилганми / қилмаганини ўрганиш мақсадга мувофиқ.

Хуллас,

1. Юқорида таҳлилга тортилган мисоллар лингвистик ресемантизация қонунига бўйсунди.

2. Украин тили туркизм-терминларини нафақат "график" нуқтаи назардан ўзлаштирди, шунингдек, уларнинг маъносини ўзининг нутқ маданияти эҳтиёжларига мослаб қайта ишлаб ҳам чиқди.

3. Туркий тилларга хос унлилар уйғунлиги (сингармонизм) украин тилининг фонетик тараққиётига ҳам таъсир қилган кўринади.

4. Турли тиллар лексик таркибида мавжуд туркизмларни этнолингвистик ва лингвокультурологик нуқтаи назардан ўрганиш тиллар соҳибларининг олам манзараси ҳақидаги тасаввурларини бойитиш баробарида турли даврларда уларнинг ҳаётида кечган сиёсий, тарихий, иқтисодий, маданий, ҳарбий ва б. жараёнларни тўғри ва холис талқин қилиш учун ишончли асос вазифасини бажаради.

Адабиётлар

1. Гринченко Б.Д. Словарь української мови. в 4 томах. – К.:Киевская Старина. 1907.

2. Гаркавец О.М. Тюркізм // Українська мова: Енциклопедія. – К.: Українська енциклопедія, 2000
3. Мирзаев И.К. Михайличенко Б.С. Функционирование тюркизмов в украинском языке // Ўзбек филологияси масалалари / Илмий мақолалар тўплами. – С.: СамДУ, 2000.
4. Словник української мови. В II тт. – К.: Наукова думка, 1970-1980.
5. Фасмер М. ЭСРЯ – Этимологический словарь русского языка. В 4-х тт. – М.: Прогресс, 1986-1987.
6. Севортян Э.В. ЭСТЯ – Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву "Б". –М.: Наука, 1978.
7. Алпамыш. По варианту Фазыла Юлдашева. Пер. с узб. Л.Пеньковского. – Т.: изд. им. Г.Гуляма. 1973. –360 с.
8. Русча-ўзбекча луғат. Икки томлик. – Т.: УСЭ, 1983.
9. Редько Ю.К. Довідник українських прізвищ. Вчителю-словеснику. – К.: РШ, 1968. – 255 с.
10. ЎТИЛ – Ўзбек тилининг изоҳли луғати. Икки томли. – М.: Русский язык, 1984. – Т.1.

Мирзаев И. Тюркизмы в украинском языке. Авторы статьи рассматривают украинско-тюркские исторические взаимоотношения и взаимодействия в контексте исторического развития обоих народов. Изучается вопрос взаимопроникновения слов в структуру данных языков и проводится анализ тюркских слов в лексическом составе украинского языка.

Mirzayev I. Turkik words in Ukrainian language. The authors analyze Ukrainian-Turkik historical relationships and interaction in both nations' historical evolution context. Particular attention is paid to the issue of mutual borrowing and the study of Turkik lexical units in Ukrainian lexicon.

АДАБИЙ ТАЪСИР ВА ИЖОДИЙЛИК

Давронова Шоҳсанам Ғайбуллоевна,

ф.ф.н, БухДУ катта илмий ходим-изланувчиси

Таянч тушунчалар: адабий таъсир, ижодийлик, роман, адабий анъана, адабий синтез, Жалолоддин Румийнинг “Ичиндаги ичиндадир” асари, Улуғбек Ҳамдамнинг “ Исён ва итоат ” романи .

Адабий таъсирнинг қирралари бениҳоя кўп. Ёзувчи ўзи билан ёнма-ён қалам тебратаётган қаламкаш ўртоқлари ижодидан таъсирланиши ёки улар билан ҳамсухбат, ҳамнишин бўлиши натижасида ўзи учун номаълум бўлган қандайдир кашфиётларни яратиши мумкин. Ёки бирор-бир янги ва қизиқарли асар мутолааси ҳам ижодкорга ўз бадиий ниятлари, ўзи излаётган ижодий ғоялари учун мақбул поэтик шакл, мазмун топа олишига замин ҳозирлаши ҳам, эҳтимол. Шунингдек, муайян бир асар таржимасига қўл урган истеъдод соҳиби, табиийки, маълум бир муддат ўша асарнинг таъсиридан холи бўла олмайди. Балки ўша асар унда янги адабий ниятнинг туғилишига ҳам қўмак бериши мумкин. Бунинг каби жараёнларга адабиётимизнинг ўчмас тарихидан талайгина мисоллар келтира оламиз: Мақсуд Шайхзоданинг Шекспир асарлари таржимасига қўл уриши “Мирзо Улуғбек” трагедиясининг дунё юзини кўришига сабаб бўлганлиги ҳақидаги фикр ҳақиқатдан холи эмас; Эркин Воҳидовнинг Гёте асари “Фауст”ни таржима қилиши “Рухлар исёни” достонининг яратилишига туртки берди, дейиш хато ҳисобламайди; “Илоҳий комедия” таржимаси Абдулла Орипов ижодига ўзгача бир руҳни олиб кирди, ҳаттоки “Жаннатга йўл” асарининг юзага келишига туртки берди деб бемалол айта оламиз.

Айнан ана шундай адабий таъсир кўринишини янги давр ўзбек адабиётининг

кўзга кўринган вакилларида бири Улуғбек Ҳамдам ижодига ҳам кузатамиз.

Ёзувчи Улуғбек Ҳамдам адабий жамоатчилик орасида таржимон сифатида ҳам танилди. Айниқса, унинг Жалолоддин Румий қаламига мансуб “Ичиндаги ичиндадир” китобини она тилимизга ўгириб, кенг китобхонлар оммасига ҳавола қилиши истиклол даври ўзбек адабий жараёнида алоҳида ҳодиса эканлигини таъкидласак, муболаға бўлмайди. Ижодкорнинг асарни таржима қилиши унинг ушбу асар ва унинг муаллифига нисбатан ихлос ва эътибори ҳосиласидан дарак беради. Шубҳа йўқки, таржимон китобни ўзбек тилига ўгириш фикри туғилишидан бирмунча муддат олдин уни мутолаа қилган ва фикримизча, китобнинг сеҳрли оламига ошно бўлган. Қолаверса, ушбу бетакрор намунанинг фалсафий-маърифий, ахлоқий-дидактик, тасаввуфий, тарбиявий моҳияти, аҳамияти ижодкор қалбига ўз жозибасини муҳрлаб қўйганлиги китобни таржима қилиш зарурати ҳақидаги фикрнинг туғилишига сабаб бўлган бўлса, эҳтимол. Жалолоддин Румий маънавий меросига ўзгача муносабати – меҳри ва эътирофи мавжудлигини адибнинг “Исён ва итоат” романи яққол кўрсатиб туради. Чунки “...қарийб 700 йил аввал яратилган бўлишига қарамай, Румий асарларидан ҳаёт нафаси эсади, дегинг келаверади” [5.12] Шу боис бўлса керак, “Исён ва итоат” романининг юзага келишида Жалолоддин Румийнинг “Ичиндаги ичиндадир” асари, қолаверса, буюк

файласуф қаламига мансуб ахлоқий-таълимий, маърифий, дидактик характердаги, тасаввуфий, фалсафий руҳдаги бошқа намуналарнинг таъсири борлиги сезилиб туради.

Маълумки, Жалолиддин Румий таълимоти инсонни тарбиялаш, унинг ҳақ йўлдан оғишмаган ҳолда ҳамиша ҳаракатда бўлиши, қалб амри ва юксак инсоний, ахлоқий меъёрларга риоя этиш зарурат ва бурчлари тўғрисидаги ҳаётбахш фалсафага асосланганлиги билан асрлар оша қимматини йўқотмай келмоқда. Қолаверса, унинг қарашлари ҳаётийлиги, омманинг ижтимоий ҳаракати, эҳтиёж ва кизиқишларига чамбарчас боғлиқлиги нуқтаи назаридан диққатни тортади. Буюк аллома ўзининг ҳар бир сўзи, ҳар бир ўғити, ҳар бир эътирофини қайсидир воқеа, одамзод кечмишига оид қайсидир асос орқали исботлаб боради. Келтирилган ҳикоят ва ривоятлар, ҳаётий ҳодисалар кишилар қисматига оид аччиқ ва ишонарли сабоқлар бўлиши билан бир қаторда ижодкор асарларининг бадиийлик даражасини ҳам юксалтиради. У келтирган ҳикоят ва ҳикоятлар содда ва халқ тилига, дилига яқинлиги, айти пайтда, рамзу ишоратларга бойлиги, поэтик жозибдорлиги билан эътиборни жалб этади. Инсонларни тарбиялаш ва эзгу йўлга бошлаш ишига умрини тиккан буюк аллома оддий одамлар ва уларнинг турмуш тарзига яқин бўлган воқеа-ҳодисалардан, шунингдек, уларнинг ўзи яратган яратмалар – халқ оғзаки ижоди намуналаридан унумли фойдаланади. Халқнинг ўз бойлиги бўлган дурдоналарнинг маърифий таълимотига уйғун бўлган жиҳатларини топа олади.

Ижодкор асарларининг мазмун-моҳияти, ғоявий-бадиий қиммати замонлар оша ўлмас аҳамиятга эгаллиги ҳайратимизни оширади. Китобхон қайси замон ёки макон фарзанди бўлмасин, улардан ўз саволларига етарли даражада ечим топишга муваффақ бўлади. Шу боис бўлса керак, Жалолиддин Румийнинг ахлоқий-дидактик, фалсафий қарашлари,

поэтик маҳорати, барча туркий халқларнинг бирдек нодир намунаси бўлиши билан бир қаторда ижодкор аҳлининг ҳам диққат марказида турувчи маҳорат мактаби вазифасини бажаради.

Жумладан, истиқлол даври ўзбек адабиётининг кўзга кўринган намояндаларидан бири Улуғбек Ҳамдам ижоди, айниқса, романлари адибнинг Румий фалсафасидан сабоқ олганлигини яққол намоён қилиб туради. “Мувозанат” романидаги айрим ўринларда замондошларимизнинг мусулмончилик амаллари ва унга нисбатан ёндашуви масаласи ҳамда ислом динининг ҳаётбахш ва бағрикенг таълимот эканлиги ҳақидаги қарашлар баён этилган бўлса, “Сабо ва Самандар” романида ишқ ва унинг ошиқ қалбини яраловчи, бошига турфа ғавғоларни солгувчи моҳияти, айти пайтда мажозий муҳаббат қатидаги илоҳий ишқ оҳанглари романтик талқинда ифодасини топади.

“Исён ва итоат” романида эса ижодкор истиқлолдан кейинги илк йилларда ўзбек халқи ижтимоий, иқтисодий, маънавий ҳаётида юз берган ўзгаришлар ва бу ўзгаришларнинг миллат онги, тафаккури, дунёқарашига кўрсатган таъсири масалалари хусусида сўз юритган. Айти пайтда асарда инсонларнинг руҳий кечинмалари, сезимларида юз берган ҳолатлар, уларнинг иқрорларидаги қатъийлашув жараёнлари теран очиб берилган.

Ҳар бири ўзига хос ҳамда турфа кечмишларни бошдан ўтказган роман қаҳрамонлари ниҳоят виждон амри, адолат ва ҳақиқат тарозиси билан ўзларини баҳолаб кўришади. Оғир келган палла, иқрор ва интиҳо ечими инсон учун нақадар кучли зарба бўлиши мумкинлигини англаган қаҳрамонлар тутган йўл асардаги қизиқарли сюжет чизиғини ташкил қилади. Айти муаммо ёзувчи талқинида исломий, маърифий моҳият касб этади. Ана шу жараёнда эса ёзувчининг ғоявий, ижтимоий, фалсафий қарашлари

Жалолиддин Румий таълимотидан озикланганлигини кўрсатиб туради.

Ўз тақдирини яратиш ёки поймол этиш имкони инсон қисматини қай ўзанга тортади? Шахснинг маънавий камолоти қай нуқтада кесишади? Нималар унга тўсқинлик қилади-ю, яна нималар уни рухан юксак чўққиларни забт эта олишига кўмаклашади? Ушбу саволларга адиб исён ва итоат тушунчаларининг моҳиятини бадий асослаш орқали жавоб топишга интилади.

Исён унинг қалбидаги азалий қисмат эканлигини ижодкор Одам Ато ва Момо Ҳаво кечмиши ҳақидаги диний ҳикоятларни асарга парча-парча қилиб келтириш орқали далиллаб боришга ҳаракат қилади. Ушбу сайёр сюжетга асосланган воқеа ман этилган, яширилган, таъқиқланган нарса-ҳодисаларга нисбатан ўта қизиқувчанлик одамзод наслининг тийнатида борлигини кўрсатиб беришга интилади. Айни шу ҳақиқатни Жалолиддин Румий қуйидагича ифода этиб берган: “Масалан, сен бир нонни олиб, қўйнингга яшир ва одамларга кўрсатма. Шунда халқнинг гизланган нонга қизиқишлари ортади. Агар кўчалар тўла арзон нон бўлган тақдирда ҳам, улар сенинг қўлтиғинг остидаги ўша зоғорани кўриш истаги билан ёнадилар. Нонни қанча узоқ муддат яширсанг, уларнинг ичлари ҳам шунча шиддат билан қизийди. Чунки одам ман этилган нарсага нисбатан очкўз бўлади” [3.104]. Шайтон йўлдан уриб, Одам Ато ва Момо Ҳавонинг ман этилган мевани истеъмол қилиши ва жаннатдан қувилиши воқеасини келтириб бориш орқали Улуғбек Ҳамдам шайтоний васвасалар инсоният аъмоли учун ҳали-ҳанузгача бегона эмаслиги ҳақида баҳс юритмоқчи бўлган бўлса, эҳтимол.

Романнинг бош қаҳрамони Акбар замон, атроф-жавонибидаги одамлар, ҳатто ўз қисматига нисбатан кучли исён кайфиятида бўлади. “Фақат исён бор эди балки унинг юрагида! Исён бўлгандаям, ўз қисматига, қисматининг аламли, дунёнинг фирибидан, зўравонликдан,

адолатсизликдан иборат эканлигига қарши аримас ИСЁН!.. Агар мана шу лаҳзада – Акбарнинг вужуди ҳавода бир муддат муаллақ осилиб турган шу қалтис онларда унинг ботинидагини сўзга кўчириш мумкин бўлганда эди, эҳтимол, “Сен ҳам адолатсизмисан, Худойим?!..” деган мазмунда бўлармиди... Агар ҳаракатга кўчирилганда Акбар тура солиб Яратганнинг ёқасига ёпишарди” [4.17]. Ўзи фаолият юритаётган мактабда бўлиб ўтган дилхираликлар, кейинчалик унинг ҳақиқага ҳеч тап тортмай хиёнат қилишлари, ноҳақ жабр-зулм остида эзилиши, ҳатто туғишган акасининг бешафқатлиги – буларнинг бари Акбар ҳаётини ўзга бир ўзанга буриб юборди. Устозининг “йўлга чиқишинг керак ўғлим”, [4.8] дея қилган даъвати, қолаверса, барча кўргиликлардан узоқлашиш истаги уни янги бир ҳаёт қучоғига отди. Аммо беҳосдан пайдо бўлган муҳаббат туйғуси ҳам унинг кўнглидаги исён оловини ўчиришга қодир эмаслиги тезда аён бўлади. “Буюрдики: Кеча-кундуз жанжал қилиб бир аёлнинг феълини тузатмоқ ва гўзаллаштирмоқ истаяпсан. Унинг нопоклигини ўз поклигинг билан тозаламоқчи бўляпсан. Аслида, ўзингни у билан тозалашинг, уни ўзинг билан тозалашингдан яхшироқдир. Сен унга томон юр ва унинг воситасида гўзаллаш. Имконсиз бўлса ҳам, у айтган нарсани қабул эт... Тангри пайғамбарга жуда нозик бир йўлни кўрсатди. Бу қандай йўл? Бу аёлларнинг инжиқликларига, ёмонликларига таҳамул этиб, уларнинг ҳар қандай олди-қочди гапларини эшитмоқ ва уларга нисбатан қаттиққўллик билан ёндашиш йўлида ўзини тузатмоқ мақсадида уйланмоқдир. Оллоҳ “Сен энг юксак ахлоқ соҳибисан”, дея буюрган” [3.102]. “Исён ва итоат” романида ёзувчи айни шу ҳақиқатга ҳам асарда илгари сурмоқчи бўлган бадий ғоядан келиб чиққан ҳолда муносабатда бўлади. Қалбида исён туйғуси жўш урган Акбар қишлоғини ташлаб кетади ва енгилтабиат йўллардан юривчи Диана исмли қизни ёқтириб қолиб, уни ёмон йўлдан олиб

чиқишга эришади ва у билан ҳаёт кечири бошлайди. Акбар билан осойишта турмуши ташкил этилган Диана эса ўз табиатини яхши томонга ўзгартиради. Аммо бундан Акбарнинг нияти фақатгина Дианани ёмон йўллардан олиб чиқиш ёки қалбида пайдо бўлган муҳаббати туфайлигина эмас, балки ўзини қийнаётган муаммолардан чекиниш ҳам эди.

Акбардаги рухий ҳолатларни панд-насихат, тушунтириш кучи билан ўзгартиришнинг иложи йўқлигини устози яхши билар эди. Бир пайтлар устозининг “Ҳикматни уққанга гапиргин болам, акс ҳолда икки томонга ҳам жабр қиласан”, [4.3] деган ўғитини у синовдан ўтказиб иқрор бўлди. Шу боис бўлса керак, табиб бирор марта бўлса-да, унинг ҳис-туйғуларини муҳокама этиб, баҳолаб ўтирмади. Табиб буларнинг барчасини Акбар ўзи, мустақил бошдан ўтказгачгина иқрор бўлиши мумкинлигини англаб етган эди. Саволларига саркашлик билан жавоб талаб қилаётган кейинги шогирди Искандарга ҳам табиб “Ўзинг етиб келишинг керак уларга, болам”, [4.99] деб жавоб қилади. “Агар сизнинг ичингизда сўзимизга хайрихоҳ бир туйғу бўлмаса, айтганларимиздан наф йўқ. Ахир, ичкаридаги ўғри келиб эшикни очиб бермагунча, ташқаридаги ўғри уйга киролмайди-да. Яна бир мисол: дарахтга намлик, аввало, унинг илдизидан келмаса, сен юқоридан куйган сув – беҳуда.” [3.72], деб ёзади Жалолоддин Румий. Улуғбек Ҳамдам асари қаҳрамони Акбар қисмати орқали эса буюк файласуфнинг ушбу донишмандона айтган фикрлари ўз тасдиғини топади. Акбар қалбидаги исён олови батамом ўчгач, яъни умрининг охирларида, хотини Фаридани усиз яшашга батамом кўникиб қолган, неваралари билан оввора бўлиб юрган пайтларда юртига қайтишни истаб қолади. “Завқ ва орзулар зинапояга ўхшайди. Зиналар ўтириб, дам олишга мослашмаган, аксинча, устига босиб ўтилади, холос. Умрини шу зиналарда беҳуда ўтказмаслик учун гофилликдан тез уйғонган ва аҳволнинг

моҳиятини англаб етган зот қандай бахтли!” [3.79] Ушбу ҳақиқатни кеч бўлса-да англаб етган Акбар Искандарни шошилишга даъват қилади: “Имкон қадар тезроқ чиқ, ҳаяллама...” [4.139] Ёзувчи Акбар тимсоли орқали дунё ташвишлари, машаққатларидан тезда букилиб, Оллоҳнинг иноятига шубҳа қилган инсон умрини беҳуда ўтказишига маҳкум бўлиши мумкинлиги ҳақида сўз юритмоқчи бўлади. “Одам алайҳиссалом замонидан шу вақтгача исёнкорларнинг бошларига қандай балолар келганини эшитгандирсиз. Фиръавн, Шаддот, Намруд ва Од қавми, Лут ва Самуд ва ҳоказолар қандай мусибатларга мубтало бўлдилар?” [3.89], деб мисол келтиради Жалолоддин Румий. Улуғбек Ҳамдам тасвиридаги Акбар гарчи салбий характердаги кишилар тоифасидан бўлмаса-да, унинг исёни аслида ўткинчи дунёнинг майда ташвишлари билан боғланган эди. У абадият, илоҳиёт ва инсоннинг буюклик мартабаси бундан-да юксакроқ туйғуларга эш бўлиши мумкинлиги тўғрисида кечроқ англади. Табиб эса унинг қалбида ўша итоат ато этувчи хотиржамликнинг ниҳоят юзага келишига ишонарди. “Инсон ўз ичидаги исёндан қутулса, буни Оллоҳнинг фазли ва карами, дея билмоғи керак. Йўқса, у билан бирга бўлган дўстларида бу ҳол нечун воқе бўлмади?”, [3.71] деб ёзади Жалолоддин Румий “Ичиндаги ичиндадир” асарида. Ёзувчи талқинига кўра “Исён ва итоат” романи қаҳрамони Акбар қалбида итоат тушунчасининг пайдо бўлиши унинг маънавий юксалишидан нишона эди.

Жалолоддин Румий “Ичиндаги ичиндадир” асарида аёллар, оила масалалари ҳақида фикрлар билдириб, ушбу борада ҳам инсондан кенгфееьлик, бағрикенглик, сабр-матонат талаб қилинишини ҳаққоний асослаб беради. Айни ана шундай паллаларда ҳам инсоннинг “Ривоят қиладиларки: Пайғамбар асҳоби билан урушдан қайтди ва: “Бу кеча шаҳар ташқарисида ухлаб, эртага ичкари кирамиз” – деди-да, ноғора

чалишни буюрди. Ундан сўрашди: “Эй Оллоҳнинг элчиси, бунга сабаб нима?” Жавоб берди: “Хотинларингизни бегона эркаклар билан кўрсангиз, хафа бўласиз”. Бироқ асҳобнинг бири кулоқ солмай, уйига борди. У ерда хотинини бегона эркак билан топди.” [3.103] “Исён ва итоат” романи қаҳрамони табиб ҳам айнан ана шундай қисматни бошдан кечирди. Хотинининг хиёлати унинг қалбини ларзага солди, у ўзининг ўз уйига бегона эканлигини англади экан, “...ботини ғалаёнга тўлди” [4.19] Хуллас, инсоннинг ўз аъмоли, ўзгалар тутумлари, умуман, ижтимоий муносабатларга оид қарашларида собитлик, сабр-бардош билан ёндашуви унинг ўзлигини англаши йўлидаги босқичларни белгилайди. Ана шуни ниҳоят англаган табиб, маънавий камолотидан завқланади, ўзини жаннатий ҳаловатга қовушаётгандек сеза бошлайди: “Мен, ниҳоят, исён азобидан фориғ бўлиб, озодликка чиққандим. Озодликнинг исми эса Итоат эди. Ва, мен ўзимни у ён бу ёнга уришни бас қилиб... йўқ-йўқ, бундай эмас, қирқ-эллик йил давомида мени чирпирак қилиб учириб юрган куч секин-аста орқага чекинди-да, мен ўзимга ўзим тегишли бўлиб қолдим, десам тўғрироқ бўлади. Шунда қаршимда ҳаётнинг мазмуни, туғилиш қа ўлишнинг маънисини ярқ этиб намоён бўлгандай эди: у Итоатда, инсонлик қисматига кўникишда эди. Йўқ, бу кўр-кўрона кўникма эмасди, балки англаш ва тушунишдан келадиган буюк Итоат – Яратганга тобелик эди. Чунки мендаги Исён Итоатимнинг ичига, унинг бир бўлагига айланиб ўзга маъно касб этганди. Ва мен хотиржам эдим” [4.98].

Илоҳий, ирфоний моҳиятга дохил бўлган инсон эса нафс, нодонлик қутқулари, сабрсизлик ва мол-дунёга ўчлик исканжасида турли қиёфаларни касб этувчи истакларга юксакдан назар ташлай олиш мартабасига эришади. Ана шунда оламда хусумат, ҳасад, саргардонлик, мол-дунё васвасаси каби иллатлар одамзодни таъқиб этмайди. Ижодкор асар орқали аслида шундай абадиятга дахлдор

муаммоларга ечим топишни мақсад қилади. “Заҳматлар эвазига мукофотга ҳозир муяссар бўлмасам-да, ниҳоясиз хазиначиларга қовушаман” деб, кўнгилни тўқ қилганинг учун ҳам, ниятинг ҳосил бўлур. Ҳатто истаганингдан, кутганингдан ҳам авлороғига эришажаксан. Сўзларим ҳозир сенга таъсир қилмаса ҳам, камолотга етганинг сари улар ўз кучини кўрсата боради”, [3.103] дейилади Жалололдин Румий асарида. Айни ҳақиқатга иқрор бўлишни “Исён ва итоат” романи қаҳрамонига ҳаётнинг ўзи ўргатди: “Мундоғ ўйлаб қарасам, мен танамнинг ҳузур қилиб яшаш йўлидаги истагига бўйсуниб, ўзимни турфа қийноқларга гирифтор қилиб ўтирибман экан. Бор-йўғи – шу: жисмнинг эрта-индин ўлиб-чириб, тупроққа қўшилиб кетгучи вужуднинг хархашалари учун шунча заҳматми?..” [4.22] Ана шу заҳмат инсоният келажаги, фан-техника таракқиёти, миллатнинг эртаси учун енгилликлар яратиш йўлида чекилса-чи? Бу борада асар қаҳрамонларидан бири - табибнинг тутуми эътирофга лойиқ. У нодир кашфиётлар қилиб, тиббиёт соҳасида мислсиз ютуқларга эришилаётган бир пайтда одамларнинг оддийгина бир касалликни енга олмай азият чекаётганларига ўқинади. Табиб ўзини шон-шухратга бурковчи, илмий гипотезаларни илгари суриш ёки шов-шувларга сабаб бўлувчи янгиликларни олиб чиқиб, ўзини кўз-кўз қилишдан тамомила йироқ ҳолда оддий кишилар турмушини енгиллаштириш, улар ҳаётига хавф солишга, асорат қолдиришга-да қодир бўлган, лекин тиббиёт донишмандлари томонидан ҳамон эътиборсиз, бир қадар назарга илинмай келинаётган грипп касалигини ўрганиш долзарб муаммо эканлигини англаб етади. Гарчи бу борада қатор тўсиқларга учраса-да, табиб чекка бир қишлоқда халқ ҳаётини сақлаб қолиш йўлида тинимсиз ҳаракат қилади. Дадасига айтиб, табибга ҳайкал қўйдирмоқчилиги ҳақида гапирган беморларидан бири - қизчага табиб ундан кўра қишлоқда шифохона қурдириш

кераклиги ҳақидаги фикрини уқдирмоқчи бўлади. Умуман олганда, табиб образи Шарқ мумтоз адабий асарларидаги пир, муршид, шайх каби бадий тимсолларни эслатади. Чунки асарда у ҳам амаллари, ҳам ўғитлари билан ёш авлодни тарбиялаш вазифасини зиммасига олади.

Маълумки, Жалолиддин Румий фалсафасида динлараро, мазҳаблараро бағрикенглик масалаларини асосий ўрин тутди. Инсоннинг руҳий хотиржамлиги, оқибати, гуманизми унинг ўзга миллат, ўзга дин, ўзга мазҳаб, ўзга ирқ ва шунинг каби турли тоифадаги шахслараро муносабатнинг самарали йўлга қўйилишига замин яратди. Ижодкор асарларида келтирилган ҳикоят ва ривоятларнинг аксарияти мағзида ана шу ғояни ташвиқ этишга қаратилган интилишлар ётади. “Ичиндаги ичиндаир” асарида арабчани билмайдиган турк шоҳи ҳақида ҳикоят келтирилади. Шаънига ўзга тилда ўқилган шеърни чин бир эътибор билан тинглаган шоҳни кўрган атрофдагилар ҳайратда қоладилар. Ҳолбуки, шеърнинг ўзига нисбатан мақтов мазмунида эканлигини ички бир туйғу билан англаган шоҳ гарчи тилини тушунмаса-да, диққатини намоён этган эди. “Худди шундай, шайхлар ҳам агар кўринишдан турли-туман, ишлари ва сўзлари фаркли-фаркли бўлса-да, мақсад эътиборлари билан бирдир – Тангрини талаб қилмоқдир”, деган хулоса қилинади асарда [3.35]. Улуғбек Ҳамдам асарида ҳам айна ана шу масалага дахл қилинган ўрин учрайди. Роман қаҳрамонлари қалбларидаги исён туғени манбаини излашга муттасил ҳаракат қилар экан, асар воқеаларига кўра уларнинг итоат ва ибодат йўлига кириши маънавий-руҳий асослар билан исботлаб борилади. Персонажлардан бири Лариса хола яқинлари меҳри, эътиборидан четда якка-ёлғиз қолиб ўтган ҳаётини сарҳисоб қилар экан, айна ана шу ёлғизлик дардига мубтало бўлишига ўз аъмолини сабаб деб билади. Шунга қарамай у ёлғизликдек даҳшатли кемирувчи махлуқ зулмидан

чекиниш учун йўл излаш жараёнида эски дўстларини ахтаради, улар билан ҳамсухбат бўлиб, кулфатини аритишни истаб қолади. Бироқ не ажабки, дўсту биродарлари ҳам бирин-кетин бу кўхна оламни тарк этиб кетишган экан. Қучли изтироб ва руҳий қийналишлар остида қолган Лариса холанинг кўнглига ибодат қилиш фикри келиб қолади ва дугонаси Таня билан ибодатхонага йўл олади. Ибодат қилаётган Лариса хола дугонаси Матлуба номини эслар экан, бироз иккиланишда қолади. Унинг мусулмон, ўзининг эса насроний эканлиги, унинг ҳақиқага дуо қилиш мумкин ёки мумкин эмаслиги уни ўйга толдирган эди. Ниҳоят “Мулоҳаза қила-қила ахийри бир қарорга келди: “Ахир динларимиз ҳар хил бўлсаям дилларимиз яқин эди-ку... Ахир мен ҳам Матлуба бир умр сиғинган Худога илтижо қиляпман-ку!...”

Шундан сўнг хола анча хотиржам тортди-да ибодатини давом эттирди...” [4.70] Унинг хулосаси одамзодни яқинлашишга, тил, ирқ, дин, мазҳаб, синф, табақа, мартаба айирмачилигидан қатъи назар ягона – инсонлик мартабаси.

Асар қаҳрамони Турсунбой жонталаш эса ўзбек халқига хос бўлган меҳнаткашлик, ҳалоллик, меҳр-оқибат, инсоф, диёнат каби хислатларни ўзида жам қилган миллий характери билан диққатни тартади. У шоир Абдулла Орипов таъбири билан айтилган “пахтам қолди-ку, ахир”, дея “ялантўш, яёв” даласига кетган, кунлаб этигини ечмай, совуқ ош еб, сахар туриб, кеч ётиб, аммо ўғлини ёрдам беришга уйғотишни раво кўрмаган, ҳатто ўлими олдидан ҳам бир ғиштни жойига қўёлмаганидан ўкинган меҳнаткаш, меҳрибон бободехқоннинг типик тимсолидир. Гарчи атрофдагилар наздида у жонсарак ва жонталаш саналса-да, бизнингча, муаллиф унинг характерида олий илмий, урфоний, диний ақидалардан унча чуқур хабардор бўлмаса-да, инсонлик қисматидан ўкинмайдиган, ўзлигини айнан аслича англаган кишилар оламини жамлайди. Асардаги Фариди тимсоли

тўғрисида ҳам шунинг каби фикрларни баён этиш мумкин. Аёл эрининг ўзидан узоқда яшашидан фожиа ясамайди, балки унинг келган кунларини байрамдек ўтказишга ўзини ўргатади. Ёқтирган иши, фарзандлари тарбияси билан машғул бўлишда давом этади. Унинг хатти-характлари, қиёфасида ўз қисматига дахлдор жамики ҳақиқатларга сокинлик ва мушоҳада билан ёндашадиган, бағрикенг, мунис ўзбек аёли тимсоли гавдаланади.

“Инсон шунақа мавжудотки, яшаган сайин янгиланиб боради, баъзан кечаги хулосаси бугунгига тўғри келмайди, у эртагача яна ўзгариб қолиши мумкин. Шунинг учун шошилма. Ҳаётнинг, умрнинг ўзи секин-асталик билан ҳамма саволларингга жавоб бериб боради”, [4.98] дейди табиб ёш шогирдига. Ҳақиқатан ҳам, инсонни замонлар, маконлар, ходисотлар, турли қисматлару турфа ажойиботлар янгилаб, ўзгартириб бораверади. Шу тахлит инсон комиллик мартабасини аста-секинлик билан забт этиб бораверади. Ҳар бир босилган қадам одамзодга қайсидир ҳикматдан сабоқ бериб боради.

Жалололдин Румийнинг макон ва замон танламас ўғитлари бугунги кун кишилари ҳаётига ҳам нақадар яқин эканлигини Улуғбек Ҳамдам Акбар, табиб, Фарида, Диана, Лариса хола, Турсунбой жонталаш, Искандар каби “Исён ва итоат” романи қахрамонлари кечмиши мисолида исботлаб берди.

Хуллас, романда Жалололдин Румий қаламига мансуб намуналарга, хусусан, “Ичиндаги ичиндадир” асарига хос бўлган диний-маърифий ғоялар моҳирона бадиий синтез қилинган ҳамда ижодкорнинг фалсафий қарашлари ижтимоий асослар билан далилланган. Яъни асарда миллий истиқлолдан кейинги давр ўзбек халқи ҳаёти, миллат руҳиятидаги ўзгаришлар ёзувчининг бадиий фантазияси орқали фалсафий-дидактик моҳият касб этади.

Умуман, Шарқ адабиётининг нодир намуналардан таъсирланиш, уларга хос ҳаётбахш анъаналардан фойдаланиш натижасида истиқлол даври ўзбек адабиётида ғоявий-бадиий, услубий янгиланишлар юзага келди.

Адабиётлар

1. Каримов И. Оллоҳ қалбимизда, юрагимизда. –Т.: Ўзбекистон, 19. – б.
2. Комилов Н. Тасаввуф.К.1. –Т.:Ёзувчи, 1996. –242 б.
3. Румий Ж. Ичиндаги ичиндадир. –Т.: Янги аср авлоди, 2013. -240-б.
4. Ҳамдам У. Исён ва итоат. –Т.: Янги аср авлоди, 2003. -140 б.
5. Ҳамдам У. Моҳият кашшофи / Румий Ж. Ичиндаги ичиндадир. –Т.: Янги аср авлоди, 2013. -240-б.

Давронова Ш. Литературные влияния и творчество. В статье рассматриваются вопросы перевода и литературного эффекта. Произведение Джалололдина Руми «Ичиндаги ичиндадур» и приписываемое Улуғбеку Ҳамдаму «Исён ва итоат» проанализированы в свете их морально-воспитательной и образовательной значимости.

Davronova Sh. “Literary affects and creative” The matters about translation and literaryeffect were mentioned in the article. “Ichindagi ichindadur” written by Jaloliddin Rumi and “Isyon va itoat” wich is consideredto be the productive novel of Ulugbek Hamdam’s creative work are analysed according to its moral-curricular, educational importanse.

СУБЪЕКТИ ДАТИВ КЕЛИШИГИ БИЛАН ИФОДАЛАНГАН ГАПЛАР

Элмуродов Неъматилла,

Самарқанд давлат чет тиллар институти доценти

Таянч сўзлар. Финитив феъл, шахссиз гап, бир таркибли гап, субъект, объект, предикат, гапнинг семантик структураси, мослашиш, қиёсий-типологияк таҳлил.

Финитив феълли “шахссиз” гап деб аталадиган конструкцияларнинг бир турида грамматик субъектни ифодалайдиган асосий шакл – эга бош келишикда келмайди. Бундай гапларда субъект ёки воситали келишик шаклида, ёки бутунлай редукцияга учраган (тушиб колган) бўлади.

Мазкур ишда датив келишиги билан ифодаланган субъектли шахссиз гап (ШГ) лар ҳақида сўз юритамиз. Бу борада адабиётларда билдирилган талқинлардан айримларига қисқача тўхталамиз.

1. В.С.Юрченко “Ему не спится” типдаги ШГларни қуйидаги уч хусусиятга эга, деб таърифлайди: а) бундай гапларда фақат воситали шахсли субъект мавжуд бўлади; б) бу субъект датив келишиги билан ифодаланади; в) феъл кесим шахссиз шаклда келади. Бу турдаги гаплар инсоннинг турли хил ҳолатларини ифодалайди [Юрченко 1979/4: 86].

2. М.Гиро-Вебер, гапнинг семантик структурасидан келиб чиққан ҳолда, “Мне весело, Ей было стыдно” каби ШГларни содда гапларнинг бир тури сифатидаги демипассив гаплар, деб атайди ва бундай гаплар инсоннинг рухий ва физик ҳолатини ифодалашлигини таъкидлайди. Унингча, “Мне не работается, Больному не спится” сингари гапларда эса предикатлар субъектнинг ҳаракатга мойиллигини англатади. Муаллиф юқоридаги гапларда “мне, ей, больному” сўзлари дативда келган бўлса-да, мазкур гапларда семантик субъект функциясини бажармоқда деб,

анъанавий тилшуносликнинг “фақат бош келишикдаги от (ёки олмош, ёки инфинитив) гапда эга вазифасини ўтайди” деган қарашига эътироз билдириб, субъектнинг ифодаланиш парадигмасини кенгайтиради [Гиро-Вебер 1979/6: 63-75]. Бу билан у воситали келишикда келган от ёки отлашган сўз билан шахс-сонда мослашмаган феъл предикатив алоқага кира олади, чунки улар гапнинг предикатив минимумини яратиш имкониятига эга эканлигини исботламоқчи бўлади. Бу эса от билан феъл ўртасидаги формал мослашув гапнинг грамматик шаклланиши учун унчалик аҳамиятли эмаслигини кўрсатади. Бунда мослашувнинг йўқлиги кўпгина гап(фикр)ларнинг грамматик жиҳатдан тўғри шаклланишига ҳалақит бермайди. Гиро-Вебер дунёда шундай тиллар борки, уларда, жумладан, хитой ва француз тилларида от билан феълнинг мослашуви мавжуд эмаслиги ва ушбу мослашув предикатив алоқа учун факультатив формал белги эканлигини таъкидлайди. Кўринадики, рус тили материаллари унда мослашган ва мослашмаган гаплар мавжудлигини намоён қилади. Мослашмаган гапларда воситали келишикда турган от мослашган гаплардаги от каби предикатив алоқага кириб, бош бўлак – синтактик эга мақомини олади, яъни ШГнинг эгаси даражасига кўтарилади ва бу ҳолат фақат конкрет гапларда синтактик алоқалардагина аниқланиши мумкин. Бундан структур жиҳатдан маъно

(структурный смысл – Ч.Фриз) ташийдиган ҳар қандай гап релевант ҳисобланади деган ҳулоса келиб чиқади. Шу билан бирга, муаллиф ШГлар ифодалайдиган ҳаракат борасида “<...> ни в каком безличном предложении косвенный падеж не может обозначать активного деятеля; эти конструкции либо вообще не обозначают действия, либо обозначают действие в отвлечении от деятеля” деган фикрни келтириб, ШГларга бошқача тус беради.

3. А.В.Бондарко ва В.И.Кодуховлар “Грамматика современного русского литературного языка” (М.: Наука, 1970. – 768 с.) нинг муаллифларининг воситали келишиқда, жумладан, датив келишиғида келган отнинг гапда субъект маъносида келишини ушбу воситали келишиқ хусусияти эмас, балки гапда мавжуд бўлган тобе муносабатнинг тури ва характери (“тип и характер подчинительной связи”) белгилаб беради деган қарашига эътироз билдиришади [Бондарко, Кодухов 1971: 37].

4. Маълумки, тилшуносликда бирор бир сўзнинг грамматик маъносининг юзага келиши гапда иштирок этадиган барча грамматик шаклларнинг ўзаро жипс алоқаси билан боғлиқ деган фикр устувор хусусиятга эга. Шу муносабат билан В.Г.Адмонининг қуйидаги сўзларини келтириш ўринли, деб ҳисоблаймиз: “При наличии у морфологической или синтаксической формы целой гаммы значений, актуализация в высказывании одного из значений (или их оттенков) происходит непосредственно под влиянием связей с контекстом и ситуацией <...>” [Адмони 1975: 48].

5. Италиян тили материали асосида тадқиқот олиб борган Т.Б.Алисова ҳам шунга ўхшаш фикрни изҳор этади: “<...> каждой семантической функции предметных понятий соответствует несколько форм выражения, и почти каждая форма имеет несколько функций” [Алисова 1970: 87].

6. Бу борада таниқли италян тилшуноси Туллио Де Мауронинг қуйидаги гаплари масалага янада ойдинлик киритади, деб ўйлаймиз: “<...> слово функционирует и означает в большинстве случаев в комбинации с другими словами” [Мауро 2000: 162].

7. Витгенштейн ҳам ҳамоҳанг фикр билдирган: “<...> лишь в контексте предложения имя может иметь значение” [Мауро 2000: 76].

8. Дарвоқе, содда гап турларини, хусусан, унинг шахсиз турини таҳлил қилган С.Д.Кацнельсон ҳам анъанавий тилшуносликнинг эга ва унинг кесим билан мослашиши борасидаги талқинининг бир ёқлама эканлиғини ҳамда бунда компонентларнинг тобе муносабати муҳим аҳамият касб этишини кўрсатиб, қуйидагиларни уқтиради: “Что же такое подлежащее? Обычно определяют подлежащее как имя в именительном падеже. Такое определение основывается на наивном представлении о взаимоотношении формы с содержанием в языке. Отказываясь от морфологического определения подлежащего, мы должны найти для него чисто функциональное определение <...>.” При этом “Более адекватным представляется нам подход со стороны валентных свойств глагола. Подлежащее – это прежде всего один из именных членов предложения, обусловленных содержательной валентностью глагола.” “Собственно безличный глагол “спаться” в этом отношении ни чем не отличается от личного глагола “спать”. Эти глаголы различаются, правда, по своей формальной сочетаемости. Но это уже вопросы, относящиеся к плану выражения. Оставаясь в плоскости семантико-синтаксических отношений, мы должны признать тождество функций имени в предложениях “Ребенок не спит” и “Ребенку не спится” [Кацнельсон 1972: 61]. Демак, ШГдаги “ребенку” сўзи биринчи гапдаги “ребенок” сўзи сингари функционал жихатдан бевосита иш-

харакат бажарувчи мақомини олади. ШГдаги воситали келишиқда турган “ребенку” оти ўзининг иккиламчи вазифасида келмоқда. Бошқача айтганда, эгага иш-харакат бажарувчиси ёки қандайдир ҳолат ташувчисини англатадиган шакл сифатида таъриф бериш ҳали тўла-тўқис эмас. Зотан, ифода планининг мазмун планидан нисбатан мустақиллигининг мавжудлиги формал бирликлар – эга ва тўлдирувчини параллел равишда маъно (мазмун) бирликлари – субъект ва объект билан бирга қўллаш ҳар доим ҳам уларнинг мазмун бирликлари билан мос тушавермаслигини кўрсатади. Шу боис, лисоний белги асимметрияси ифода плани структураси билан мазмун плани структурасини алоҳида-алоҳида тавсифлашга зарурат туғдиради. Дарвоқе, муаллиф айнан лисоний белги асимметрияси субъектнинг олтига семантик-грамматик тури борлигини кўрсатишини таъкидлайди. Шуларнинг ичида воситали (жумладан, датив) келишиги билан шаклланган субъект ҳам мавжуд [Алисова 2009: 21, 40-41, 55].

Маълумки, ҳозирги замон тилшунослигида нутқий бирликларнинг коммуникация жараёнида ўзининг функционал вазифаларини бажаришдаги қонуниятларини асослаш зарурияти муносабати билан семантика масалалари биринчи даражали аҳамият касб этмоқда. Шу боис, тилнинг семантик сатҳини синтактик ҳодисаларни изоҳлаш асоси сифатида ҳисобга олиш тил фалсафаси нуқтаи назаридан ҳам, соф лингвистик нуқтаи назардан ҳам муҳимдир.

9. Шу билан бирга, лингвистик адабиётларда бундай субъекти датив билан ифодаланган гапларда семантик субъектнинг мавжудлиги уларни шахссиз гаплар таркибига киритишга ҳалақит беради ва шу боис, уларнинг субъекти актив ва пассив гапларнинг ҳаракат бажарувчилари ўртасида оралиқ ҳолат (“промежуточное положение”) ни эгаллайди, деган фикр билдирилган ҳамда қуйидаги параллель гаплар келтирилади: Я

пишу – Мне пишется. Ученики пишут сочинение – Сочинение пишется учениками [Шанский ва б. 1988: 560-561]. Улар ШГнинг ушбу туридаги мазкур хусусиятни назарда тутиб, уларни ярим актив гаплар, деб аташади. Бизнингча, бу ерда муаллифлар ШГ ва пассив гапларнинг активга трансформация қилина олиш имкониятини назарда тутишган бўлса керак. Лекин улардаги компонентлар феъл билан турлича валентликда бўлиш қобилиятига эга: ШГда дативдаги субъект феъл билан зарурий валентликни ҳосил қилса, пассивдаги субъект (“учениками”) факультатив валентликни ташкил этади, яъни “Мне пишется” гапида ҳеч бир бўлак элиминацияга учрамаган ҳолда “Сочинение пишется учениками” гапида “учениками” сўзи факультатив валентликка эга бўлгани учун тушиб қолиши мумкин: Сочинение пишется.

Бинобарин, синтактик алоқада тобе муносабатни ҳосил қилишда қатта ўрин эгаллайдиган валентликда феъл марказий аҳамият тутиши адабиётларда ўз ифодасини топган. Чунончи, “глагол как “вершина” предложения, которому подчинены все другие его элементы, в том числе и подлежащее” [Адмони 1973/2: 55-57]. Немис грамматистлари ҳам гап қурилишида отга нисбатан феълнинг аҳамияти юқори эканлигини уқтиришади: “<...> глагол является главным структурным членом предложения и играет большую роль для построения предложения, чем имя существительное <...>” [Косов 1976/4: 19].

Туркий тиллардан бўлган ўзбек тили материали асосидаги изланишларда субъекти датив (жўналиш) келишигида келган шахссиз гаплар тўғрисида, жумладан, шундай дейилади: “Шахссиз гапнинг “Бизга бугун боришга тўғри келади” каби гапида кесимдан англашилган ҳаракатнинг бажарувчиси – логик субъект англашилиб турса ҳам, лекин ўша субъектни билдирадиган сўз (грамматик эга) бундай гапда қатнаша олмайди: кесим бу сўз билан, умуман

бошқа элемент билан ҳам предикатив муносабатга кириша олмайди, грамматик хусусият бунга йўл қўймайди” [Ғуломов, Асқарова 1987: 134].

Кўринадики, шахссиз гапнинг юқорида келтирилган турида мантикий субъектнинг мавжудлиги таъкидланса-да, компонентлар ўртасидаги синтактик муносабатга анъанавий қараш сақланиб қолган. Аслида гап унсурлари ўртасида семантик-грамматик алоқанинг мавжудлиги ўзбек тили системасида ўзига хос гапларнинг ҳосил бўлишига олиб келган. Дарвоқе, эга – “бу феълнинг семантик валентлиги билан ўзаро боғланган гапнинг от билан ифодаланган бўлакларидан бири” [Кацнельсон 1972: 61]. Башарти, шундай экан, ўзбек тилидаги “менга” тўлдирувчиси ҳам феъл валентлиги билан ўзаро боғлиқликда юзага келган. Масаланинг яна бир жиҳати. Рус тилида “Мне не спится” → “Я не сплю” га, немис тилида „Mir ist kalt“ → „Ich friere“ га трансформация қилинган ҳолда, юқорида келтирилган ўзбек тилидаги ШГ эгаси номинативда турган гапга трансформация қилинмайди. Бунга мазкур гап структураси йўл қўймайди.

Айни пайтда турли системали тиллар материаллари, жумладан, ўзбек ва бошқа туркий тиллари асосида келишик категориясини ўрганиш бўйича олиб борилган тадқиқотлар ҳам “шахссиз” деб юритиладиган гапларда воситали келишикда (нафақат датив, шунингдек, қаратқич келишигида) келган сўз грамматик эга бўлмаса-да, гапда мантиқан иш-ҳаракат бажарувчи шахс ролини ўташини кўрсатади [Қаранг: Решетова 1982: 47 ва кейинги саҳифалар].

Синтаксисни маънолар ҳақидаги таълимотнинг бир қисми (die Syntax ist ein Teil der Bedeutungslehre) сифатида тушунган ва, жумладан, келишикларнинг тараққий этиш динамикасини диахроник планда ўрганиб чиққан Hermann Paul [Paul 1954: 3, 379 ва кейинги саҳифалар] қадимги юқори немис тилининг (Ahd) дативнинг инструментал (восита)

вазифасини ўтаган даврида, агенс функциясида ҳам келганлигини уқтиради. Демак, дативнинг субъект функциясини ўтай бошлаганлиги узоқ тарихни ўз ичига олади ва янги даврга келиб у ўзининг функционал кўлами доирасини анча кенгайтиради. Зотан, дативнинг ушбу функцияси аксарият тадқиқотларда кўрсатиб ўтилган. Буни қисман юқорида келтирилган фикрлар ҳам тасдиқлаб турибди.

Дарвоқе, дативнинг субъект бўлиб келиши балки унинг дастлаб ҳаракат мақсадини аниқлаб, у кўпинча шахс номи билан боғлиқлиги сабаб бўлгандир. Бунда датив *nützen, bekommen, schaden, dienen, begegnen, antworten, träumen* каби шахс фаолиятини аниқлаган феъллар билан бирга қўлланиб, кўпинча шахсни билдирган субъектнинг ёнида келиши одат тусига кирган. Масалан: *ein starker Duft <...> der <...> denjenigen Nasen, die für Rosenöl blasieren sind, sehr angenehm kitzelte.*

18-асрнинг иккинчи ярмидан бошлаб дативнинг ўрнида аккузатив қўллана бошлайди ва *mir ekelt* (“менга ёқмайди”) конструкцияси билан бирга *mich ekelt* конструкцияси ҳам параллель равишда кенг нутқий истеъмолда бўлади. Датив ва аккузативнинг параллел келиш ҳолати уларнинг *es wurmt mir* (“бу менга тинчлик бермайди”) ва *es wurmt mich* каби кўринишларида ҳам намоён бўла бошлайди.

Янги даврда Walter Jung ҳам ушбу фикрга қўшилиб, “датив ҳатто хинд-европа давридаёқ аксарият ҳолларда шахс келишиги бўлган”, дейди [Jung 1973: 129].

Кўринадики, дативнинг шахс маъносини бериши умум хинд-европа тили даврига бориб тақалиб, ушбу ҳодисанинг қадимийлигидан дарак беради.

Акад. В.М.Жирмунский келишикларнинг шакл ва маъноларидаги бундай синкретизм ҳақида шундай дейди: “Вероятно, абстрактно-грамматический характер <...> падежей и их многозначность являются результатом позднейшего обобщения на основе

слияния (синкретизма) форм и значений. Таким синкретическим падежом по форме и значению является в особенности германский дательный, который восходит к дательному, творительному, местному, отчасти отложительному” [Жирмунский 1965: 209].

Аёнки, ўзида бир неча келишикларни ва уларнинг маъноларини сиғдирган датив ҳозирда ҳам, лозим бўлганда, улардан тегишлисининг функциясини бера олиш қобилиятига эга. Шу маънода датив муайян контекст ва вазиятдан келиб чиқиб, гапда семантик субъект вазифасини ҳам ўтай олади. Буни тилшуносларнинг юқорида келтирилган фикрлари ва берилган мисоллар исботлаб турибди.

Шу муносабат билан А.М.Пешковскийнинг қуйидаги сўзлари муҳокама этилаётган масалага ойдинлик киритади, деб ўйлаймиз: “Ясно, что, поскольку лицо должно вообще мыслиться в глаголе, оно мыслится здесь как третье. Но мыслится – то оно с минимальной ясностью. <...> В безличном <...> глаголе есть известный минимум лица, известный намек на лицо” [Пешковский 1938: 317].

Ушбу таърифдан келиб чиқадиган бўлсак, ўзбек тилидаги “Бизга бугун боришга тўғри келади”, рус тилидаги “Мне не спится”, немис тилидаги “Mir graut davor” гапларида ифодаланган иш-ҳаракат “шама қилинган шахс” (А.М.Пешковский) лар: “биз, я, ich” ларнинг ҳаракатлари туфайли юзага келган. Демак, ушбу сўзлар

семантик субъект вазифасини ўтамоқда. Зотан, бу сўзлар шаклан датив келишигида келса-да, ушбу гапларда, муайян контекст ва вазиятдан келиб чиқиб, мазкур келишикда содир бўлган “шакл ва маънолар синкретизми” (В.М.Жирмунский) даги маънолардан бири – субъект маъноси юзага калқиб чиқади, яъни “бундай гапларда субъектнинг конкретлашуви (мавжудлиги) воситали тўлдирувчи позициясида тақозо қилинади” [Алисова 2009: 16].

Буларнинг барчаси грамматик шаклларнинг, жумладан, келишиклар системаси кўп функционаллик хусусиятига эга эканлигидан, яъни гетероген функциялар таший олишидан дарак беради. Ушбу ҳолат нафақат рус тилига хос, балки кўпгина тилларга, жумладан, немис тилига ҳам хос хусусиятдир. Масалан: Mir graut davor – Мен бундан кўрқаман; Mir ist kalt (ёки Ich friere) – Мен совқотаяпман.

Демак, сўзловчининг ёки ёзувчининг мақсадидан келиб чиқиб, гап турли коммуникатив вазифаларни ўтайди ва айни пайтда ушбу коммуникация ўзи билан бирга контекст ва вазиятни инобатга олган ҳолда шахсли ҳамда шахссиз гапларнинг тегишли структураларидан фойдаланишни тақозо этади.

Кўринадики, турли структурага эга тилларни қиёсий-типологик ўрганиш дативнинг субъект вазифасида келишида муштаракликни намоён этмоқда.

Адабиётлар

1. Адмони В.Г. Типология предложения и логико-грамматические типы предложения // Вопросы языкознания, 1973, №2. – С. 46-57.
2. Адмони В.Г. Статус обобщенного грамматического значения в системе языка // Вопросы языкознания, 1975, №1. – С. 39-54.
3. Алисова Т.Б. Именные члены простого предложения и их семантические функции (на материале итальянского языка) // Филологические науки, 1970. №2. – С. 77-88.
4. Алисова Т.Б. Очерки синтаксиса современного итальянского языка: Семантическая и грамматическая структура простого предложения. Изд. 2-е. – М.: Книжный дом “Либроком”, 2009. – 296 с.
5. Бондарко А.В., Кодухов В.И. О новой модели описания грамматического строя русского языка // Вопросы языкознания, 1971, №6. – С. 31-45.

6. Гиро-Вебер М. К вопросу о классификации простого предложения в современном русском языке // Вопросы языкознания, 1979, №6. – С. 63-75.
7. Жирмунский В.М. История немецкого языка. – М.: Высшая школа, 1965. – 408 с.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л.: Наука, 1972. – 216 с.
9. Косов В.Т. Теория членов предложения в зарубежной немецкой грамматике XX века // Иностранные языки в школе, 1976, №4. – С. 18-24.
10. Мауро, Туллио Де. Введение в семантику. – М.: Дом интеллектуальной книги, 2000. – 240 с.
11. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.: Учпедгиз, 1938. – 452 с.
12. Решетова Л.В. Категория падежа в языках разных систем. – Т.: Фан, 1982. – 136 с.
13. Шанский Н.М., Тихонов А.Н., Филиппов А.В., Небыкова С.И., Изаренков Д.И. Современный русский литературный язык: Учебное пособие для студентов пед. ин-тов. – Л.: Просвещение, 1988. – 671 с.
14. Юрченко В.С. Структура предложения и система синтаксиса // Вопросы языкознания, 1979, №4. – С. 77-89.
15. Фуломов А., Асқарова М. Ҳозирги ўзбек адабий тили. Синтаксис. – Т.: Ўқитувчи, 1987. – 256 бет.
16. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. – Leipzig: VEB Bibliografisches Institut, 1973. – 518 S.
17. Paul H. Deutsche Grammatik. Syntax. Band III. – Halle/Saale: VEB Max Niemeyer Verlag, 1954. – 456 S.

Элмурадов Н. Предложения с субъектом, выраженным дательным падежом. На материале немецкого, узбекского и русского языков изучаются предложения с субъектом, выраженным дательным падежом.

Elmuradov N. The sentences which the subject is expressed by dative case. With the help of the materials of German, Uzbek and Russian languages the sentences which the subject is expressed by dative case is studied.

METAPHOR IN NEWSPAPER DISCOURSE IN THE LIGHT OF COGNITIVE LINGUISTICS AND LINGUOCULTUROLOGY

Khojeev Andrey,

Associate Lecturer of Uzbekistan State World Languages University

Key words: *conceptual/cognitive metaphor, source domain, target domain, politic discourse, economic discourse, concept, conceptsphere, Cognitive Linguistics, Linguoculturology*

Having shifted the structural paradigm, the anthropocentric one has enabled to carry out complex investigations studying language from different angles, from the perspective of the human and his activities. In other words, the linguistic means are studied on the basis of the assumptions of the modern trends such as Psycholinguistics, Discourse Analysis, Linguocognitive and Linguocultural Studies. Thus, the present article is aimed at revealing metaphors in newspaper discourse and their classification in the light of Cognitive linguistics and Linguoculturology.

Referring to the different scholars, we can outline the following interpretation of Linguoculturology: it is a complex and interdisciplinary study of the linguistic means which embody cultural and ethnical specificity. Cultural specificity and ethnic peculiarities are reflected both linguistically in the notional component of language unit and non-linguistically through its deep semantics. In this way, Linguoculturology is the discipline which by the use of systematic methods investigates the language units (linguoculturemes) that embody store and transfer culture and are usually revealed in discourse. [Ashurova 2012, Воробьев 2006, Красных 2002, Телия 1999]

Among all types of culturally specific means, however, metaphor is of paramount importance. It is worth noting, that there are two approaches to its investigation: metaphor as a linguistic mechanism, and metaphor as a cognitive principle. The first mentioned approach presumes metaphor as a stylistic (rhetoric) device that is used for achieving poetic imagination and consequently making an aesthetic impact on the readers. In this case metaphor is the property of the language.

The second approach has initially been put forth by American linguists G. Lakoff and M. Johnson in their work “Metaphors We Live By”. Having introduced the notion of conceptual metaphor they highlighted that it is “pervasive in everyday life, not just in language, but in thought and action. Our ordinary conceptual system, in terms of which we both think and act, is fundamentally metaphorical in nature” [Lakoff, Jonson 1980: 4]. In this way, we enlarge our conceptual system by acquiring the concepts through the conceptual metaphor. Thus, conceptual metaphor enabled scholars to study it not only as a stylistic device, but also as a phenomenon through which language and cognition are interrelated.

According to the theory conceptual metaphor is the cognitive process between two frames (structures of knowledge) – the source domain and the target domain. The source domain is the structure of already acquired notions whereas the target domain represents the new concepts that are going to be acquired. The acquisition of new concepts is realized through metaphorical mapping that transfers some of the elements from the source domain to the target domain. In other words, the source domain serves as a basement for the target domain, i.e. the new knowledge is acquired in comparison with the old one. As a matter of fact, some of the elements, and consequently some of the features, of the source and target domain implicitly coincide with each other. This coincidence was termed as invariance.

The assumption about the cognitive nature of metaphor and its cultural value goes back to the Aristotle’s times; the philosopher claimed that metaphor is a conversion of the

name from one kind to another by analogy [Аристотель 1927: 39]. Sh. Bally explains the metaphor as a way to compare substantial objects with the abstract ones by expressing the comparison within one sign [Балли 1961: 221]. Joining these views V.A. Maslova considers metaphor as a powerful tool for cognizing the abstract notions, which are more complicated in nature. The cognition is based on the comparison of the new (abstract) concepts with the old (concrete) ones. She adds that metaphor reflects fundamental cultural values as it embodies the nationally and culturally specific world outlook. [Маслова 2001: 90-91]. G. Lakoff highlights the fact that conceptual metaphor is an integral part of the cultural paradigm possessed by the native speaker [Lakoff 1993:210]. Thus, the acquisition of the new concepts is an effective means of enlarging the conceptsphere of the native speaker and consequently widening the national world picture.

There distinguished three types of conceptual metaphors: structural, ontological and orientational metaphors. Structural metaphor presupposes the acquisition of the concepts of the target domain by their systematic organization through the comparison with the everyday activities. Ontological metaphor is the way we perceive abstract notions by outlining their shapes in the space, or by personification. Finally, the orientational metaphor organizes the whole system of concepts with respect to one another. That is to say, the concepts of the target domain are organized according to our experience of spatial orientation. [Lakoff, Jonson 1980]

Conceptual metaphor is of frequent use in political discourse. Newspapers as one of its types present a great number of examples. It may probably be connected with the assumption that a person tends to react not so to objective reality as to the cognitive representations of the reality in his mind. Since the cognitive frames (knowledge structure) are usually formed by the means of metaphor, so it may be an effective tool to

exert influence on the addressee and as a result on his actions [Будаев, Чудинов 2008:51]. In this way, by revealing source domain through metaphorical representation we may reveal the attitude of the addresser towards the issue being discussed.

To better understanding the political nature of conceptual metaphors and their functions in newspaper discourse, let us consider some of the examples taken from the Guardian newspaper:

Europe moves to end passport-free travel in migrant row

*European nations moved to reverse decades of unfettered travel across the continent when a majority of EU governments agreed the need to reinstate national passport controls amid fears of a **flood of immigrants** fleeing the upheaval in North Africa.*

*Thousands of Bulgarians and Romanians 'plan to **flood UK** in 2014' as employment restrictions relax*

*Hordes of Romanians and Bulgarians are already preparing to **head for Britain** in search of work, according to a Mail on Sunday investigation.*

*The **immigration invasion** that never was No Extra flights, empty seats – the lack of stampeding Bulgarians and Romanians shows the rightwing hysteria for what it was.*

The metaphorical expressions: **flood of immigrants, to flood UK, to head for Britain, immigration invasion** conceptually link with the image of invaders that form the structural metaphor – IMMIGRANTS ARE INVADERS. Indeed, the immigration has become a sensitive topic for the British nowadays; as a consequence, their arrival is compared with invasion or even with the natural disasters. By using these metaphorical expressions the editors form a respective image in this way influencing the public opinion. Thus, the conceptual metaphor works towards cognition forming a certain concept in the readers' conceptsphere through the image of INVADER.

The examples bellow represent metaphors connected with the electing process (The Guardian Newspaper):

*German **election**: Angela Merkel secures historic third **win***

*The Israeli Prime Minister, Binyamin Netanyahu, has declared a '**great victory**' for his Likud party, as his **rival** Isaac Herzog refused to concede **defeat**. With more than 90% of the vote countered, Likud has scored what many are calling an **emphatic victory**, but Herzog said he was still focused on forming 'a socially- minded government' for Israel.*

*Abbas **wins landslide victory***

*Mahmoud Abbas today began his work as Yasser Arafat's successor after **winning a landslide victory** in the Palestinian presidential **election**. [...]Final results announced today gave Mr Abbas 62% of the vote. His nearest **rival**, Mustafa Barghouti, had 19% of the vote and **conceded defeat**.*

In the above given extracts the phrases: **win an election, great victory, rival, defeat, emphatic victory, conceded defeat, win landscape victory** enable us to presume another conceptual metaphor that has been found to be of frequent usage in newspaper discourse ELECTION IS FIGHT. It has become a long lasting tradition for newspaper editors to associate the electing process with the FIGHT and the candidates for the post with the rivals. As in any fight one wins and another loses so in any election one gains the victory and others get defeated.

It is worth noting that metaphors made their own way in highlighting economic issues either. The economic metaphor has been widely investigated by the Western scholar. Hence, McClockey claims that economics is metaphorical in nature. In his manual "The Rhetoric of Economics" he claims that metaphor is the most frequent rhetoric that expends the essence of economic thinking – "to say that markets are represented by supply and demand 'curve' is no less than metaphor, than to say that the west wing is 'the breath of autumn' being [McCloney, 1983: 502]. Another scholar C. Bicchieri

points out that there is a strong correlation between circulation and distribution of the goods and the body part. So, he presumes the circulation money originated from the circulation of blood in the body [Bicchieri, 1988]. Another assumption proposed is that the economic system is metaphorically compared with the living organisms [Marshall, 1920:56]. As the latest one the economic system grows, changes and decays. Having conducted a research, W. Ormerod comes to the conclusion that the conception of economy as a piece of machinery in the XIX century was an outcome of the parallel advances in the natural science achieved at that time, consequently, leading to the shaping the views about the world in general and about economy in particular [Ormerod, 1997]. Thus, metaphors in economic content of newspaper discourse are created for the sake of understanding complicated economic theories and economic phenomenon and in this way being more persuasive for the potential readers.

Some of the economic metaphors due to their frequent usage turned out to be well-established in the humans' conceptsphere and, consequently, became cliché-like. Here are some of them:

*There are three closely interrelated sources of instability in the present system: the volatility of **international capital flows, bubbles in stock market prices** and exchange rate instability. In a typical crisis, **inflows of foreign capital** and **booms in share prices feed oneach other** and put upward pressure on exchange rates.*

The passage illustrates several types of metaphor in the economic context. The first is the ontological metaphor – CAPITAL IS A RIVER, the expressions like '*international capital flow*', '*inflows of foreign capital*' conceptually link them to the stream of the river. The other subtype of ontological metaphor is personification – PRICE IS A HUMAN can be found in the expression '*share prices feed on each other*'. Another ontological metaphor is PRICES ARE BUBBLES that hints to the instability in the

stock market. Finally, the last expression 'booms in share prices' is of the orientational type –BOOM IS UP.

However, some of the metaphorical expressions in the economic context are unique. They are created to form a certain concept in the conceptual frame of the addressee; therefore, they tend to be of a high sense of imagination. The next examples demonstrate it:

- a. *Vodafone boosted by weak pound but struggling in **mature markets***
- b. *Obama puts housing at the **heart of economy***
- c. ***Markets' nerve** on fears of end to quantitative easing*
- d. *[...]There is still a great need to address the plight of Kenya's poor people, as agriculture remains the **backbone of the economy**. [...]*
- e. *Europe: Zapatero tries urgent **remedy for Spain's economy***
- f. *A growing **headache** for the Chinese economy*

In the examples listed above the ontological metaphor –ECONOMY IS A HUMAN BEING was used. Thus, in the first example the expression 'mature market' denotes 'developed market', that conceptually links them to the milestone in human life process consequently forming the target domain STAGES OF ECONOMIC SYSTEM and the source domain STAGES OF HUMAN BEING. In the next three examples the

expressions 'heart of economy', 'markets' nerve', 'backbone of the economy' denote 'vital part of economy', 'the most sensitive part of the market', 'a support for the economy' reflect the structure of economic system forming the target domain THE STRUCTURE OF ECONOMIC SYSTEM and the source domain THE STRUCTURE OF PHYSICAL BODY. Finally, in the last two examples the expressions 'remedy for economy' and 'headache for economy' refer to the human's state forming the target domain THE CONDITION OF ECONOMY and the source domain THE CONDITION OF THE HUMAN ORGANISM.

Thus, in the article we have examined metaphor which is not only a stylistic device but also a complex cognitive process for cognizing the world and designating new concepts. It has been found that metaphor is closely connected with culture as a tool serving for widening the conceptual world picture. The conceptual metaphorisation in newspaper discourse is a two- fold process. It, on the one hand, is used to invoke certain concepts in the readers' conceptual frame, while, on the other, is used as the form of unique expressions aiming at creating new concepts and images for the sake of provoking certain pragmatic effect. Having charged pragmatically, conceptual metaphor, as a result, is of frequent usage in politic, social and economic content.

References

1. Аристотель Поэтика. Пер. Н. И. Новосадского. «Классики искусства». Вып. 1. – Ленинград: Академия, 1927. – С.120;
2. Балли Ш. Французская стилистика. Перевод с французского. – Москва: Издательство иностранной литературы, 1961. – С.394;
3. Будаев Э.В. Чудинов А.П. Метафора в политической коммуникации. Монография. – Москва: Флинта/Наука, 2008. – С.248;
4. Воробьев В.В. Лингвокультурология. – Москва: Издательство Российского Университета Дружбы Народов, 2006.;
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и Лингвокультурология. – Москва: Гнозис, 2002.;
6. Маслова В.А. Лингвокультурология. – Москва: «Академия», 2001. –С.198;
7. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. – Москва, 1999.;
8. Ashurova D.U. Text linguistics. – Tashkent: Taffakur qanoti, 2012. – p.116;

9. Bicchieri C. Should a Scientist Abstain from Metaphor? –Cambridge: Cambridge University Press, 2008.;
10. Lakoff G., Jonson M. Metaphors We Live By. –Chicago: University of Chicago Press, 1980. – p. 191;
11. Lakoff G., Ortony, A. Metaphor and Thought. Second Edition. –Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – p. 696;
12. Marshall A. The Principle of Economics. –London: Macmillan and Co. Ltd., 1920.;
13. McCloskey D.N. "The Rhetoric of Economics" //Journal of Economic Literature 21 (2) – The U.S.A.: The University of Iowa Press, 1983. – pp. 481–517;
14. Ormerod W. The Death of Economics. –London: Faber and Faber, 1977.;
15. <http://www.theguardian.com/world/2011/may/12/europe-to-end-passport-free-travel>
16. <http://www.theguardian.com/uk/2013/feb/04/romanian-community-negative-immigration-publicity>
17. <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/jan/02/immigration-invasion-bulgarians-romanians-uk>
18. <http://www.theguardian.com/world/2013/sep/22/angela-merkel-wins-third-term-germany>
19. <http://www.theguardian.com/world/live/2015/mar/17/israel-elections-netanyahu-herzog-voters-coalition-knesset>
20. <http://www.theguardian.com/business/2000/sep/03/imf.economics>
21. <http://www.theguardian.com/business/2009/feb/03/vodafone-pound-india-mobile-phones>
22. <http://www.theguardian.com/world/2013/aug/07/obama-housing-heart-economy>
23. <http://www.theguardian.com/business/2013/may/23/stock-markets-lose-nerve-quantitative-easing>
24. <http://www.theguardian.com/global-development/2014/nov/04/middle-income-kenya-aid>
25. <http://www.theguardian.com/world/spain+jose-luis-zapatero?page=2>
26. <http://www.theguardian.com/business/2014/may/11/chinese-economy-spend-saving-borrowing>

Хожеев А. Газета дискурсидаги метафоранинг когнитив ва лингвокультурологик жиҳатлари. Мақола газета матнидаги турли хил типдаги метафораларни когнитив ва лингвокультурологик жиҳатдан тадқиқ этилган. Хусусан, мақолада газета матни аниқ прагматик интенцияларни воқелантирувчи турли концептуал метафораларга бой эканлиги аниқланган.

Хожеев А. Когнитивный и лингвокультурологический аспекты метафоры в газетном дискурсе. В статье рассматривается функционирование различных типов метафоры в газетном дискурсе в свете новых направлений лингвистики. Установлено, что в газетном дискурсе функционируют различные типы концептуальных метафор, выполняющих определенную прагматическую функцию.

ЎЗБЕК ВА ҚОРАҚАЛПОҚ ТИЛЛАРИДА ЭКОТЕРМИНЛАР ВА УЛАРНИНГ ДЕРИВАЦИОН ТАСНИФИ

Палуанова Х.Д.

ЎзДЖТУ, мустақил тадқиқотчиси

Калит сўзлар: умумтуркий этимологик, генетик қатлам, эколексемалар, герметизация, биоценоз, организм, бактериофаг, некрофаг.

Мамлакатимиз истиклолга эришгандан кейин тил эркинлигига алоҳида эътибор берилиши сабаб нафақат миллий, балки хорижий тилларни ўрганишга ҳам эътибор кучайди. Миллий тилимизнинг иқтисодий-сиёсий, маданий-маърифий, илмий-техникавий ҳамда халқаро терминларнинг истеъмолга кириши ҳисобига бойиши ва такомиллашуви ҳар қачонгидан - да жадаллашди.

Дарҳақиқат, фақат мустақиллик туфайлигина ўзбек тили давлат миқёсидаги тилга, бошқа давлатлар билан музокараларда қўлланиладиган, қонунлар яратиладиган, илмий тадқиқотлар ёзиладиган тилга айланди. Ўзбекистон Республикасида юритилаётган мукамал тил сиёсати мамлакатимизнинг мавжуд халқлар тилларининг барқарор тараққий этишига барча шароитлар яратиб беришни кўзда тутди¹⁰.

Маълумки, қорақалпоқ тили туркий тиллар қаторига киради. Тил халқ тарихи билан чамбарчас боғлиқ, халқ тарихининг жонли гувоҳи сифатида ривожланиб, тараққий этиб боради. Қорақалпоқ халқи ҳаётидаги кейинги асрлардаги юз берган ўзгаришлар унинг тилида ҳам, хусусан, унинг экологик маданиятида ҳам катта ўзгаришлар ясади.

Ана шундай ўзгаришлардан бири ХХ асрнинг 30 - йилларига тўғри келади. Бу даврда қорақалпоқ тили миллий тил даражасига кўтарилди. Унинг сўз

таркибида анча ўзгаришлар рўй берди, терминологияси шаклланди.

Ўзбек ва қорақалпоқ экотерминларининг деривацион хусусиятлари, экологик номинация намуналари ушбу тиллар луғат бойлигининг таркибий қисмини ташкил қилади.

Ҳозирги ўзбек ва қорақалпоқ тилларида рус алифбосида нашр қилинган энг дастлабки луғатларида уларга мансуб эколексика қайд этилган. Ўтган асрнинг охиридан ҳозирги даврга қадар нашр қилинган турли соҳаларга ва техникага оид луғатларда ҳам кейинги йилларда кириб келган аксарият янги экосўзлар жой олган. Улар, асосан, рус, инглиз, француз, араб, япон, корейс ва бошқа тиллардан кириб келган сўзлардир. Масалан: *Рельеф, саҳро, цунами, тайфун, дезактивация, дезинфекция, жазирама, сирка(лаш)*. Ана шундай лексикографик манбалар, энциклопедиялар, газета ва журналлар, бадиий асарлар ушбу тиллардаги эколексикани тадқиқ этишда муҳим аҳамиятга эга.

Ўзбек ва қорақалпоқ тилларида ҳам ривожланиши жиҳатидан тарихий аҳамиятга эга сўзлар қатламининг бир неча турини аниқлаш мумкин. Улардан, даставвал, умумтуркий этимологик ёки (генетик) қатламни ажратиш мумкин. Ҳозирги ўзбек ва қорақалпоқ тиллари ва улардаги эколексиканинг ривожланишида араб ва форс тилидан ўзлаштирилган сўзлар (айниқса, Ислом дини қабул қилингандан кейин) катта роль ўйнаган. Бу давр лексикасида татар, мўғул, рус ва бошқа европа тиллари билан ҳам ўзаро таъсирлашувлар содир бўлиб турган.

¹⁰ Каримов И.А. Биз танлаган йўл-демократик тараққиёт ва маърифий дунё билан ҳамкорлик йўли// Ўзбекистон республикаси Олий мажлиси ХI сессиясидаги маърузаси. “Мулкдор” газетаси. – Тошкент, 2003 йил 25 апрель.

Ўзбек ва қорақалпоқ лексикасининг шаклланишида бошқа тиллардан қабул қилинган ўзлашма сўзларнинг қайси тилдан қабул қилинганини ҳисобга олган ҳолда қуйидагича гуруҳлаш жоиз:

– Умумтуркий экологик лексика.

– Ўзбек ва қорақалпоқ тилларининг фақат ўзига тегишли лексикасининг шаклланиши.

– Ўзлаштирама эколексемалар.

– Араб ва форс тилидан қабул қилинган эколексемалар.

– Мўғулча, татарча сўзлар.

– Рус тилидан ва у орқали бошқа Европа тилларидан қабул қилинган экосўзлар.

Умумтуркий сўзлар қаторига “*ботқоқлик*” сўзини киритиш мумкин. Қадимги ўзбек ва бошқирд тилида *баткак*, татарча *баткаклик*, уйғурча *паткан*, козоқча, қорақалпоқча *батпақ*, озорийларда *батлак*, чувашларда *путлах*, туркманчада *батка*, *батча*, туркчада *батак*. Ушбу апеллятивнинг умумтуркий этимологик келиб чиқиши бот(ир) – феъл ўзагидан бошланади. Шу каби *булоқ*, *денгиз*, *қўл* сўзлари ҳам умумтуркий табиатга эга бўлиб, улардан ҳосил қилинган ясама сўзлар экологик гидролексика ҳам ўзбек ва қорақалпоқ (ва бошқа туркий тилларда ҳам) тилларда умумтуркий лексика асосида шаклланганлигини кўрсатиб турибди.

Демак, умумтуркий лексика ўзбек, қорақалпоқ (ва бошқа туркий тилларда) эколексиканинг шаклланишида энг дастлабки ва энг асосий негиз, деривация бўлиб хизмат қилган. Ушбу тилларда рельеф ва ўсимликлар турларини номлашда ва ҳозирги даврга келиб ўзига хос бир ҳолат, яъни *ли (-лик) –чилик* суффикслари иштирок этган универсал модель юзага келдики, бу қадимги туркий тилда кузатилмаган. Бу сўз ясовчи моделнинг ҳозирги ўзбек ва қорақалпоқ тиллари учун янгилик бўлиб қолганлиги ва мустаҳкам жой олганлиги туфайли унинг таъсирида янги модель ва сўзлар яратилмоқда: *тоғли*, *тоалик*, *пастлик*,

дўнглик, *тоғу тош*, *паст-баланд*. Эколексемаларнинг жуфтлашган сўзлар кўринишида қўлланилиши (бу энг қадимги номинатив ҳисобланади) ҳам ҳозирги ўзбек ва қорақалпоқ тилларида жуда тараққий этган. Ўзбек ва қорақалпоқ тилларидаги лексика бошқа тиллар таъсирида янги сўзларни ўзига ўзлаштириб борган. Унинг натижасида уларнинг ўзида ҳам бу жараён таъсирида ўзига тааллуқли лексик бирликлар, сўз ясовчи воситалар, умумий лисоний материал асосида янги сўз яшаш усуллари, янги деривация механизми юзага келган. Ушбу тилларнинг ўзига хос энг дастлабки эколексикаси, аниқроғи, табиат ҳодисалари, рельеф, гидротушунчалар, ўсимлик, чорвачилик ва деҳқончиликка оид номинациялари IX-X асрлардан бошлаб шакллана бошлаган.

Қадимги ўзбек тилининг география ва экологияга оид лексикаси “Бобурнома”да ўз аксини топган¹¹. Масалан: *ўлка*, *иқлим*, *об-ҳаво*, *обиҳаёт*, *чакалакзор* ва ҳоказо.

Қорақалпоқ тилида бу лексик қатлам халқ дostonларида кўзга ташланган. Масалан: *ҳаўа райы*, *дўт тоғайлық*, *таўлық таслық*, *жаўынлы*, *шөлистан*, *нәлише*, *қудық*, *булақ*, *ойпатлық* ва ҳоказо.

XXI аср бошига келиб ўзбек ва қорақалпоқ эколексикаси уч йўналишга тўғри келади: илмий эколексика, адабий тил эколексикаси ва ўзбек ҳамда қорақалпоқ шевалари эколексикаси.

50-йилларда илм-фан ва техника тараққиёти туфайли “*йўлдош*”, “*сунъий йўлдош*”, “*қўриқ ерларни ўзлаштириши*”, “*кимёлаштириши*” каби янги сўзлар пайдо бўлди. Бундай сўзлар ўша давр ҳодисаларини номлаш учун жуда зарур эди. Илмий терминлар, экотерминлар ўзбек ёки қорақалпоқ тилларининг қонуниятлари ва ривожланиш хусусиятлари асосида ясалади. Масалан:

¹¹ Бобурнома. Т., 1989; Китоб – з – закот. Т., 1993; Машрабов З., Шоакрамов С. Асрларни бўйлаган Бобур. Т., 1997.

герметиклаштириши (герметизация), *кислоталилик* (кислотность), *оксидлашиши*, *хлорлаш*, *кристаллашув*, *филтрланиши*, *нурланиши*, *минераллаштириши*.

Ушбу терминларда эколексика билан боғлиқ ўзак одатда халқаро байналминал сўзники бўлиб, сўз ясовчи суффикс эса ўзи мансуб бўлган тил хусусиятлари билан белгиланади: *мутант* +лик, *минерал*+ла+ишув.

Ҳозирги замон ўзбек ва қорақалпоқ тиллари рус тили ва, айниқса, у орқали Ғарбий Европа халқлари тилларидан ўзлаштирилган экосўзлар ҳисобига сезиларли даражада бойиди, чунки бундай сўзлар ўзбек ва қорақалпоқ тиллари эколексикасининг катта қисмини ташкил этади. Европача экосўз ва сўз бирикмаларининг бу тилларга ўзлашиши XVIII-XIX асрдан бошланган. XX асрдан бошлаб бу жараён яна ҳам жадаллашди. Масалан: французчадан: *фреон* (газсимон ёки суюқ органик модда, асосан музлатгичларда ишлатилади), *циклон* (об – ҳаво ҳодисаси), *дренаж*, *карьер*, *натурализация*, *токсин*, *деградация*, *популяция*, *газ*, *кадастр*, *бассейн*, *вибрион*, *дегенерация*, *браконьер* ва б. Инглиз тилидан рус тили орқали ўзбек ва қорақалпоқ тилларига *мониторинг*, *парк каби сўзлар кириб келган бўлса*, немис тилидан *шлак*, *филтрат*, *ландшафт*, *лавина*, *ареал каби сўзлар*, финн тилидан *тундра сўзи*, итальянчадан *карантин*, *лава*, исланд тилидан *гейдер*, япончадан *цунами каби сўзлар ўзлашган*.

Бу тиллар эколексикасининг шаклланишида қадимги грек ва латин тиллари катта таъсир кўрсатган. Бунга экология сўзининг ўзини, бундан ташқари география, биология, геология, ботаника каби номинацияларни ҳам келтириш мумкин. Қадимги грекча лексемалар асосида *экология*, *экотизим*, *озон*, *экотип*, *сейсмограф*, *биоценоз*, *организм*, *бактериофаг*, *некрофаг*, *биосфера*, *симбиоз*, *литосфера*, *биосинтез* каби сўзлар ясалган.

Илм-фан тилига куйидаги экологик халқаро тушунча ва терминлар латин лексикаси асосида киритилган: *дехлорация*, *конкуренция*, *концероген*, *абориген*, *радиация*, *гербецид*, *санитария*, *гигиена*, *эволюция*, *эрозия* кабилар. Келтирилган мисоллар ҳозирги ўзбек ва қорақалпоқ эколексикасининг шаклланишида қадимги грек, латин ва ғарбий Европа тиллари катта роль ўйнаганлигини кўрсатади. Қорақалпоқ, ўзбек ва рус халқлари ўртасидаги кўп асрлик маданий ва иқтисодий алоқалар уларнинг тилларида ҳам сезиларли из қолдирган. Рус тили ўзбек ва қорақалпоқ тилларига халқаро илм-фан лексикасини олиб кирди. Ўзбек ва қорақалпоқ эколексикаси рус эколексикаси билан синхрон равишда шаклланиб борди. Ўзбек ва қорақалпоқ тилларига жуда кўп русча сўзлар ўзлашди. Уларнинг кўпчилиги учала тилда ҳам кенг қўлланилади. Ўзлаштирилган сўзларнинг баъзилари фонетик талаффузи ўзгарган бўлса ҳам, бошқалари янги тил таркибида ҳеч қандай ўзгаришларга учрамасдан қўлланилмоқда. Масалан: *нефть*, *канал*, *асфальт*, *атмосфера*, *канализация*, *гармон*, *экология*, *атом*, *молекула*, *электрон*, *радиация*, *комплекс*, *экотизим* ва ҳоказо.

Умумтуркий эколексиканинг асосий намуналари, энг аввало, осмон, коинот ва об-ҳаво ҳодисаларини номлашга хизмат қилади: *ер-жер*; *сув-суў*; *кўк-көк* ва ҳоказо. Бундай сўзлар ҳозирги туркий тилларнинг барчасида сақланиб қолган. Масалан, ўзбек тилидаги *юлдуз*, қрим татар тилида *сундуз*, қорақалпоқча *жулдыз*; *қуёш* (ўзбек), *қояш* (татар), *қуяш* (қорақалпоқча). Ўзбек ва қорақалпоқ тиллари эколексикасининг яна бир муҳим таркибий қисми рельеф ва ўсимликларни ифодалашга хизмат қилувчи сўзлардан иборат. География, геология, ботаникага оид номинацияларнинг ўзаро боғлиқликлари уларнинг экологик моҳиятини очиб бериш имконини беради. Бундай сўзларга *ёғоч*, *ағаш*, *ағач*, *яғач* (татарча), *йўвас* (чувашча), *ағас*

(бошқирдча), умумтуркий *ауас, жауас, ауас, пас* (ўрмон, ёғочли маъносида) кабилар киради. Сув билан боғлиқ ҳодисаларни ифодалашда оқим сўзи *йохам* (чувашча), *оқим* (бошқирдча), умумтуркий *ак, сув, су, си* (дарё, кўл, денгиз) маъноларида *кўл, денгиз, шаршара* каби сўзлар қўлланилади.

Ернинг тузилиши, яъни рельефни ифодаловчи *яланглик, алан* (татарча), *жолан, умумтуркий йалан, қир, кир, хир* (қипчоқ тилларидан), *қирғоқ умумтуркий қуғуау, тақир ер, дашт туз* – умумтуркий, *тоғ, тау, таў* (қорақалпоқча), *ўрмон* (ўзбекча), *орман* (қорақалпоқча), *яйлов, отар, утар* каби сўзларнинг асосий қисми ҳозиргача етиб келган ва ҳозирда ҳам қўлланилмоқда. Шулардан, масалан *қир* сўзи бир неча маъноларга эга: 1) дала, аҳоли яшайдиган очиклиқ майдон; 2) чекка жой, чуваш тилида ушбу сўзнинг ҳар иккала маъноси сақланиб қолган. Ўзбек ва уйғур тилларида бу сўз “*чегара, чекка, ён бош, тизма, тўгон, даштлик, дала майдон, текислик*” каби маъноларни билдиради. Волга бўйи татарлари, ноғай, кўлик, марий, хакас тилида *қир* сўзи (қадимги туркийда [qur] ёлғиз тоғ) *йўл бўйи, қирғоқ, бордюр* ёки аҳоли яшайдиган жойдан узокдаги ўрмон, дашт, чўл, тақир жой, кенглик маъноларини англатади. Ўзбекча *тоғ, қорақалпоқча таў* эколлексемасидаги та- (та) бўғини “*ер*”, “*-ў*” ёки “*-э*” эса “*ўзил*” маъносини билдиради. Қрим татар тилида ушбу номинация *дача* (тоғ ёки ўрмон маъносида) тарзида талаффуз қилинади.

Адабий экологик лексика ҳам умумхалқ лексика сифатида тан олинган ва маълум даражада анъанавийлаштирилган. У ҳозирда аксарият фан тармоқларига кириб бормоқда ва унумли қўлланилмоқда. Унинг энг асосий хусусияти адабий тил меъёрларига мувофиқлаштирилганидир. Бунга эса, бундай сўзларнинг изоҳли, икки тилли луғатларда ёзма равишда қайд этилганлиги далил бўлиб хизмат қилади. Бундай эколлексемалар стилистик бетараф, яъни буёқдор эмас: *атроф-муҳит, табиат, жер, ер, тошқин, тасқын,*

қурғоқчилик, қурғоқшылық, таиландиқ ер, тасландиқ жер, қумлик, қумлық, суюқлик, суйықлық ва ҳоказо.

Ўзбек ва қорақалпоқ тилларидаги эколлексикани бойитувчи яна бир манба бу шевалардир. Шева сўзлар орқали эколлексик тизимни таҳлил қилиш унинг янги хусусиятларини аниқлаш имконини беради.

Ўз хусусиятларига кўра шева сўзлар прогрессив ва регрессив турларга бўлинади. Биринчи тоифага мансуб шева сўзлар адабий тилда эквивалентларга эга бўлмайди. Нутқ фаолиятига улар машхур бадий асарлар орқали татбиқ этилади. Масалан, машхур ёзувчилар томонидан тақдим этилган экологияга оид қуйидаги сўзлар фаол қўллана бошланди (ўзбек ва қорақалпоқ тилларида). Масалан: *қузак-қуз фасли; қиш* - аёз; *сахарда* – эрта тонгда; *зухро юлдузи* – тонг юлдузи; *оқшом* – кечаги кун.

Регрессив шева сўзлар адабий тилда аниқ эквивалентларига, яъни синонимларига эга: *девосил* – *кийик оти, череда* – *иттикенек, сабзи* – *гешир, қовун* – *гурбек, қум* – *шеге, тарвуз* – *гарбыз, беда* – *жоньшиқа, чинор* – *гужум, ботқоқлик* – *балшық.*

Ўзбек ва қорақалпоқ тилларида ўрнашиб бўлган айрим шева сўзлар ўз хусусиятини йўқотиб эколлексиканинг таркибидан мустақкам жой олган. Масалан: *ён* – канал, сув ўртасидаги оролча – *ўтов*, дала – *тахта*, силос – помидор, *бурч* – болгар қалампири, *зекаш* – шўр сув тўпланадиган жой, терак – дерак, *замча* – хандалак, *биринч-гуруч.*

Ўзбек ва қорақалпоқ тилларидаги эколлексика ҳозирги пайтга келиб сертармоқ тизимга айланган. Янги экологик тушунчаларни ифодалашга бошқа тиллардан, масалан, араб тилидан қабул қилинган унсурлардан фойдаланиш кенг тарқалган. Масалан: *хайвонот дунёси, табиат ҳалокати, дунё кўламидаги ҳалокат* ва ҳоказо.

Араб ва форс тилидан ўзлаштирилган сўз ва морфемаларнинг

русча ва бошқа европа тилларидан қабул қилинган лексемалар билан бирикиши натижасида мураккаб сўз бирикмалари ҳосил бўлади: *табиат қонунларини ўрганиш, табиат объектлари, табиат системаси, дунё океани, ҳаво бассейни,*

географик муҳит, табиий ресурслар, табиий ландшафт, рельеф ва ҳоказо.

Умуман олганда, лексик ва бошқа лисоний ўзлаштириш жараёни ҳар бир жонли тил учун табиий ҳол ва муқаррар тараққиёт натижаси. У ҳар қандай тил учун прогрессив аҳамиятга эга.

Адабиётлар

1. Каримов И.А. Биз танлаган йўл-демократик тараққиёт ва маърифий дунё билан ҳамкорлик йўли// Ўзбекистон республикаси Олий мажлиси XI сессиясидаги маърузаси. “Мулкдор” газетаси. – Тошкент, 2003 йил 25 апрель.
2. Бобурнома. Т., 1989; Китоб – з – закот. -Т., 1993.
3. Машрабов З., Шоакрамов С. Асрларни бўйлаган Бобур. -Т., 1997.
4. Дианова Г.А. Термин и понятие: проблемы эволюции. -М.: Еврошкола, 2000. - 184с.
5. Курилович Е. Очерки по лингвистике: деривация лексическая и деривация синтаксическая. <http://www.gumer.info>

Палуанова Х. Деривационная характеристика экотерминов в узбекском и каракалпакском языках. В статье представлен диахронический анализ экотерминов в узбекском и каракалпакском языках. Экотермины являются важным компонентом словарного фонда языка и их структурно-семантический анализ является определенным вкладом в общую лексикологию данных языков.

Paluanova X. Ecoterms in Uzbek and Karakalpak languages, and their derivational classification. In article the diachronic analysis of ecoterms in the Uzbek and Karakalpak languages is considered. Ecoterms are an important component of dictionary fund of language and their structural-semantic analysis will be a certain contribution to the general lexicology of these languages.

АНАФОРИЧЕСКИЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ И УСЛОВИЯ ИХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ

Киселёв Д.А.

*Старший научный сотрудник-исследователь
Самаркандского государственного института иностранных языков,*

Ключевые слова: местоимение, анафора, анафорические существительные, репрезентация.

Традиционно признается, что существительные репрезентируются посредством местоимений, которые выделяются в отдельную часть речи. При этом правомерность выделения местоимений в отдельную часть речи остается в некоторой степени вопросом дискуссионным [Гак 2002:116]. Так же указывается на кардинальное отличие местоимения от других частей речи – оно выполняет не номинативную, а репрезентативную функцию, ср. "В отличие от других частей речи местоимение не называет объект непосредственно, но указывает на него в условиях данного акта речи" [Гак 2002:116], ср.: Zoïle, Nous nous verrons donc dans l'appartement d'*Aliénor*, en présence **celle-ci**. Astrolabe. (Amélie Nothomb) (здесь и далее мы выделяет анафорические элементы полужирным шрифтом, а референты курсивом).

Местоимение *celle-ci* отсылает к референту, т.е. лишь указывает на имя собственное *Aliénor*. Виды местоимений и принципы их функционирования изучены довольно подробно. Вместе с тем, более глубокий анализ репрезентативной функции позволяет выделить в самом имени существительном единицы, по формальным грамматическим признакам относящиеся к этой же части речи, а функционально идентичные местоимениям. Подобные существительные мы предлагаем обозначить как *анафорические*, в силу того, что они, как и местоимения, лишь указывают на объект (лицо) в условиях речевого акта, т.е. выполняют

анафорическую (указательную) функцию, и отсылают к референту, выполняющему номинативную функцию. Рассмотрим это на примере:

Le photographe a décidé que nous devons nous mettre sur **trois rangs**; le premier rang assis par terre, *le deuxième*, debout autour de la maîtresse qui serait assise sur une chaise et *le troisième*, debout sur les caises. (Sempé et Gossiny)

Референтом в данном случае является *trois rangs*, которое обозначает объект во всей его совокупности, а существительные *le deuxième* и *le troisième* лишь указывают на него и его составные части, в то время как именное словосочетание *le premier rang* непосредственно называет составную часть совокупности.

Подобно местоимениям, анафорические существительные наделены конкретным значением лишь в рамках данной коммуникативной ситуации. Вместе с тем, данные элементы с формальной грамматической стороны квалифицируются как существительные, так как обладают всеми соответствующими существительному грамматическими категориями и в предложении выполняют синтаксические функции, присущие существительному.

Мы полагаем, что данные анафорические единицы следует определить как существительные, образованные путем конверсии, а не как случаи эллипсиса. Отметим, что в качестве анафорических существительных регулярно функционируют единицы, образованные путем конверсии, ср.: Après

une assez longue discussion, ils tombèrent d'accord, et M. Trémelat aligna sur la table *quatre-vingt-quatre louis d'or* : Ugolin les firent tinter *l'un après l'autre* sur le marbre de la cheminée, pour s'assurer qu'ils étaient bons (Marcel Pagnol). Очевидно, что анафорические существительные наделены всеми грамматическими категориями существительного, даже если образованы путем конверсии из прилагательного или детерминатива, ср.: Alors, il prit dans sa musette une grosse loupe, et examina *les cassures l'une après l'autre*. (Marcel Pagnol)

Средством указания на объект в условиях определенной коммуникативной ситуации также может выступать анафорическое существительное *dernier nm*. Оно также является продуктом конверсии прилагательного в существительное. В тексте оно, и весь его парадигматический ряд, служит для указания на объект (лицо), упомянутое в конце фразы или последним при перечислении, ср.: Comment le Canadien moyen peut-il connaître *toutes ces espèces en péril*? **Ces derniers** pourraient toutefois se retrouver avec un casier judiciaire parce que c'est à eux de s'informer. Как видно из примера, грамматические категории antecedenta и анафорического существительного совпадают. При этом очевидно, что одним из условий употребления данного анафорического существительного является наличие в контексте слева минимум двух объектов со сходными грамматическими маркерами, и анафорическое существительное *dernier* указывает на тот объект (лицо), что был упомянут в речи последним.

При этом, анафорические существительные следует отличать от реитерации, повторной номинации и контекстуальной синонимии на том основании, что перечисленные явления включены в номинацию, тогда как анафорические существительные могут лишь указать на объект (лицо) и требуют наличия в тексте вербально выраженного

референта (antecedenta), выполняющего номинативную функцию, ср.:

Il /le jeune homme/ s'avança vers elle: alors le vigilant **Bicou** s'élança, courut se placer devant la chèvre, et gronda en découvrant ses crocs.

Le chercheur d'or fit un pas vers lui; mais **le chien** ne récula pas, et jappa furieusement.

"Hé hé! Tu as peur que je te vole tes chèvres?"

Le reste du troupeau était venu se ranger en demi-cercle derrière **le gardien velu**, et regardait l'intrus /.../ (Marcel Pagnol)

и

Ils /M. Tremelat, le Papet et Ugolin/ se séparèrent vers onze heures, assez contents *les uns des autres* /.../ (Marcel Pagnol)

Приведенный пример доказывает, что при использовании контекстуальных синонимов (Bicou, le chien, la gardien velu) реализуется номинативная функция, т.к. объект называется, а в случае с анафорическими существительными (les uns, les autres) реализуется функция репрезентативная, т.е. на объекты возможно лишь указать. Контекстуальные синонимы являются формой реализации общего феномена перифразы, основная цель которого – усиление, объяснение, реже исправление [Турницкая 2008:100]. Таким образом, они служат для сообщения дополнительной информации об объекте, "называют" его иначе, в то время как анафорические существительные указывают на объект, не называя его. Из этого следует, что анафорические существительные и перифразы (контекстуальные синонимы) различаются не только функционально (реализуются номинативная и репрезентативная функции), но и прагматически (объект дополнительно квалифицируется или на него лишь указывают).

В ряде исследований подобные перифразы квалифицируются как неадекватная анафора ("anaphore infidèle") [Le Paisant 2002:39-40]. Подобная трактовка нам кажется не полностью

обоснованной, так как содержит внутреннее противоречие. В том же источнике мы обнаруживаем определение анафоры как "замещающей формы, семантически пустой или неполной, которая требует поиска в контексте слева лексического материала (именуемого *антецедент*), необходимого для восстановления синтагмы, которую она замещает (*перевод наш*)" [Le Paisant 2002:39]. Оставим дискуссионный тезис о замещении для отдельного рассмотрения, и остановимся более подробно на семантической пустоте или неполноте анафорического элемента.

Анализ текстового материала, как письменного, так и устного, с целью выявления и интерпретации анафорических существительных позволил нам обнаружить следующие наиболее частотные единицы: *chose n.f.*, *truc n.m.*, *machin n.m.*, *bidule n.m.* Данные единицы зафиксированы и в лексикографических источниках, где они определяются именно в качестве существительных, с полагающимися формальными морфологическими признаками, как то категории рода и числа. Основным критерием, объединяющим эти существительные, нам представляется семантико-функциональная общность – они лишены асемантичности, т.е. лишены самостоятельного семантического содержания, а используются для указания на объект (лицо) в рамках конкретной речевой ситуации. Мы полагаем, что функционально они сближаются с местоимениями, формально оставаясь существительными. Рассмотрим их более детально.

Анафорическое существительное *chose* имеет высокую частотность употребления и встречается в текстах разного рода, скорее всего в силу своей нейтральной стилистической окраски, ср.: *Un premier ministre n'est jamais en vacances. Il doit pouvoir être joint tout le temps par téléphone. Mais cela n'a pas perturbé la chose la plus importante, à savoir être avec la*

famille. Cela a été la meilleure période pour l'ensemble de la famille et mon congé de paternité n'a eu aucune conséquence négative sur ma carrière. Существительное *la chose* указывает на объект *kêre* *avec sa famille*, но не называет его; самостоятельным семантическим содержанием оно не обладает и при изъятии из конкретного контекста становится асемантичным, также как и любое местоимение. Эмфатическая конструкция предложения определила взаимное расположение анафорического существительного и референта, который, в данном случае занимая правую позицию, квалифицируется как постцедент, в противоположность антецеденту, занимающему левую позицию.

При этом данное анафорическое существительное остается грамматически полноценным, т.е. свое выражение находят его грамматические категории и его синтаксический потенциал может быть полноценно реализован. Рассмотрим это на следующем примере, ср.: *Malgré quelques sujets de préoccupation, de nombreux groupes de la société civile ont estimé que la déclaration politique finale faisait avancer les choses dans plusieurs domaines clés, notamment la réaffirmation des promesses de 2001, le commerce, les femmes, les besoins de ressources, la santé sexuelle et reproductive et la réduction des risques.* Употребление в речи множества однородных референтов обуславливает форму множественного числа анафорического существительного. Подчеркнем еще раз, что стилистическая нейтральность позволяет данной анафорической единице функционировать как в устных, так и в письменных текстах. Вместе с тем, возможно отметить, что *chose* в анафорической функции зачастую носит обобщающий характер и ее семантический объем полностью соответствует объему референта, что принципиально отличает анафору и синонимию, которые некоторые исследователи сближают.

При этом, мы не отрицаем наличия у существительного *chose* в большом числе речевых ситуаций определенного самостоятельного значения – оно часто служит для обозначения вещей, предметов вообще, т.е. чего-то материального, в противоположность одушевленным лицам (ср. заглавие романа Жоржа Перека "Les choses", в котором вещи – одежда, мебель, предметы быта и т.д. – символизируют бытовой материализм и, как следствие, бездуховность главных героев).

Следующим по частотности употребления следует анафорическое существительное *truc*, характерное более для разговорной, часто фамильярной речи, ср.: Je lui montrai d'un signe de main *le câble* qui était posé sur le sol et lui dit: "Comment peuh-tu savoir à quoi sert **ce truc** avec deux fourches?" Из приведенного примера становится очевидно, что анафорическое существительное не имеет собственного семантического содержания, при том, что грамматически оно квалифицируется как имя существительное. Внимательное рассмотрение коммуникативной ситуации позволяет утверждать, что оно служит именно для указания на объект - "ce truc avec deux fourches", а не для его номинации в первичном значении термина, т.к. в отрыве от конкретной коммуникативной и референтной ситуаций данное существительное не может служить для номинации этого объекта. В данном случае, анафорическое существительное отсылает к самому материальному объекту, а не к его вербальному обозначению, и адекватное понимание данной лексической единицы возможно только при совпадении коммуникативной и референтной ситуаций. Из этого следует, что одним из условий употребления анафорического существительного *truc* может быть совпадение коммуникативной и референтной ситуаций, а также отсутствие в словарном запасе говорящего соответствующей лексической единицы для номинации объекта. Случай, когда референт не находится в том же тексте, что

и анафорическая единица, а обнаруживается в самой ситуации, квалифицируется рядом исследователей как разновидность анафоры и определяется как экзофора, иными словами дейктико-ситуационная референтность [Adam 2015:105].

Вместе с тем, высока частотность употребления *truc* в качестве анафорической единицы, указывающей на объект (явление), вербально выраженное в том же тексте, ср.:

RFI : Est-ce qu'à Dakar, il y a toujours des concours de rap organisés par le Centre Culturel Français ?

D. J: Maintenant, il y a surtout *les «Hip-Hop Awards»* où plein de groupes du Sénégal sont invités et reçoivent des trophées. C'est important qu'il y ait ce genre de manifestation car cela attire l'attention sur le rap sénégalais qui a vraiment son mot à dire au niveau de la scène mondiale. Le simple fait de mettre les musiciens en concurrence, ça stimule la créativité. Chacun va essayer de faire mieux. Ce qui est bien dans **ce truc** aussi, c'est que ce n'est pas organisé par le Ministère de la Culture dont de toute façon nous n'avons rien à attendre. C'est un mouvement autonome, organisé par des jeunes Sénégalais. Une belle initiative!

Данный пример наглядно иллюстрирует ситуацию, в рамках которой анафорическое существительное *truc* указывает на объект – музыкальный конкурс, вербально обозначенный в том же тексте именем собственным "Hip-Hop Awards". Референт занимает левую позицию, т.е. является полноценным антецедентом. В данном случае коммуникативная и референтная ситуации не совпадают, однако в тексте наличествует вербальное наименование объекта, что позволяет адекватно интерпретировать анафорическое существительное. Сопоставление данного примера с предыдущим подтверждает тезис о том, что анафорическое существительное не обладает самостоятельной семантикой – в двух

ситуациях оно используется для указания на совершенно разные объекты, не связанные с друг другом ни родовыми, ни видовыми отношениями. Использование анафорического существительного в данной ситуации не свидетельствует об отсутствии соответствующей лексической единицы в словаре говорящего, но о необходимости указания на объект, находящийся в центре коммуникативной ситуации. Выбор слова, в данном случае стилистически сниженного, обуславливается особенностями функционального стиля – спонтанная устная речь. Отметим при этом, что в данной ситуации анафорическое существительное *truc* лишено собственной стилистической окраски, а лишь относится к фамильярному регистру французского языка.

Выполняя репрезентативную функцию, анафорическое существительное может также использоваться для указания не только на отдельный объект или ряд однородных объектов, но и для обозначения целой ситуации, вербально выраженной в тексте, ср.: *Pour la plupart des gens, la consommation de deux bières – si le test est administré dans des délais raisonnables – n'entraîne pas un dépassement de la limite permise de 0,08. L'accusé est appelé à la barre où il déclare n'avoir consommé que deux bières ou un verre de vin, ou encore une consommation forte. Puis, un ami ou une connaissance avec qui il a passé la soirée est appelé à témoigner pour confirmer les faits. On fait même venir un toxicologue, à grands frais. Ce genre de défense coûte entre 5 000 et 10 000 \$. En fin de compte, le juge est malheureusement contraint de déclarer qu'à la façon dont il interprète le Code, on vient de lui présenter une "preuve contraire" et qu'il y a lieu d'acquitter l'individu. Ce truc a été employé tellement de fois que c'en est presque scandaleux.* Выбранный в качестве примера отрывок выступления наглядно демонстрирует ситуацию, в которой анафорическое существительное *truc*

указывает на целый фрагмент, в котором приводится подробное описание самой ситуации, последовательности действий и даже дается личная оценка происходящего (*malheureusement*). В данном случае анафорическое существительное *truc* носит суммирующий характер (*anaphore résumptive ou conceptuelle*) [Adam 2015:105-106], т.е. резюмирует целый фрагмент речи, выраженный несколькими предложениями. Выбор данного анафорического существительного диктуется и коммуникативным намерением говорящего, который негативно оценивает сложившуюся практику.

В качестве синонимов существительного *truc* лексикографические источники указывают также *machin nm* и *bidule nm* [Le Petit Robert 2014: 817]. При этом не отмечаются ни дифференцирующие их семантические оттенки, ни особенности употребления данных единиц, что необходимо при лексикографическом описании большинства синонимов. Такая ситуация вполне объяснима: все эти лексические единицы не выполняют номинативную функцию, т.е. семантически пусты, и функционируют в пределах одного функционального стиля – (фамильярной) устной речи. Вместе с тем, нам известно, что язык редко допускает существование абсолютных синонимов, к тому же стилистически не дифференцируемых. Полагаем, что детальный анализ конкретных речевых примеров позволит нам выявить дифференцирующие признаки анафорических существительных.

В некоторых контекстах анафорические существительные *truc* и *machin* употребляются как абсолютные синонимы, ср.:

On dit aussi, entre autres, qu'il est interdit d'endommager ou de détruire la résidence d'un ou de plusieurs individus d'une espèce sauvage inscrite.

Ce qu'il faut faire, c'est de protéger les espèces et leur habitat. <...>

Comment pouvons-nous le faire? Le projet de loi précise que même le fait de faire du tort sans le savoir à une espèce ou à un habitat serait considéré comme une infraction criminelle. Comment un agriculteur peut-il savoir ce qu'est *une tradescantie occidentale*, *une abronie de sable* ou tout autre petit **machin** ou **truc**? Comment le Canadien moyen peut-il connaître toutes ces espèces en péril?

Данный пример подтверждает предположение о том, что *machin* и *truc* могут быть использованы в качестве абсолютных синонимов, при этом данные существительные соотнесены с референтами *une tradescantie occidentale*, *une abronie de sable* ассоциативными анафорическими связями (anaphore associative) [Adam 2015: 106], т.е. анафорические существительные указывают не на сами объекты, вербально выраженные в тексте, а на возможные однородные объекты. При этом, лексическое окружение позволяет выявить вторичную семантику анафорических существительных – выражаемое значение чего-то малого, незначительного. Обращает на себя внимание тот момент, что анафорическое существительное *machin* в данном примере служит для указания на насекомое, т.е. одушевленное существо, в то время как предыдущие примеры указывали на репрезентацию неодушевленных объектов или явлений посредством анафорических существительных.

Вместе с тем, анафорическое существительное *machin* также употребляется и в стандартных для него контекстах, чаще всего для указания на объект (явление), наименование которого по тем или иным причинам затруднено – невозможно или нежелательно, ср.: Vous entendez aussi poursuivre le nettoyage des lois européennes superflues, les fameuses lois inutiles dont vous venez de nous parler, qui affaiblissent les lois nécessaires. Nous

sommes tout à fait d'accord avec vous, Monsieur le Président, et notre Parlement entend être étroitement associé aux décisions de simplification. Mais être simple, c'est aussi s'exprimer clairement. Vous voulez faire de 2007 une année importante de la communication et je partage votre ambition. Mais le néologisme n'a jamais fait partie d'une bonne stratégie de communication. Or, dans le cadre de la priorité principale, celle de l'emploi, vous mettez en avant un mot barbare, *la «flexsécurité»*. Qu'est-ce que cela veut dire? Les citoyens vont fuir devant *ce mot hautement technocratique*. Bruxelles a encore inventé un **machin**, voilà ce que l'on risque d'entendre.

Лишенное собственной семантики существительное *machin* используется для указания на явление, вербально выраженное в тексте сложным для восприятия технократическим термином. В данном контексте возможно вычленить вторичную семантику анафорического существительного – нечто непонятное, и это обстоятельство усложняет сам процесс номинации объекта (явления). Данная лексическая единица обладает, очевидно, и определенной стилистической окраской – его употребление свидетельствует о негативной оценке говорящим лицом описываемой ситуации.

Другой вышеупомянутый синоним *bidule* также используется для указания на объект, номинация которого по той или иной причине затруднена, ср.:

Voici la première horloge au monde... qui louche! Oui oui, vous avez bien lu: cette horloge louche! L'œil droit ne peut pas s'empêcher de suivre le mouvement des heures alors que l'œil gauche suit celui des minutes. Notre paire se retrouve donc dans toutes sortes de positions pas très réglementaires...

Il faut bien avouer que lire l'heure demande un peu d'exercice au début, puis quand on s'y habitue c'est très rigolo. Est-ce que vos invités sauront même que ce **bidule** est une horloge?

Употребление анафорического существительного *bidule* в тексте рекламы необычных часов с "косоглазием" (*l'horloge strabisme*), у которых часовой и минутный циферблаты направлены в разные стороны. В данной ситуации анафорическое существительное указывает на вербально выраженное в тексте наименование объекта. При этом снова становится возможным подчеркнуть, что употребление данной лексической единицы обусловлено определенной сложностью номинации столь необычного объекта. Данное предположение подтверждается другим примером, ср.:

Vérificateur de tension

Description: Petit **bidule** de la taille d'un gros crayon, avec deux piles AA, qui «crie» lorsqu'on l'approche d'un fil sous tension, MAIS PAS TOUJOURS (d'où la nécessité du multimètre).

Техническое описание содержит анафорическое существительное *bidule*, референтно связанное с вербальным обозначением технического устройства, предназначенного для проверки наличия/отсутствия напряжения. Подобное словоупотребление не характерно для данного функционального стиля – техническое описание прибора, устройства и т.д. Данный фрагмент является примером отступления от лингвистических характеристик, свойственных для технической документации, и объясняется, вероятно, тем, что предназначено не для специалистов. Это предположение

подтверждается и наличием других элементов, присущих скорее устной речи, в частности употребление просторечных слов вместо терминов – *<bidule>* qui "crie", а также имитация выделения голосом важной информации при помощи типографических средств – прописных букв. Учитывая подобные обстоятельства, употребление анафорического существительного, относящегося к фамильярному регистру, оказывается вполне логичным.

Рассмотрение конкретных языковых примеров подтверждает гипотезу о возможности репрезентации существительного не только посредством местоимений, но и анафорических существительных, которые грамматически идентифицируются как существительные, будучи функционально идентичными местоимениям. При этом, среди анафорических существительных можно выделить те, что образованы путем конверсии и реализуют репрезентативную функцию факультативно (*l'un/l'autre, le premier, le deuxième, le dernier* и весь их парадигматический ряд) и собственно анафорические существительные, которые употребляются исключительно как репрезентанты существительного (*choses, trucs, machins, bidules*). Анализ случаев употребления собственно анафорических существительных позволил также определить критерии их дифференциации и условия их употребления в речи, что прежде не являлось предметом отдельного рассмотрения.

Литература:

1. Гак В.Г. Теоретическая грамматика французского языка. – М.: Добросвет, 2000. - 832 с.
2. Турницкая Е.А. Перефразирование: традиции и перспективы исследования // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2008. №2. – С. 98-107.
3. Adam J.-M. La linguistique textuelle. 3e édition. Armand Colin, 2015. 319 p.
4. Dictionnaire Le Petit Robert 2014. Paris, 2014.
5. Le Pesant D. La détermination dans les anaphores // Langages. – 2002. n° 145. – P. 39-59.

Киселёв Д. Француз тилидаги анафорик отлари ва унинг вазифавий хусусиятлари. *От, одатда, матн ва гап таркибида предмет ва ҳодисаларни номловчи восита вазифасини ўтайди. Лекин француз тилида от маълум муҳитда анафорик ишора мақсадида қўлланилади. ушбу мақолада анафорик вазифа ўтайдиган отларнинг вазифавий хусусиятлари ёритилади.*

Kiselyov D. Anaphoric nouns in French and their usage conditions *Traditionally, the noun is represented by pronoun. And with it, among nouns in French can be identified those which are not used for the nomination of persons or objects but for their indication in communication situations. This article provides the definition of anaphoric nouns, their list and the description of the conditions of their usage.*

ТУРҒУН СЎЗ БИРИКМАЛАРИ, ТЕРМИНЛАР, ТАРКИБЛИ ТЕРМИНЛАР
БОРАСИДА АЙРИМ МУЛОҲАЗАЛАР

Шодиев Санъат Эргашевич,

Самарқанд давлат чет тиллар институти катта ўқитувчиси

Калит сўзлар: турғун сўз бирикмалар, эркин сўз бирикмалар, фразеологик ибора, термин, таркибли термин, таркибли атамалар.

Тилшуносликда сўзларнинг ўзаро муносабатга киришуви масаласи синтактик тадқиқотларнинг муҳим мавзуларидан бири бўлиб, бугунги кунда, шундай бўлиб келмоқда. Бу соҳада, хусусан, эркин сўз бирикмалари ҳамда фразеологик бириклар қолипидаги турғун сўз бирикмалари тадқиқи хусусида салмоқли ишлар амалга оширилган ҳолда маълум натижаларга эришилди. Сўз бирикмаларининг ўрганилиши ҳолати фикримиз далили бўла олади. Шунга қарамадан, турғун сўз бирикмалари бобида, хусусан фразеологик иборалар турғунлик мақоми ва уларнинг терминлар, таркибли терминлар билан фарқли жиҳатлари борасида изланишлар олиб бориш лозимлиги кўзга ташланмоқда.

Турғунлик мақоми билан терминлар, шу жумладан, таркибли терминлар ҳам характерланади. Бироқ уларнинг фразеологик ибора жумласига кириши ёки кирмаслиги фақат шу белгига қараб белгиланмайди. Зотан, таркибли терминларнинг барчаси, ибора бўлиши ёки бўлмаслигидан қатъи назар, турғундир. Бу ўринда яна маъно мажозийлиги, образлилик, тилда тайёр ҳолда мавжудлик каби масалаларга мурожаат этишга тўғри келади.

Шуни ҳам айтиш лозимки, тилшуносликда таркибли терминларнинг лингвистик мақоми масаласи бобида олимлар фикрлари муштарак эмас. Баъзи тилшунослар уларни фразеологик ибора санасалар, айримлари, бу ўринда иборага хос сифат ва белгилар кузатилмаслигини

айтадилар. Масалан, проф. В.П.Жуков ҳамда проф. Молотковлар докторлик диссертацияларида таркибли терминлар ибора бўлмаслигини таъкидлайдилар ва бунинг асосий сабаби улар компонентларининг лексик-семантик мустақиллиги сақланишида эканлигини айтадилар [Жуков В.П. -Л., 1967. -С.7; Молотков А.И. -Л., 1971.-С.13].

Таникли тилшунос В.И.Кодухов таълимотида таркибли терминлардан ташқари таркибли атамалар ҳақида ҳам сўз юритилади ва улар фразеологик бирикмалардан фарқланиши кўрсатиб берилади. Бу ҳақда у куйидагиларни ёзади: "...между выражениями **красная девица** и **красная строка**, т.е.между фразеологизмом и составным наименованием, имеется не только сходство, но и различие. Эти устойчивые сочетания отличаются друг от друга тем, что фразеологизм **красная девица** имеет переносное значение, эмоционально и образно обозначая рабкого, застенчивого молодого человека, тогда как составным наименованием **красная строка** (строжка)-название начальной строки абзаца..." [Кодухов В.И. -М., 1986.-С.174].

В.И.Кодухов фразеологик бирикмаларда кузатиладиган эмоционал-образлилик белгиси таркибли атамаларда йўқлигини ва шу боис мазкур икки ҳодиса бир-биридан фарқланишини алоҳида таъкидлайди ва шу билан бирга, таркибли атамалар мураккаб лексемалар эканлигини кўрсатиб беради. В.И.Кодухов таълимотида таркибли атамалар иккига

бўлиб талқин этилади: атоқли от колипидаги атамалар ва турдош от колипидаги атамалар. Атоқли от колипидаги таркибли атамалар содда атоқли отлар каби якка ҳодиса, шахс ёки предметни ифодалайди: **Қора денгиз, Катта айик, Николай Островский, Максим Максимович, Кичик театр** ва ҳ.к.

Турдош от колипидаги таркибли атамалар, содда лексемалар сингари, табиат ва жамиятдаги турли предмет ва ҳодисалар номларини ифодалайди: **темир йўл, оқ шеър, оқ айик** ва ҳ.к. Бундан ташқари таркибли атамалар турли фан соҳаларидаги терминларни ҳам тақозо этади. Масалан, биргина тил сўзи орқали кўплаб таркибли атамалар шакллааниши мумкин: **аналитик тил, инглиз тили, ёрдамчи тил, сунъий тил, адабий тил, ўлик тил, флексив тил, халқаро тил, миллий тил** ва ҳ.к. [Кодухов В.И. -М., 1986.-С.174].

Бизнингча, В.И.Кодуховнинг мазкур мулоҳазалари ҳақиқатга яқиндир, зотан, таркибли атамалар фразеологик бирикмалардан фарқли равишда, мажозий маъно касб этмайди. Шунга кўра, уларни асосиз равишда фразеологик бирикмалар жумласига киритиш масаласи тавсифини чалғитади, холос.

Проф.Н.Ю.Шведованинг масъул муҳаррирлигида чоп этилган “Ҳозирги рус адабий тили” номли нуфузли асарда ҳам турғун бирикмалар хусусида айтилган фикр ва мулоҳазаларнинг бирмунча чалқаш эканлигини кўрамиз. Бунда куйидагилар таъкидланади: “Номустақил сўз бирикмаларда компонентлари бирининг лексик мустақиллиги заифлашган ёки мутлақо йўқолган бўлади ва у ўз маъносига кўра бутунича мустақил сўзга тенглашади.

Номустақил сўз бирикмаларининг икки тури мавжуд: 1. Жонли синтактик алоқага асосланган номустақил сўз бирикмалари (**дать пощечину, железная дорога**). 2. Синтактик алоқаси ва ўзаро муносабати йўқолган номустақил сўз

бирикмалари(**шутка сказать, удариться амбицию**). Мазкур иккинчи тур том маънода фразеологизмдир” [Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.-С.767].

Кўринадики, биринчи турни ташкил этаётган турғун сўз бирикмаларини фразеологик иборалар жумласига киритиб бўлмайди. Улар том маънодаги турғун бирикмаларни тақозо этади. Бундан ташқари, бундай бирикмалар компонентларининг бирини ўз лексик маъносидан узоклашган ёки уни тарк этган деб ҳам бўлмайди.

Юқоридагилардан ташқари, бошқа илмий манбаларда ҳам том маънодаги турғун сўз бирикмалари билан фразеологик ибораларнинг кескин фарқланмаганини кўрамиз. Масалан, А.В.Дудкиновнинг бу ҳақда айтилган мулоҳазаларига эътибор берайлик. Унинг фикрига кўра “Фразеология современного русского языка – эта вся масса устойчивых словосочетаний, каторые, как и слова, воспроизводятся, “извлекаются из памяти” (Н.М.Шанский) в готовом виде в момент построение высказывания, составляя один из его семантическо-грамматических элементов, стоящих по лингвистической градации на один порядок выше слова” [Дудкинов А.В.-М., 1990.-С.117]

Кўринадики, А.В.Дудкинов ҳар қандай турғун бирикмани ҳам фразеологик ибора тарзида талқин этади ва бунинг натижасида билиш назарияси, фразологик чатишма, тригонометрик функция, сигнал системаси каби мураккаб (таркибли) термин ва таркибли атамаларнинг барчаси фразеологик ибора тарзида изоҳланади. Бу ҳақда у куйидагиларни таъкидлайди: “Китобий характердаги фразеологизмлар муайян фанларнинг нутқий услубларида таркибли терминлар тарзида кўп қўлланади” [Дудкинов А.В.-М., 1990.-С.143]

Назаримизда, А.В.Дудкиновнинг мазкур мулоҳазалари билан кўшилиш қийин, зотан, аввал кўриб ўтганимиз

сингари, таркибли терминлар компонентлари кўчма маънода қўлланилмайди. Шу боис, термин ҳолатига келиб қолган бу хилдаги бирикмаларни фразеологик иборалар жумласига киритиш мақсадга мувофиқ эмас. Улар соф турғун бирикмаларни тақозо этади.

Т.И.Арбекованинг “Инглиз тили лексикологияси” (амалий курс) ўқув қўлланмасида **бадий фильм, ўрта мактаб** сингари бирикмалар ҳам фразеологик ибора тарзида ўрганилади [Арбекова Т.И. -М.,1977.-С.101-102].

Бундай бирикмалар сўнги йилларда “конвенционал фразема” номи билан атала бошланди. Масалан, В.Н.Телия соф фразеология тушунчасидан фарқлаш учун “фразема” терминини қўллайди ва мақолларни, мураккаб терминларни шу ном билан атайди [Телия В.Н; Е.Д.Поливанова, т. 1.-Самарканд, 1964. –С.93].

Агар “конвенция” (лотинча *convensio*) сўзининг луғавий маъносига (шартнома, келишув) эътибор берганимизда ҳам темир йўл, турмуш ўртоғи каби бирикмаларда мазкур сўзнинг луғавий маъноси ўз ўрнини топа олмаслигини кузатамиз. Бошқача айтганда, бу бирикмаларда фразеологик ибораларга хос бўлган асосий белгилардан бири-маъно мажозийлигини кўриб бўлмайди [Словарь иностранных слов.-М., 1988.-С.243].

Рус тилшунослигида Н.Н.Прокоповичнинг ҳам сўз бирикмалари тадқиқи бобида хизматлари эътиборга моликдир. Тўғри, у турғун бирикмалар тадқиқи билан махсус шуғулланган эмас. Бироқ шундай бўлишига қарамай, унинг асарларида бу ҳақда айtilган фикр ва мулоҳазаларни, оз бўлсада, кузатамиз.

Н.Н.Прокопович сўз бирикмалари табиатини мукамал ўрганишда турғун бирикмаларнинг ҳам ахамияти салмоқли эканлигини таъкидлайди ва бундай бирикмалар Ф.Ф.Фортунатов даврларидан буён турғун деб (Фортунатов терминологиясига кўра “ажралмас

бирикма”-слитные речение) аталиб келинаётганини эслатиб ўтади [Прокопович Н.Н.-М., 1966.-С.36].

Шуни ҳам айтиш лозимки, Ф.Ф.Фортунатов “ажралмас бирикма” тарзида ўрганган сўз бирикмалари ҳозирги бирикмаларда ҳозирги тилшуносликда кўпроқ фразеологик ибора тарзида изоҳланмайди. Олим бу сингари турғун бирикмаларни бир сўз (ягона) қолипида келувчи бўлинмас (мураккаб) сўзлар билан қиёслайди ва уларнинг бири мустақил сўз (Москварека) тарзида, иккинчи эса сўз бирикмаси қолипидаги келишини алоҳида таъкидлайди [Фортунатов Ф.Ф. –М., 1956.-С.173-174]. Айтиш жоизки, Ф.Ф.Фортунатовнинг таълимотида гап ҳам кенг маънода сўз бирикмаси сифатида талқин этилади.

Гарчи сўнги йилларда унинг сўз бирикмаси хусусида айtilган мулоҳазаларига баъзи тилшунослар танқидий назар билан қараётган бўлсаларда, мазкур мулоҳазаларнинг кўп жихатлари эътиборга моликдир. Нафақат Ф.Ф.Фортунатов, балки XIX асрнинг охири XX асрнинг бошларида яшаб ўтган рус тилшуносларининг бошқаларида ҳам бундай фикр ва мулоҳазаларни кузатиш мумкин. Бу ҳақда В.В.Бурлакова қуйидагиларни ёзади: «Виднейшие представители отечественной лингвистики этого периода повсеместно включали предикативные сочетания, именуя их предложениями в сфере словосочетаний ». Однако нечёткое разграничение, планов, проводимого анализа в этих работах привело позднее к не вполне оправданным критическим замечанием по поводу данных теории. Критика была не совсем справедливой, ибо обсуждались разноязычные единицы носящие одинаковые названные. Действительно, если рассмотреть более подробно одним хотя бы некоторые из так широко критикуемых работ, то можно увидеть, что русские лингвисты, считая предложение законченным словосочетанием или просто одним из

видов словосочетания, не имели в виде единицы коммуникации, а исследовали формальную сторону этих сочетаний [Бурлакова В.В.-Л., 1975.-С.5-6.].

Келтирилган мулоҳазанинг ўзи ҳам Ф.Ф.Фортунатов таълимотида сўз бирикмаси назарияси мукамал ишлашганидан далолат беради. Бу эса, ўз навбатида, олим **железная дорога, великий пост** тарзида шаклланган сўз бирикмалари фразеологик иборалардан фарқланувчи турғун бирикмалар эканлигини тўғри изоҳлаб бера олганини далиллайди.

Юқоридагилардан ташқари, баъзи манбаларда “сўз бирикмаси” тушунчаси анча тор маънода изоҳланганини кўрамиз. Фикр исботи учун Н.И.Филичеванинг кўйидаги мулоҳазаларига эътибор берайлик: “Сўз бирикмаси кўлланиш учун тайёр ҳолда бўлмаган, нутқ жараёнида муайян қолипда шаклланган эркин синтактик бирликни ташкил этади” [Филичева Н.И. -М., 1969.-С.13]. Бундан

ташқари, олима сўз бирикмаси учун лексик ва грамматик идиоматик маъно характерли эмаслигини таъкидлайди [Филичева Н.И. -М., 1969.-С.14].

Бизнингча, бу ўринда Н.И.Филичеванинг эркин сўз бирикмалари хусусида айтилаётган мулоҳазаларига эътироз билдириш қийин. Бироқ бундай вазиятда турғун сўз бирикмалари, фразеологик иборалар, парафразалар эътибордан четда қолади. Ваҳоланки, улар ҳам сўз бирикмаларини такозо этади. Бошқача бўлиши мумкин эмас. Бундан ташқари, турғун ҳолатдаги сўз бирикмалари компонентларининг синтактик муносабати йўқлиги хусусидаги анъанавий мулоҳаза ҳам, бизнингча, изоҳталаб кўрилади. Зотан, турғун бирикмалар компонентлари ўртасида, ҳатто фразеологик бирикмаларда ҳам синтактик муносабат (аксарият ҳолларда статик характерли) кўзга ташланади. Уларнинг тилимизда тайёр ҳолда тасаввур этилиши семантик нуқтаи назардандир.

Адабиётлар

1. Жуков В.П. Фразеологизм и слова // Автореф. докт.дис.-Л., 1967.-С.7; Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка // Автореф. докт.дис.-Л., 1971.-С.13.
2. Кодухов В.И. Введение в языкознание.-М., 1986.-С.174-175.
3. Грамматика современного русского литературного языка. – М., 1970.-С.767.
4. Дудкинов А.В. Современный русский язык.-М., 1990.-С.117, -С.143.
5. Арбекова Т.И. Лексикология английского языка.-М., 1977.-С.101-102.
6. Телия В.Н. О фразематике как лингвистической дисциплине // Актуальные вопросы современного языкознания и лингвистическое наследие Е.Д.Поливанова, т. 1.-Самарканд, 1964. –С.93.
7. Словарь иностранных слов.-М., 1988.-С.243.
8. Прокопович Н.Н. Словосочетания в современном русском литературном языке.-М., 1966.-С.36.
9. Фортунатов Ф.Ф. Избранные труды. –М., 1956.-С.173-174.
10. Бурлакова В.В. Основы структуры словосочетания в современном английском языке. -Л., 1975.-С.5-6.
11. Филичева Н.И. О словосочетаниях в современном немецком языке.-М., 1969.-С.13-14

Shodiyev S. Identification of some set expressions, compound terms and terms. This article is devoted to linguistic notions as set expressions, free expressions, (set phrases), phraseological units, terms, compound terms, and compound expressions. The author aims to differentiate among these notions and greatly pay attention to the theoretical value of them.

Шодиев С. Некоторые определения устойчивых выражений, составных терминов и терминов. Статья посвящается изучению таких лингвистических понятий, как: устойчивые выражения, неустойчивые выражения, фразеологические единицы, термины, составные термины, составные наименования. Автор ставит целью дать определение этим понятиям и обращает внимание на их теоритическую значимость.

НЕМИС ТИЛИДА ЭЛЛИПСИС ХОДИСАСИНИНГ ЎЗИГА ХОС ХУСУСИЯТЛАРИ

Бегматов Мухтор Бегматович,

Самарқанд давлат чет тиллар институти доценти

Калит сўзлар: синтактик, стилистик, эллиптик гап, эллипсис, контекстуал, структурал.

Бошқа синтактик ҳодисалар каби эллипсис ҳодисаси ҳам ўзининг узоқ тарихига эгадир. Эллипсис ҳодисаси тўғрисида айтилган дастлабки фикрлар XIX асрга бориб тақалади. Демак, ўз-ўзидан маълумки эллипсис ҳодисаси ҳам бошқа синтактик-стилистик ҳодисалар каби, узоқ даврлардан бошлаб олимларнинг диққат-эътиборини ўзига жалб қилиб келган. Жумладан, эллипсис ҳодисаси тўғрисида илк бор айрилган фикр-мулоҳазалар ҳам германист олимларга тегишлидир. Фикримизнинг исботи сифатида германист олим К.Ф.Беккернинг «**Ausführliche deutsche Grammatik als Kommentar der Schulgrammatik**» асарида эллипсис ҳодисасига учраган мисоллар намойиш этилганлигини айтиш мумкин. Эллипсис тўғрисида аниқ бир тасаввурга эга бўлиш мақсадида улардан айримларини намойиш этамиз. Жумладан: 1) «**Die Sache aus**»; 2) «**Der Fisch im Wasser**»; 3) «**Das Fenster zu**»; 4) «**Den Hut ab**» ва бошқалар. К.Ф.Беккер бундай шаклларга эга бўлган гапларни эллиптик гаплар деб атади. Эллиптик гап ўз табиатига кўра грек тилидаги «**elleipsis**» сўзидан олинган бўлиб, унинг маъноси ўз хусусияти билан қандайдир гап бўлагининг гап таркибидан тушириб қолдирилишини англатади. Демак, эллиптик гаплар ўз хусусияти билан бу воситаларнинг бирдан-бир тежаш усули экан. Ҳақиқатан ҳам, худди шундай эллиптик гаплар таркибида бирор компонент икки марта туширилиб қолдирилиши мумкин, ёки бошқача қилиб айтганда икки марта тежаллади. Эллиптик гапларга хос бўлган бундай хусусият эллипсис билан тежаш ҳодисасини ягона синтактик ва стилистик ҳодиса деб аташни тақозо қилмоқда. Чунки

эллиптик гаплар ҳодисаси ҳам, тежаш ҳодисаси ҳам бу ўз навбатида стилистик жараённинг маҳсулидир. Бошқача қилиб айтганда, функционал жиҳатдан ягона ҳодисаларнинг у ёки бу матн доирасида ёйилиш даражаси ва қўлланилиши албатта ёзувчининг индивидуал услуби билан бевосита чамбарчас боғлиқ бўлади. Бирок, бу ерда бизнинг асосий мақсадимиз уларнинг стилистик ва синтактик функцияларини эмас, балки эллиптик гаплар бўйича илмий-тадқиқот ишлари илк бор кун тартибига қўйилаётгани учун уларга нисбатан тилшунос олимларнинг баъзи бир муносабатларини, аниқроғи уларнинг фикрларини қайд этишдан иборатдир.

Демак, эллиптик гап бўлиши учун гап таркибидан нимадир тушириб қолдирилиши шарт (масалан, бош бўлақлардан бири). Юқорида келтирилган гаплар таркибида кесимлар (1,2), эга, кесимлар (3,4) тушириб қолдирилган. Агарда биз уларни грамматик жиҳатдан тўла мазмунли гаплар ҳолатига келтирсак, у ҳолда бундай эллиптик гаплар қуйидагича шаклларга эга бўлади: 1) «**Die Sache ist aus**»; 2) «**Der Fisch ist im Wasser**»; 3) «**Machen Sie das Fenster zu**»; 4) «**Nehmen Sie den Hut ab!**». Улар матн доирасида қандай ҳолатда учраса, шундай шаклда қолдириш лозим, чунки уларнинг эллиптик гаплар шаклида ифодаланиши бу ёзувчи индивидуал услубининг маҳсулидир. Шунинг учун ҳам, эллиптик гапларнинг барча шаклдаги кўринишлари фақатгина услуб доирасидагина таҳлил қилинса, улар тўғрисида тўлароқ тушунчага эга бўлиш мумкин. Эллиптик гаплар фақатгина уларнинг таркибидаги бош бўлақларнинг бўлиши ёки бўлмаслиги билан характерланмайди, чунки уларнинг

ўрганилиш доираси жуда хилма-хил ва кенгдир. Бошқачароқ қилиб айтганда, эллиптик гаплар турли хил лексик-грамматик воситалар билан боғлиқ бўлган стилистик ўзгаришларни ҳам камраб олади. Стилистик ўзгаришлар деганда биз ёзувчилар индивидуал услуби таъсирида гап таркибидан оддий грамматик қўшимчалардан тортиб бутунлай гап бўлақларининг туширилиб қолдирилиши билан боғлиқ барча жараёнларни тушунамиз. Эллипсис ҳодисаси, ўз навбатида стилистик ҳодисадир. Ёзувчилар бундай стилистик фигуралардан аниқ стилистик мақсадлар учун фойдаланадилар; биринчидан, тил воситаларни тежаш йўли билан гап структурасини соддалаштиришга эришилади, гап структурасининг соддалашуви натижасида тасвирланаётган воқеа - ҳодисаларнинг таъсирчанлиги, эмоционаллиги кучаяди; иккинчидан, эллипсис ҳодисаси ўз табиати билан кўп қиррали ҳодисадир. Шунинг учун ҳам уни бошқа синтактик ва стилистик ҳодисалар билан ўзаро боғлиқлик ҳолатларида ўрганиш мақсадга мувофиқ, айниқса уни тил экономиясининг асосий омилларидан бири сифатида ўрганиш айтиш мумкин. Ҳақиқатан ҳам, эллиптик гаплар майдонида содир бўлаётган бундай жараёнлар ўз табиатига кўра хилма-хил ва ранг-барангдир. Эллипсис ҳодисасининг, худди шундай ажойиб бир қизиқарли табиатга эга эканлигини тасдиқлаш мақсадида, бу ерда германист олим В.Юнгнинг куйидаги фикрини келтиришни ўринли деб ҳисоблаймиз: «**Unter Ellipsis (griechisch - das Ausbleiben) versteht man in der Regel ein sprachliches Einsparen auf syntaktischen Gebiete, nämlich das übliche Fehlen von Satzgliedern, die kaum Verständnis entberlich sind, weil sie aus der Situation ergeben**» [W. Jung 1967.- S. 117].

В.Юнг томонидан эллипсис ҳодисасига нисбатан берилган бундай баҳо куйидагича мазмунни ифодалайди: гап таркибидан бирон-бир компонентнинг, ёки

гап бўлақларидан бирининг тушириб қолдирилиши, эллиптик гапларнинг мазмунига ҳеч қандай зарар етказмайди, аксинча бундай зарарлар қиймати доирасида мавжуд бўлган вазиятлар, имкониятлар ёрдамида доимо тўлдирилиб борилади. Бошқачароқ қилиб айтганда, эллиптик гаплар мазмуни доимо ўзининг тўлиқлик даражасини сақлаб қолаверади, улар таркибида фақатгина структурал тўлиқсизлик намоён бўлиши мумкин холос. Ушбу фикрни куйидаги мисол асосида изоҳлаб беришга ҳаракат қиламиз.

Er ist nie auf diesem Boden gewesen, er nicht und nicht Engmann (L.Harder. Die Frau von Ziegelhot. S.).

Ушбу мисолда боғланган қўшма гап берилган. Ўз-ўзидан маълумки, боғланган қўшма гаплар доимий равишда грамматик жиҳатдан боғланган икки ёки ундан ортиқ мустақил гаплардан ташкил топади. Бу ерда ҳам шундай ҳолни кузатиш мумкин, бироқ таҳлил остига олинган боғланган қўшма гапнинг иккала компонентини бир хил грамматик тўлиқликка эга бўлган гап сифатида таҳлил қилиб бўлмайди. Чунки ушбу боғланган қўшма гапнинг иккинчи қисми структура жиҳатдан тўлиқ эмас, бу ҳолат унинг таркибида **-ist gewesen** мураккаб феъл шаклининг келмаслиги билан характерланади. Демак, ушбу боғланган қўшма гапнинг иккинчи қисмида **-ist gewesen** нинг бўлмаслиги, уни эллиптик гап сифатида таҳлил қилишга асос бўлади. Ҳақиқатан ҳам, биз бу ерда эллиптик гапга дуч келмоқдамиз. Эллиптик гапларда бирон-бир гап бўлагининг бўлмаслиги, яъни унинг тушириб қолдирилиши, худди **ist gewesen** каби, унинг мазмунига ҳеч қандай таъсир қилмайди. Масалан **-ist gewesen** шаклидаги мураккаб кесимнинг биринчи гап таркибида қўлланиши унинг иккинчи гап таркибида ҳам мавжудлигидан хабар беради.

Эллиптик гаплар тўғрисидаги фикрлар XX асрнинг бошларида ривожлана бошлаган. Фикримизнинг исботи сифатида эллиптик гаплар тўғрисида А.А.Шахматовнинг

куйидаги мулоҳазасини келтиришни ўринли деб ҳисоблаймиз: “Эллипсис, гап таркибида келувчи компонентлардан бирининг туширилиб қолдирилишидир, бошқача қилиб айтганда бош бўлақлардан бирининг бўлмаслигидир” [А.А.Шахматов 1952, -с.29-31].

Демак, эллиптик гапларга хос бўлган бундай хусусиятлар кейинчалик янада кенгайтирилади ва янги-янги тушунчалар билан бойитилади. Жумладан, эллиптик гаплар, юқорида таъкидланганидек, фақатгина эга ва кесимнинг гап таркибидан туширилиб қолдирилиш жараёни билан боғлиқ бўлмасдан, шу билан бирга иккинчи даражали бўлақлар билан боғлиқ бўлган ўзгаришларни ҳам қамраб олади.

Германист олимларнинг эллипсис тўғрисида айтган бундай фикр – мулоҳазаларига таянган ҳолда, шунингдек, матн устида олиб борилган кузатишларга асосланиб шу нарсани алоҳида таъкидлаш лозимки, эллипсис ҳодисаси фақатгина гап таркибидан бирон-бир бўлакнинг туширилиб қолдирилиши билан чегараланиб қолмайди. Аксинча, бу ҳодиса матн таркибидан ҳар қандай гап бўлагининг туширилиб қолдирилиши билан содир бўладиган барча ўзгаришларни ҳам қамраб олади. Натижада эллипсис ҳодисаси, худди юқорида таъкидлаб ўтилганидек, фақатгина лексик ва грамматик ҳодиса сифатида эмас, балки стилистик восита сифатида китобхоннинг диққат-эътиборини ўзига жалб қилиши мумкин. Гап ёки матн таркибидан бирор компонентнинг туширилиб қолдирилиши учун уларнинг таркибида аниқ муҳит ёки контекстуал вазият бўлиши шарт. Чунки фақат улар ёрдамидагина туширилиб қолдирилган бўлак тикланиши мумкин. Гап ёки матн таркибидан туширилиб қолдирилган компонентлар уларнинг мазмунига ҳам зарар етказмайди, аксинча, тасвирланаётган воқеа-ҳодисага диққат билан назар ташлашга мажбур этади. Бу эса туширилиб қолдирилган компонентнинг ўрнини босадиган элементни тиклашга ёрдам беради.

Эллипсис ҳодисаси, юқорида таъкидлаганимиздек, фақатгина гап таркибидан бирон-бир гап бўлагининг тушириб қолдирилиши билан бирга оддий грамматик қўшимчаларнинг шунингдек, бутун бир матн доирасидан қандайдир гап бўлақларининг ҳам туширилиб қолдирилиши жараёнини ҳам қамраб олади. Фикримизнинг исботи сифатида, Дуден таҳрири остида чоп этилган грамматик дарсликдан ва бадий матнлардан айрим мисолларни келтирамиз.

Эллипсис ҳодисасига ҳар қандай тил воситалари учраши мумкин. Масалан:

а) Эга функциясига кирувчи кишилик олмошлари:

1. « [Ich] weiß wohl. [Ich] komme schon » [Duden, 1962 s 563].

Эллипсис ҳодисасига учраган гап бўлақларини алоҳида ажратиб кўрсатиш мақсадида катта қавс, яъни [...] шаклидаги белгидан фойдаланилади. Шунинг учун катта қавс ичидаги [ich]-эллипсисга учраган, яъни тушириб қолдирилган. Бироқ – “**weiß, wohl, - komme schon**”-ларнинг худди шундай ифодаланиши **-Ich-**нинг ҳам, мавжудлигидан дарак беради. Бундай мавжудлик контекст ёрдамида, ёки шу ердаги вазият, ҳолат томонидан белгиланади. Натижада тингловчида ёки сўзловчининг фикрлашида **-ich weiß wohl; ich komme schon-** шаклида доимо намоён бўлади. Юқоридаги гап таркибидан **-ich-**нинг тушириб қолдирилиши бу бир оддий жараён эмас, аксинча юқори даражадаги мақсадли жараён бўлиб, ушбу жараён аниқ стилистик функциялар учун хизмат қилади. Ёзувчи китобхоннинг диққат-эътиборини тасвирланаётган воқеаларга жалб қилиш мақсадида турли хил стилистик фигураларга мурожаат қилади. Эллипсис ҳодисаси ҳам ана шундай стилистик фигураларнинг бир кўринишидир. Эллипсис ёрдамида ёзувчилар тасвирланаётган воқеаларни соддалаштиришга, ихчамлаштиришга, қисқартиришга ҳаракат қилади. Бундай соддалаштиришлар тасвирланаётган воқеаларнинг мазмунини тўла сақлаган

ҳолда уларнинг таркибида мавжуд бўлган айрим гап бўлақларини тежашга олиб келади. Тежаш жараёнида фақатгина гап бўлақларигина эмас, балки артиклар ва кўмакчилар ҳам тушириб қолдирилиши мумкин.

«**Das alte und [-] neue Rathaus**» (Duden, 1962 s 564).

«**Nicht von Goethes Weisheit oder [-] Rechtsgelehrsamkeit war die Rede**» [Duden, 1962, s 564].

Ушбу белги у ёки бу компонентларнинг бўлмаслигини кўрсатиш учун қўлланилади, 2-рақамдаги мисолдаги [-] ушбу сўз бирикмасининг иккинчи қисмида **-das-** артиклининг тушириб қолдирилишини билдирса, 3-рақамли мисолда эса **Rechtsgelehrsamkeit**, яъни датив келишигида ифодаланиб келувчи турдош от олдида **-von-** кўмакчисининг тушириб қолдирилишини кўрсатади. Шуни алоҳида таъкидлаб ўтиш лозимки, артикль ёки кўмакчиларнинг эллипсис ҳодисасига учраши, улар биргаликда келиши лозим бўлган компонентларининг мазмунига ҳеч бир таъсир кўрсатмайди, чунки **-das-** артиклининг шу гап бошида келиши, **-von-** кўмакчисининг биринчи сўз бирикмаси, яъни **von Goethes Weisheit**

олдида келиши уларнинг мавжуд бўлган контекстуал вазият иккинчи сўз бирикмалари олдида ҳам такрорланишини фикран тақозо этмоқда.

Демак, эллипсис ҳодисаси – бу гап таркибидан бирор-бир компонентнинг туширилиб қолдирилиши билан боғлиқ бўлган ҳодисадир. Эллипсис ҳодисасини ўрганиш жараёнида туширилиб қолдирилган гап бўлақларига нисбатан «компонент» атамасининг қўлланилиши, шу терминологик тушунчанинг ниҳоятда қулайлигидан келиб чиқади. Эллипсис ҳодисаси фақатгина германистикадагина эмас, шу жумладан романистикада ҳам, туркий тилларда ҳам энг кам ўрганилган синтактик-стилистик ҳодисадир. Айниқса, ушбу ҳодисани контекстлар доирасида ўрганиш муҳим аҳамият касб этади.

Хулоса қилиб айтганда, эллипсис ҳодисаси ҳозирги замон немис адабий тилида нисбатан камроқ ўрганилган синтактик ва стилистик ҳодисалардан бири бўлиб, уни кўп сонли ҳар хил функционал характерга эга бўлган матн таркибида махсус ўрганиш янги-янги илмий -тадқиқот ишлари учун асосий манба бўлиши мумкин.

Адабиётлар

1. Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка: -М. “Наука” 1973. - с. 366.
2. Реферовская Е.А. Лингвистическое исследование структуры текста. -Л. 1973. - с.215.
3. Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика (сложное синтаксическое целое). - М. 1991. - с.182.
4. Турсунов Б.Т. Эллипсис плэонасмус ҳодисасининг тескари кўринишидир. Олий мактабларда хорижий тилларни ўргатишнинг лингвистик ва услубий муаммолари мавзусидаги республика илмий-амалий анжумани материаллари. -Самарқанд, СамДМҚИ, 2002. - 9-11 б.
5. Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. VEB Bibliographisches Institut-Leipzig, 1967. - 512 S.
6. Шахматов А.А. Учение о частях речи. М. 1952, 211.с.

Бегматов М. Особенности явления эллипсис в немецком языке. В данной статье рассматриваются синтактико-стилистические особенности эллипсиса в немецком языке. Дается анализ эллиптических предложений из научной и художественной литературы.

Begmatov M. Features of ellipsis phenomenon in German language. This article discusses syntactic and stylistic features of the ellipsis in German language. The analysis of elliptic sentences are given from the scientific literature and literary resources.

МИФОПОЭТИК МЕРОСНИНГ МИЛЛИЙ МАДАНИЯТ КОНТЕКСТИДА ТУТГАН ЎРНИ ВА АҲАМИЯТИ

Раҳматуллаев Нодир Нематович,

Самарқанд давлат чет тиллар институти ўқитувчиси

Калим сўзлар: вербал, манзара, чегара, мезон, жанр, мифология, фольклор, структура, антропология, мифо-синкретика.

Кейинги йилларда филологияда инсон ижодиётининг ўзига хос хусусиятларини сифатий янги даражалардаги тадқиқотлари олиб борилмоқда. Ҳозирги адабиётшунослик учун ҳам, тилшунослик учун ҳам тарихий шаклланиб келаётган маданий объектив дунёқараш сифатида миллий менталитет, миллий ўзига хослик ҳамда менталитетнинг этномаданиятда вербал акс этиши сингари масалалар, айниқса, актуал деб тан олинмоқда. Тадқиқотчиларнинг эътирофича, юқорида зикр этилган масалаларнинг ечими миллий менталитетни турли фанлар парадигмалари, шу жумладан, адабиётшунослик доирасида тавсифлашни талаб қилади.

Илмий гуманитар билим ҳамда ижтимоий онг ривожланишининг ўта муҳим қонунияти тарихий ўтмишга, миллий илк манбаларга қизиқишнинг мунтазам ошиб боришидир. Бунинг сабаблари ўтмишнинг маълумотлар тўплана бориб, ҳозирга яқинлашиши, фикру ўйларимизни эгаллаши ва фаол интеллектуал воқеликка айланишидан иборат. Ўтмиш ҳақида эса энг кўп ахборот мифология ва фольклорда сақланиб қолган. Маълумотларнинг воқеликни акс эттиришининг жамоавий ишлаб чиқилган концепцияси сифатида зоҳирланувчи сюжетлар ҳамда бадий образларда муҳрланиб келаётгани уларнинг юқори аҳамиятини белгилайди. Мифологияга илмий қизиқиш мифлар мазмун-мундарижаси ва уларда тасвирланган олам манзарасига муносабат жиддий ўзгараётганлиги билан боғлиқ ҳолда

кучайиб бормоқда. Оламнинг мифологик концепцияларида замонавий илм-фан ўзининг эмпирик ва назарий равишда олинган маълумотларининг тасдиғини топмоқда.

Халқда мавжуд мифларнинг барча категорияларининг жамғарилган мифлар жамланмаси сифатида мифология (ушбу ҳолатда миф деб, миллат дунёқарашининг вербал, сюжетли шакллантирилган кўриниши тушунилади) ва мифопоэтика (олам шаклланаётган даврлардаги худолар ва аждодларнинг қаҳрамонликлари тўғрисидаги эпик ривоятлар) – инсон табиатини, унинг коинотдаги ўрнини англаб етиш, инсон ижодиётининг ўзига хос хусусиятларини тушуниш учун ниҳоятда ўзига хос материал беради.

Миф ҳамиша маданий универсалия бўлиб қолади. Олам манзараси қурилишининг одатий усули сифатида миф нафақат архаикада зоҳирланади, балки ҳозирги замонда ҳам фаол фалсафий, маънавий-маданий, адабий вазибалар бажаради. Ёзувчилар, шоир ва драматурглар ўз бадий асарларида мунтазам равишда мифларга мурожаат этиб, уларнинг ёрдамида тарихнинг кескин бурилиш босқичларида ўз халқи ҳаётини янада чуқурроқ, ишончлироқ қайта воқелантиришга интиладилар:

“Шакллар, манзаралар, чегаралар, мезонлар, жанрлар, ифода усуллари ўзгарди, аммо адабиётнинг азалий ва абадий мавзуси эзгулик ва ёвузлик ўртасидаги кураш тўхтагани йўқ. Инсоният ибтидоисидаги Шайтон ва Раҳмон кураши ҳали ҳам давом этаяпти. Бу кураш инсоннинг кўнглига кўчди. Бугун

ҳар қачонги даврдан ҳам кўра, эзгулик ва ёвузлик ўртасидаги фарқни аниқлаш ўта мушкуллашган давр. Чунки Шайтон ва Раҳмон инсон ботинига яширинди. Бугун Шайтон ҳам, Раҳмон унинг ичида, Шайтон ва Раҳмон маркази инсоннинг ўзи бўлиб қолди. Инсон учун кураш бугун барча мафкураларнинг, шунингдек, санъатнинг бош вазифаси бўлиб қолди. Инсон мураккаблашгани сабабли, эзгулик ва ёвузлик кураши ҳам мураккаблашди, адабиётнинг ифода этиши усули ҳам мураккаблашиб бормоқда. Бу мураккабликдан келиб чиқиб, санъат гуманизмдан чекинолмайди. Адабиёт инсоннинг ёнида, инсонпарварликнинг ёнида турмоғи шарт”[1].

Кейинги йилларда дунёда миллий ўзликни англашнинг актуаллашуви кузатилмоқда ва бу жараён жамоатчиликнинг ғоят кенг қатламларида ўз тарихи, маънавияти ва маданиятига қизиқишининг ошиши билан биргалликда кечмоқда. Ушбу қизиқишни асрлар қаърига, миллий маданиятнинг кўплаб ҳодисаларини изоҳлаб берувчи ўз илк манбаларига қаратилган ҳар томонлама илмий изланишларгина қондира олади. Тарихий ўтмишни, анъанавий маданият, оғзаки бадиий ижод, ҳозирги адабий ижодда акс этган мифологик мотивларнинг илдизларини аниқ билиш шунинг учун ҳам зарурки, мазкур билимлар нафақат ҳозирги замонавийлашиб кетган жамият вакиллариининг ўз миллий мавжудлигининг илдизларини топишларига, атроф оламни идрок этишларида ўзига хос миллий-маданий муҳитнинг шаклланишига олиб келадиган ранг-баранг йўللарни англаб олишларига кўмаклашади.

Бадиий адабиётни мифология ва фольклор билан ўзаро боғлиқликда тадқиқ ҳамда таҳлил қилиш зарурати ҳозирги авлоднинг миллий маданиятнинг ушбу қатламларига чуқур қизиқиши, миллий адабиёт шаклланишининг тарихий, ижодий босқичларини тўғри тушунишга, ҳозирги адабий асарларга мифологик

мотивларнинг таъсирини англаб етишга интилишлари билан тасдиқланади.

XX-XXI асрлар оралиғидаги фалсафий, маданий ва адабий давр “мифологик ренессанс” (Т.Апинян), “маданиятнинг ремифологизацияси” (Е.М.Мелетинский), “неомифологизм” (М.Эпштейн) сифатида тавсифланиб, архаик мифларнинг турли-туман янги рецепцияларини – уларнинг талқинидан бошлаб муқобил янги мифлар ёки архаиклари билан мунозарага киришувчи янги мифлар яратилишигача таклиф этади.

Мифология ва фольклор миллий тикланиш жараёнларида муҳим роль ўйнайди. Зеро, ҳозирги этномаданиятлардан ҳар қайсининг мавжудлигини имконли қиладиган маданий қадриятлар ва анъаналар айнан улардан олинади. Оламни миллий ҳис этишнинг этномаданий ўзига хос хусусиятлари акс эттирилган мифология улкан маънавий, маданий ҳамда эстетик салоҳиятга эгадир. Мифологиянинг муҳимлиги шундан иборатки, у лисонда, инсон онгида мавжуд ва шу туфайли замонда трансформацияланиш, бир авлоддан кейингисига ўтиш хусусиятига эга. Мифологиянинг ушбу ўзига хослигида инсонларнинг моддий ва маънавий фаолиятларининг барча турларига, жумладан фольклор ва ёзма бадиий адабиётга ҳам фаол таъсирининг сабаби яширинган. Таъкидлаш зарурки, адабиётда мифологизмнинг миқдори унинг (адабиётнинг) етуклик даражасига боғлиқ эмас. У ривожланган адабиётларга ҳам, ривожланишда ортда қолган адабиётларга ҳам кириб боради. “Аввало шуни айтиш керакки, афсона ва ривоятлар, эртақ ва мифлар жаҳон адабиётининг бешиги саналади”[2].

Е.М.Мелетинскийнинг таъкидлашича, 20 асрда миф ижодиётидан “маданият ва инсонни янгилашда”[3] фойдаланилган. Миф замонавий кишига шахсийлик қолипидан чиқишига, шартлилик ва хусусийликдан юқори бўлиб, мутлақ ҳамда универсал

кадриятларни қабул қилишига ёрдам беради. Миф муаммосини жиддий тадқиқ этаётган олимлар муҳотида миф борасида асосан икки йўналишда фарқланувчи бир неча нуктаи назарлар кенг тарқалган: 1) миф инсоният тараққиётининг дастлабки босқичларида олам ҳақидаги тасаввурлар сифатида (О.М.Фрейденберг бўйича, “воқеликни англаш тизими”) ва 2) миф ҳикояга оид структура сифатида (хусусан, маросимий-мифологик мактаб). Демак, биринчи маънодаги миф иккинчи маънодагига қараганда бирламчи, чунки “даставвал миф ҳеч қандай ҳикоячилик вазифасига эга бўлмаган. Сўз билан ифодаланган ҳикоянигина миф деб атаётганимиз соф шартлиликдир” [4] – деб ёзади О.М.Фрейденберг.

Ижодкор томонидан асарда фойдаланилган миф янги кирралар ва маънолар касб этади. Муаллиф тафаккури мифопозитик тафаккурга кўшилиб, моҳиятан янги, ўз прототипидан фарқли мифни дунёга келтиради. Бирламчи ва иккиламчи (“муаллиф мифи”) орасидаги фарқда ифодаланиши учун муаллиф миф шаклидан фойдаланган, ёзувчи илгари сураётган ғоя, матности маъноси яширинган. Муаллиф тафаккури ёки унинг онгости зоҳирлантирган туб маъно-мазмунни англаб етиш учун асарда мифологик элемент қай тарзда акс этишини билиш зарур. “Мифлар” (Литературный энциклопедический словарь) бадиий мифологизмнинг олти тури санаб ўтилган:

Ўз мифологемаларининг оригинал тизимини яратиш.

Борлиқнинг мантиқийликкача бўлган негизини аниқлаштириши лозим бўлган тафаккурнинг туб мифо-синкретик структураларини қайта воқелантириш.

Қадимги мифологик сюжетлар эркин замонавийлаштириш талқинида қайта ишланиши.

Ҳаётий асар тўқимасига айрим мифологик мотивлар ва персонажларнинг киритилиши.

Миллий борлиқ ва онгнинг ҳали мифологик дунёқараш элементлари мавжуд бўлган фольклор ҳамда этник қатламларини жонлантириш.

Ривоятнамолик, инсоний ва табиий мавжудликнинг архетипик қайдларига қаратилган лирик-фалсафий мушоҳада: уй, йўл, сув, тоғлар, гўдаклик, кексалик, муҳаббат, ўлим ва ҳоказолар[5].

Назариётчи адабиётшуносларнинг фикрларига кўра, бадиий мифологияни эстетик асослашнинг бир неча турлари мавжуд. Уларни қуйидагича тасаввур қилиш мумкин:

- 1) табиат кучлари – антропоморф худолар образидаги мифологик сюжетлар;
- 2) мотив ва алоҳида образлар – мифологемалар;
- 3) стихияли тарзда тавсифланувчи мифологик образлар [6].

Миф кўплаб жанрлар ва, аввало, фалсафа, психология, структур антропология каби соҳаларнинг тадқиқот объекти ҳисобланади. Аксарият концепцияларда мифни онг шакли сифатида қарайдилар. Бирок, миф, шунингдек, мураккаб лингвомаданий ҳодиса ҳамдир, чунки у маданият ҳодисалари объективлашадиган ва қайта ишланадиган матн (мифологик сюжет)дан иборат. Мифопозитик, фольклор ҳамда индивидуал бадиий тафаккурнинг ўзаро таъсирини тушунишнинг энг мақбул йўли – бу халқаро материалда тадқиқот олиб бориш бўлиб, жаҳон мифопозитик анъаналари ва фольклор тизим ичида ҳам, ташқарисида ҳам узлуксиз ўзаро таъсирли бадиий тизимлар, деб тасаввур қилинади.

Шундай қилиб, яна бир бор таъкидлаш зарурки, у ёки бу индивидуал муаллифона бадиий тафаккурнинг, мифопозитик ва фольклор анъаналарнинг ўзаро таъсирланиш йўллари тушуниш учун мифопозитик, фольклор ва адабий материални қиёсий-тарихий кенгайтирилган таҳлилини амалга ошириш даркор.

Оламнинг миллий манзараси кўп сатхли бадий структура, бадий матннинг этномаданий ўзига хос хусусиятларга эга ўзаро боғлиқ унсурлари жамланмаси сифатида тавсифланиши мумкин. Оламнинг лисоний манзараси сингари адабиётдаги оламнинг миллий манзараси ҳам миллий менталитетнинг вербал ифодасидир. Айни йилларда мамлакатимизнинг қатор олийгоҳларида Ғарб ва Шарқ бадий адабиётини

ўрганишга эътибор ҳамда қизиқиш ниҳоятда ортганлигини ҳисобга олиб, исталган миллий маданият, миллий адабиётнинг асосларини тушуниб етиш, асрлар қаъридан бугунги кунга қадар яратилиб келинаётган асарлар моҳияти, маъносини, образлар тизимини, уларда илгари сурилган ғояларни англаш учун ўша халқ мифопоэтикасини чуқур тадқиқ қилиш ўта муҳим аҳамиятга эгадир.

Адабиётлар

1. Назар Эшонкул, Янги авлод овози (суҳбат) (2)2015. www.ziyo-net.uz
2. Ўткир Ҳошимов, “Ёшлик” журнали, 2010 йил, 3 (232)-сон.
3. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. - М.: Наука, 1976. – 56 с.
4. Фрейденберг О.М. Миф и литература древности. 2-е изд., испр. И доп. М., 1998. – 45 с.
5. Литературный энциклопедический словарь. М.: Наука, 1978. – 256 с.
6. Козубовская Г.П. Поэзия А.А.Фета и мифология. – Барнаул, 2004. -245 с.

Рахматуллаев Н. Место и значение мифопоэтического наследия в контексте этнокультуры. В данной статье рассматривается вопрос роли и значения мифопоэтического наследия в контексте национальной культуры, также предпринимается сравнительно-исторический анализ воздействия мифологии на формирование, развитие и возрождение этнокультуры.

Raxmatullayev N. The role of national mythology in formation, development and regeneration of ethno culture is clarified. The place and importance of mythopoetic inheritance in the ethno cultural context are analyzed and learned comparatively and historically in this article. The role of national mythology in formation, development and regeneration of ethno culture is clarified.

ЭНДРЮ МОББСНИНГ “ҒАЗАЛ. ТАҲЛИЛ ВА ШАКЛНИНГ АКС ЭТИШИ” НОМЛИ МАҚОЛАСИГА ДОИР МУЛОҲАЗАЛАР

Халимова Фируза,

СамДЧТИ катта илмий-ҳодим изланувчиси

Калим сўзлар: *ғазал, ўзбек арузи, мунчоқ, шеърдаги вазн, қофия, ўлчов, ритм.*

Эндрю Моббс ўзининг “Ғазал. Таҳлил ва шаклнинг акс этиши” номли мақоласида шундай деб ёзган: “Although many might not recognize the ghazal - a form arguably more mysterious than mainstream forms such as the sonnet or the haiku – it is a form with a rich history that is deeply rooted in cultural tradition.” Яъни, кўпчилик ғазални сонет ва ҳайку каби анча шаклан ғаройиб сирли маълум бир йўналиш деб таъкидлашлари мумкин, бу шакл бой тарихга, илдизи маданий анъаналарга қадалган шаклдир. Ғазални сонетчалик мавқега эга эмас деб баъзи адабиётшуносларнинг таъкидлашларига албатта сабаблар бор. Бизнинг фикримизча, бунга ғазаллар султони Мирзо Алишер Навоийнинг, оташин қалб эгаси, шоҳ ва шоир Бобурнинг, ҳамда Хоразмий, Огаҳий, Гадоий, Машраб, Муқимий каби сон-саноксиз классик шоирларимизнинг ва аруз вазнида ижод қилиб келаётган замондош шоирларимизнинг асарларидан Ғарб давлатлари тилшунослари, китобхонлари етарлича маълумотга эга бўлмаганликлари сабаб бўлган бўлса керак. Ҳолбуки, Ғарб адабиётшунослигида, шеърлятида, масалан инглиз шеърлятида сонетнинг биргина тури: Петрарка ва Шекспир сонетлари фарқланади, лирик шеърлар асосан 6 вазн, силлабо тоник шаклида яратилади.

Ўзбек арузи 11 баҳрни ўз ичига олиб 366 хил вазнда, силлабик (ҳижоларнинг қисқа, чўзиқ, ўта чўзиқ тарзда маълум бир тартибда гуруҳланиб келишига асосланган) ўлчовда келишига асосланган¹².

Ғазал жанри ғаройиб, сирли, мусикий назм шаклидир. Ушбу қарашни исботлаб кўрсатиб бериш бадий таржимонлар, шеърят билан шуғулланувчи, аслият тил ва ўгирувчи тил тилини, шеърый тизимини, аслият тили соҳиблари ва ўгирувчи тил намояндлари тарихини, маданиятини, урф-одатини, дунёқарашини билган, ҳис қилган қалб эгалари бўлган, фон билимга эга мутаржимларга вобастадир, бу замон ва жамият талабидир.

Бадий адабиётни таржима дунёга машхур қилади. Таржима халқлар ўртасидаги ижтимоий, иқтисодий муносабатлар, дўстлик, тотувликни йўлга қўйишга ва мустаҳкамлашга хизмат қилади. Тилларнинг мавқеи мустаҳкамланади. Маълум халқнинг бой адабиёти билан танишиш орқали китобхон шу халқнинг маданияти, адабиёти, дунёқарашини, урф-одати билан танишади. Таржима туфайли ижод аҳли учун янги имкониятлар пайдо бўлади, янгидан-янги жанрлар яратилади. Масалан, инглиз адабиётидан бизларга кириб келган сонет жанрида ўзбек шоирларидан Барот Бойқобилов, Ўткир Ҳошимов ва бошқалар ижод қилишган.

Бугунги кунда Ғарб ижодкорлари, инглиз тилида назм яратаётган шоирлар ўзбек мумтоз жанри – ғазалнинг сир-асрорлари билан танишиб, ушбу жанрни ўз тилларига олиб киришмоқдалар. Бунга мисол қилиб америкалик ёш тилшунос, адабиётшунос, шоир Эндрю Моббс ўз мақоласида “XX асрда ғазал жанрини инглиззабон ўқувчиларга таништирган шоирлардан бири ҳиндистонлик Оға Шаҳид Али (Agha Shahid Ali) бўлган” деб ёзади. Шаҳид Алининг таъкидлашича,

¹²А. Ҳожиахмедов. Ўзбек арузи луғати. –Т.: Шарқ. 1998, 416.

ғазал жанри Арабистонда 7-асрдаёқ, эҳтимол ундан ҳам олдинроқ маълум бўлган. Бу жанрнинг танилишида форсий тилда ижод қилган Румий ва Ҳофизийнинг хиссаси катта. Мақолада ёзилишича, XVIII асрга келиб ғазал жанрида шоир Ғолиб (Ghalib) урду тилида шеър яратган (Poetic form: Ghazal). Ҳозирги кунга қадар бу жанрда олмон, ҳинд, турк, пушту, испан, ҳаттоки инглиз тилларида ижод қилинмоқда.

Ғазаллар асосан муҳаббат, орзу-умид, ички ҳис-туйғуни, кайфиятни акс эттирувчи мавзуларда ёзилган. Метафизик қарашлар ҳам ифодаланган (антинаучный метод мышления, противоположный диалектике, рассматривает явления не в их развитии и взаимной связи, а в разрознено, изолировано в состоянии покоя и неподвижности¹³).

Мақолада бунга мисол этиб Кэрол Бэнгнинг “Ghazal of Paradise” (Жаннатдаги ғазал) шеъри мисол қилиб олинган. Ушбу шеъри орқали шоир иккинчи ҳаёт, арши-аълодаги ҳаётни орзу этишини намоён этади ва у ердаги ҳаётни тасавур этиб ифодалайди:

All lost strands come home in Paradise,
Does flash talk to bone in Paradise?
Time may line and wear the fairest
face,
Rent seems are one in Paradise.
Sighs of age fade out without a trace,
Each soul will be toned in Paradise.
That said, we'll take our pleasure
twenty ways,
Begin again full grown in Paradise.
Come, Desire, take us in your embrace,
Let sweet angels moan in Paradise.

No form of love's a sin within that
place,
Why should we atone in Paradise?
Forget the wings; we'll dress in silk
and lace,
The second coming's well known in
Paradise.

Sing, you angels, heaven's earthly
grace,

We'll not Carol alone in Paradise.

Алининг таҳлилига кўра Бэнгнинг ушбу шеъри ғазал шакли талабига жавоб беради. Аммо ғазалдаги мисралар сони, ҳижола сони тенг бўлиши кераклигини таъкидлайди. Ушбу шеърда кўпчилик мисралар 9 ҳижодан иборат, фақат тўртинчи мисра 8 ҳижодан, еттинчи мисра 10 ҳижодан, 14 мисра 11 ҳижодан иборат бўлиб қолган. “Paradise” (жаннат) сўзи радиф бўлиб келган, қофияланиш [o: n] билан тугалланган. Али бу каби ҳодисани шеър тизими ҳар бир тилда турли хил бўлишини, ҳижола сони ҳам фарқ қилишини таъкидлаб ўтади. Унинг фикрича, аниқ қабул қилинган қоидаларнинг барчасига кўра, ички мусиқавий оҳангга эътибор бериш, унга аҳамият бериш лозим. Бу қоидага асосан ғазални инглиз тилига таржима қилиш мумкин бўлади, чунки бар тилда яратилган шеърдаги вазн, қофия, ўлчов ва ритмни айнан сақлаб қолишнинг иложи йўқдир. В.С.Мэрвин, Адрианс Риш ҳам шу қоидаларга асосланишган.

Аммо Али ғазал яратишда, унинг жозибали, мусиқавий омиллари борасида сўз юритганлиги ҳақида мақолада маълумот бермаган. Биз юқорида берилган мақолани лингвопоэтик нуқтаи назардан талқин этадиган бўлсак, ғазалда қўлланилган эвфоник элементлар (аллитерация, ассонанс, такрор турлари) ва мисраларнинг ритмик бўлакларга бўлинишини, ҳижола сони қайта тамойил асосида гуруҳланишини кўриб ўтишимиз лозим бўлади. Ғазал айнан қайси стопли ўлчов асосида ёзилгани аниқ эмас.

Масалан:

/ / / / / - / - -
*All lost strands come home in
Paradise*

Урғули сўзлар қатор бўлиб келган. Фақат охирги сўзларда (- / - -) битта урғусиз, урғули ва иккита урғусиз ҳижо қўлланилган. Баъзи мисралар инглиз шеърятти қонунлари асосида яратилган:

¹³Словарь иностранных слов. 1964. 401стр.

/ - / - / - / -
/ *Time may | line and | wear the | fairest
face*

Хорей вазни (/ -), урғули ва урғусиз бўғинларнинг алмашиб келиши, 4-5 стопларда яратилган.

Аллитерация, яъни ундош товушнинг сўз бошида такрорланиб келиши ҳолати озрок: *fairest face, pleasure – Paradise, silk – second.*

Ассонас, яъни унли товуш такрори, [ou], [ai], [ei] дифтонглари билан берилган ва ажиб кайфиятни яратишга хизмат қилган.

Жаннатдаги ҳаёт нақадар ажойиб эканлигини таъкидлаш, кўрсатиб бериш мақсадида махсус танланган эпитетли, яъни аниқловчи ва аниқланмиш бирлигида ифодаланган ва бу ҳолда тил олди унлилари иштирок этган сўзлар ва иборалар танланган: *fairest face, take pleasure, embrace, sweet angels, dress in silk, sing, heaven's earthly grace.*

Жаннатдаги ҳаёт образ байтма-байт баён этилади ва маъно танланган сўзлар ёрдамида кучайтириб берилади.

Бешинчи мисрада шоирнинг истаги яққол ифода этилади:

Come, Desire, take us in your embrace

Кэрол нафақат ўзи учун, балки барча бошқа инсонлар учун уларнинг жаннатда яшашини орзу қилади, жаннатдаги ҳаётни уларнинг кўз олдига келтириб, инсонларга ҳис-туйғу ва истак уйғотади.

Ўзининг исмини мисра охирида қайд қилиб, сўз ўйини қўллайди.

Кэрол – 1. Исм. 2. Шўх ашула, гимн. Али қўйидаги жумлага урғу бериб, ғазални образли қилиб таърифлайди: “Ҳар гал ҳар бир байт бўйнида тақиладиган мунчоқнинг бир тоши бўлиб, бир-биридан ажралган ҳолатда янада ортиқроқ ялтираб туради, гарчи унинг жилоси бошқа тошлар жилосидан фарқ қилиб турса-да”, бунинг маъноси, ҳар бир байт ўзининг нуқтаи назарига эга бўлиши, қайси мавзуда, йўналишда (романтик, трагедик, сиёсий) бўлса ҳам, сўнг умумий ғоя ва образ, оҳанг яратилишига хизмат қилиши лозим.

Ғазал чуқур мазмунли, ғояси теран, шакли ғазалга монанд, радиф берилган, ўлчов сақланган, фонетик фигуралар унумли ишлатилган, аммо ғазалга хос бўлган қофия беришда етишмовчиликлар бор. Ана шундай ҳолатни Д.Султанованинг ғазал таржималарида учратиш мумкин. Таржимоннинг фикрига биноан инглиз тилида шеърятда кўпинча бир бўғинли, икки бўғинли сўзлар қўлланилиб, уларга мос 2-3 қофия топиш мумкин, аммо бутун ғазал давомида уларни тўлиқ сақлаб қолиш мушкул. Окказионал (тасодикий) сўзлар қўлланилиши баъзан маънонинг бузилишига, ғоянинг нотўғри йўналтирилишига олиб келади.

Ғазални инглиз тилига ўгириш мумкин, аммо вазн ўзгариши табиий ҳол. Унда мазмун, ғоя, образ сақланиши лозим. Шарқ оҳангига тақлид қилиб, оҳанг, мусиқийлик яратилади. Ёш таржимонлар кўплаб ғазалларни аслият тилида ва ўғирмада қиёслаб, синчиклаб ўрганишлари лозим.

Адабиётлар

1. Бадиий таржиманинг лингвопоэтик муаммолари. Республика илмий-амалий анжуман материали. Самарқанд, СамДЧТИ. 2012. 23-24 ноябрь. 212б.
2. Ҳожиахмедов А. Ўзбек арузи луғати. –Т., Фан нашриёти. 1998, 214б.
3. Худойбердиев Э. Адабиётшуносликка кириш. –Т., Ўқитувчи. 1995. 271б.
4. Султанова Д. Ҳалимова Ф. Шеър ва таржима. Самарқанд, СамДЧТИ, 2005.
5. Воронин С.В. основы фоносемантики. –Л., 1982. 244с.
6. Гончаренко С. Стиховые структуры лирического текста и поэтический перевод. Поэтика перевода. М., 1988. 235с.
7. Журавлёв А.П. Фонетические значение. Л., 1974. 160с.

8. Лотман Ю.М. О поэтах и поэзии. СПб. 1996. 245с.
9. An anthology of English and American verse. М., Progress Publishers. 1972, 720р.
10. Andrew Mobbs. Forms of poetry. Eng. 607

Асарлар

1. Carol Bang. Ghazal of Paradise.

Луғатлар

1. Англо-русский словарь. Мюллер.
2. Словарь иностранных слов. И.В.Ленин. 1964.

Халимова Ф. Рецензия на статью Эндрю Моббса «Газель. Анализ и Формы». В данной статье рассматривается предположение, что газель является старинным жанром лирики, однако многие, не достаточно зная узбекскую классическую литературу и лирику, не считают данную форму сопоставимой с сонетом. Причина в том что, газели всё ещё не переведены на западные языки, особенно на английский. Из английских поэтов Кэрл Бэнг пробовал себя в этой форме. Он, вероятно, был знаком с особенностями газели на фарси. Его газель были пранализированы Ага Шахид Али, который первым познакомил английского читателя с газелями. Целью данной статьи является анализ данной указанной работы.

Xalimova F. Andrew Mobbs. The Ghazal. An Examination and Reflection of the Form. This article studies supposition, that ghazal considering to be the oldest genres of lyrics, in spite of this many people think ghazal is not so amazing and mysterious as sonnets, as they haven't got enough information about uzбек classic literature, lyrics and ghazal. The cause is, ghazal isn't still translated into western languages, especially into English. Carol Bang, is an English poet, wrote ghazals. His ghazals construed by Aga Shakhid Ali (the first person who gave information about ghazal to English readers). The aim of this article is to overview and remarks this work.

КОМЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ В ПЬЕСЕ ЧЕХОВА «ВИШНЁВЫЙ САД»

Абдуллаева Альбина,

доцент Самаркандского государственного университета

Ключевые слова: комедия, драматизм, цилиндр, пантомима, трансформация.

Пьеса «Вишнёвый сад» - явление совершенно особое в драматургическом ряду чеховских произведений. В первую очередь это касается жанрового обозначения – комедия -при всем видимом драматизме происходящего.

Другой очевидной особенностью пьесы является её игровое начало –отзвук модернистского духа «новой» драматургии начала XX века в сочетании с реалистичной событийностью. Игровое начало пронизывает все уровни «Вишнёвого сада» и проявляется как во внешней театральной зрелищности пьесы, так и в самой её атмосфере, так точно передающей сам дух эпохи, точнее, слома эпох. Пересмотр и смещение прежних идеалов, отсутствие новых, время нравственных и эстетических трансформаций – всё это веяния нового времени, отразившиеся в пьесе.

Прежняя несомненная целостность мира, очевидная, например, для романов Толстого, сменяется в чеховской пьесе настроением, погружающим в атмосферу нестабильности миропорядка, разрушением устоев. Алогичность происходящего требует иных, нетрадиционных по сравнению со всем прежним, форм выражения, потребность в которых чувствовал один из героев ещё одной чеховской пьесы – «Чайки» - Константин Треплев, говоривший о необходимости «новых форм». Неслучайно именно в это время – на стыке эпох на сценические площадки выходит клоунада, пантомима, эксцентрика вполне в духе театральных экспериментов Вс.Мейерхольда и, уже как тенденция, в общем развитии нового искусства.

В своей итоговой пьесе Чехов во многом предвосхищает эту новую эстетику театра XX века с её яркой зрелищностью,

театральностью, декоративностью, которые непосредственно в пьесе выражаются в определённой цветовой гамме костюмов героев, в своеобразной музыкальности пьесы, к чему можно отнести и многозначные звуковые эффекты, в откровенной буффонаде – падениях с лестницы, едва не опрокинутых канделябрах и т.д. Фарсовое начало оттеняет и одновременно снижает трагедийную тональность отдельных моментов пьесы и образует внешний комизм. Все эти водевильные приёмы - потерянные калоши, пустые выстрелы и т.п. элементы внешнего комизма вызывают не только смех, они сами исполнены внутреннего драматизма и далеко не однозначны. Когда Варя по ошибке вместо другого героябьёт зонтиком Лопухина, когда Петя падает с лестницы, то это вызывает не только смех, но и ощущение всеобщей несобранности, неразберихи не только в жизни героев, но и во всей действительности.

Драматическое и комичное в «Вишнёвом саде» настолько тесно переплелись, что буквально всё в пьесе имеет свой «перевёртыш», порождая амбивалентную атмосферу вещи, где ни одно эмоциональное начало не явлено в своём чистом виде.

Указанная зрелищность в пьесе не самоценна, она – внешнее проявление органичной её игровой сути, специфически воплощающей и преломляющей в себе реакцию на превратности глобальных изменений миропорядка. Совсем не случайно появление именно в таких обстоятельствах шутов, острее других в силу своей природы чувствующих противоречия жизни. Grimасы шутов – буквальное выражение grimасы времени.

В чеховской пьесе театрально-игровое начало выбирает своим проводником Шарлотту – клоунессу, которая единственная из всех персонажей понимает суть происходящего перелома, только она одна живёт по законам нового времени, созидающего собственную реальность, подчиняющегося лишь правилам импровизации, потому что, как говорит Фирс, нынче «всё враздробь».

Шарлотта – шут абсолютно чаплинского масштаба, беззащитный человек эпоху глобального одиночества. Она, как дирижер, «ведет» всё действие пьесы, предвосхищая и комментируя отдельные его моменты. Своими фокусами, в иносказательной форме демонстрирующими истинный смысл происходящего, Шарлотта превращает всю пьесу в цирковое действо, в котором остальные персонажи – невольные клоуны – по законам жанра никак не могут справиться со своими атрибутами и потому рассыпают монеты, теряют калоши и т.д. Они по инерции продолжают жить по правилам исчезающей упорядоченной эпохи, поэтому постоянно попадают впросак.

Но Шарлотта еще и чеховский шут. Она никого не поучает, а неназойливо, по-своему выявляет настоящую человеческую суть героев, которая всегда выше избранного ими самими амплуа. Её передразнивания далеки от сарказма шекспировских шутов, она заменяет его иронией. И в этом смысле Шарлотта – шут своего времени, которого вывело на подмостки искусство XX века.

Особого рода деликатность в обнаружении несообразностей жизни, которую демонстрирует Шарлотта, во многом объясняется и тем, что Чехову нужен был не обличающий, а играющий, зрелищно-ироничный мим. Отсюда и пантомима, в которой задействованы все герои, но, в отличие от Шарлотты, сами того не осознающие своей роли. Пантомима, пожалуй, впервые именно у Чехова – представителя «новой» драмы – начинает заявлять о себе, вовсе не отрицая

реалистической органики пьесы, а обогащая её новыми средствами выразительности. В качестве примера можно указать на ремарку третьего акта пьесы, где Шарлотта в эксцентрично-балаганном духе демонстрирует привычку Лопухина «размахивать руками»: «В зале фигура в сером цилиндре и в клетчатых панталонах машет руками и прыгает», – выявляя тем самым некоторую претенциозность Лопухина.

В том, что пантомима выходит на авансцену именно на стыке эпох, есть, вероятно, и своя логика. Слово утрачивает определяющую роль, оно не в силах выразить происходящую ломку, объяснить её, поэтому герои «Вишневого сада» апеллируют чаще не к слову, а к жесту, который, как известно, говорит о человеке больше, чем его слово о самом себе. Возможно, в этой переакцентировке внимания от слова к жесту сказался, в том числе, и возросший интерес к нюансам человеческой психики, при котором социальная роль человека начинает уступать доминирующее положение его индивидуальности, психологически-личностному своеобразию, не поддающемуся рациональному объяснению.

В «Вишневом саду» пантомима – один из важных элементов игровой атмосферы пьесы, сама структура которой подчиняется игровым правилам. Здесь герои «отражаются» друг в друге, пародируя, сами того не замечая, один другого и самих себя. Благодаря этому «взаимоотражению» не чувствуется принципиальной разницы между явно водевильными персонажами (Епиходов, Симеонов-Пищик) и, так сказать, традиционно драматическими. Грань между ними подчас вовсе стирается, в результате чего рождается образ единого сознания.

Но не только герои, а и каждая сцена в пьесе как бы «продублирована». Так, разговор слуг в начале 2-го действия и следующая за ним беседа «хозяев» имения вполне в духе комедии «дель арте» словно

разыгрываются по одному и тому же сценарию, причем диалог слуг, выдержанный в комедийном духе, заранее «снижает» серьёзность и патетичность разговора главных героев. Именно это дублирование, контрастное сопоставление серьёзного и смешного вырастает в эксцентрику.

Создаваемая таким образом вариативность действия порождает особое

полифоническое звучание всей пьесы, в которой «прорастают» друг в друга царящее в жизни героев «недотёпство» и красота, мудрость жизни, воплощаемые в образе Сада, вырастающего до бытийного символа, и именно такое их сочетание на самом высоком уровне воплощает слитно-противоречивое единство вечно становящейся жизни.

Абдуллаева А. Чеховнинг «Олчали бог» пьесасида комедик аспект. Ушбу мақолада Чеховнинг «Вишнёвый сад» пьесасида театрга оид бўлган томошавийлик таҳлил қилинган. Пьесада XX асрга оид бўлган асосий бадиий тенденциялар кўрсатиб берилган. Бундан ташқари «масхарабозлик» асоси кўриб чиқилган.

Abdullayeva A Elements of comedy in the play of Chekhov “The cherry orchard”/«Вишнёвый сад». The article analyzes comic aspects in Anton Chekhov’s play “The cherry orchard” which combines the main artistic features of the XX century. The article reveals external comic effects of Chekhov’s play.

СТРУКТУРНО - СЕМАНТИЧЕСКИЕ И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ИНФИНИТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ С. ЕСЕНИНА

Ким Светлана Федоровна,

Ст. преподаватель Самаркандского государственного университета

Ключевые слова: инфинитивный, оптативный, сложноподчиненное предложение, категория времени, модальность, риторический вопрос.

Односоставные предложения являются ярким выразительным средством русского языка. Часто они выступают как синтаксические синонимы двусоставных предложений, отличаясь от них нередко большей степенью эмоциональности, экспрессивности, а также сферой употребления.

В настоящей статье наше внимание обращено на инфинитивные предложения в стихотворениях С. Есенина [1]. Мы попытаемся рассмотреть их особенности как структурные, семантические, так и стилистические.

Инфинитивные предложения являются объектом исследования многих ученых. Их взгляды относительно статуса данных предложений неоднозначны: одни ученые (Тимофеев К.А., Пешковский А.М., Гвоздев А.Н., Скобликова Е.С. и др.) [2] считали инфинитивные предложения самостоятельным типом односоставных предложений; другие (Шахматов А.А., Галкина-Федорук Е.М., Руднев А.Г. и др.) [3] – разновидностью безличных предложений. В научных исследованиях по лингвистике (русской и др.яз.) последнего десятилетия вопрос относительно инфинитивных предложений в художественном тексте не поднимается. Ученые-грамматисты исследуют глагольные инфинитивные формы в иных аспектах: транспозиционном, синкретичном, функционально-синтаксическом (на уровне второстепенных членов предложения) [4].

Вслед за проф. К.А. Тимофеевым мы рассматриваем инфинитивные предложения как самостоятельный тип

односоставных предложений, характеризующийся специфическими признаками: с точки зрения структуры, грамматическая основа представлена в форме независимого инфинитива: *Лицом к лицу Лица не увидеть...* (С. Есенин) или сочетанием глагола *быть* с именем: *Не всем казакам в атаманах быть* (посл.); *Быть грозе великой* (А. Пушкин); с точки зрения семантики, действие в них не соотносится с деятелем, оно не протекает во времени, а лишь названо и представляется как желательное, возможное, невозможное, неизбежное и должное.

Модальность выражается также специфически: частица *бы* при инфинитиве –показатель ирреальной модальности: *Мне бы только смотреть на тебя, Видеть глаз злато-карий омут...* («Любовь хулигана»); *Теперь бы брызнуть в небо, Вишневым соком стих, За отческую щедрость, Наставников твоих* («Песни, песни, о чем вы кричите») и др.

Инфинитив без частицы *бы* – показатель реальной модальности: *Скоро мне без листвы холодеть, Звоном звезд насыпая уши...* («Трерядница»); *Тебе о солнце не пропеть, В окошко не увидеть рая...* («Трерядница») и др.

В стихотворениях С. Есенина инфинитивные предложения составляют значительный пласт. Они наблюдаются как в структуре простых предложений, так и сложных, в частности, в сложноподчиненных предложениях: *Снежная белая Гладь. Нечего мне вспоминать* («Поэма о 36»); *Я не скоро, не скоро вернусь! Долго неть и звенеть*

пурге («Трерядница»); *За один удел, Бьется эта рать, Чтоб владеть землей, Да весь век пахать* («Песнь о великом походе»); *Если душу вылюбить до дна, Сердце станет глыбой золотою* («Персидские мотивы») и мн.др.

Выявлено свыше 200-т инфинитивных предложений, различных как по структуре и семантике, так и коммуникативному назначению.

Структурно-семантический и стилистический анализ материала позволил выделить пять разновидностей инфинитивных предложений:

I. вопросительно-инфинитивные (35ед.):

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник – Пройдет, зайдет и вновь оставит дом («Рябиновый костер»); *Не пора ли тебе, Емельян, сложить Перед властью мятежную голову!* («Пугачев») и мн.др.;

II. оптативно-инфинитивные (41ед.):

Теперь быбрызнуть в небо Вишневым соком стих За отческую щедроть Наставников твоих («Инония»); *Предрассветное. Синее. Раннее... Загадатьбы такое желание, Да не знаю, чего пожелать* («Листья падают, листья падают») и мн.др.;

III. повествовательно-инфинитивные (68 ед.):

Низкий дом с голубыми ставнями, Не забыть мне тебя никогда («Низкий дом с голубыми ставнями»); *Гой ты, Русь, моя родная... Невидать конца и края – Только синь сосёт глаза* («Радуница») и мн.др.;

IV. побудительно-инфинитивные (35 ед.):

Смело ж к Касию! Смело за мной! Эй вы, сотники, слушать команду! («Песнь о великом походе»); *Славь мой стих, кто ревет и бесится, Кто хоронит тоску в плече, Лошадиную морду месяца Схватить за узду лучей!* («Трерядница») и мн.др.;

V. инфинитивные предложения в составе СПП (66 ед.):

Если тронуть страсти в человеке, То, конечно, правды не найдешь («Стихи последних лет»); *Я по-прежнему такой же нежный И мечтаю только лишь о том, Чтоб скорее от тоски мятежной Воротиться в низенький наш дом* («Письмо матери») и мн.др..

Инфинитивные предложения – одно из синтаксических средств выражения модальных значений, и эта модальность выражается «самой формой инфинитива и интонацией, а усиливается и дифференцируется частицами»[5].

Вопросительно-инфинитивные предложения

В стихотворениях С. Есенина следует выделить два типа вопросительных предложений: I тип – собственно-вопросительно-инфинитивные с вопросительными словами-местоимениями и без них; II тип – инфинитивные риторические вопросы.

В собственно-вопросительно-инфинитивных предложениях выражается принципиальная возможность или невозможность действия: *Кого позвать мне? С кем мне поделиться? Той грустной радостью, что я остался жив?* («Страна...»); *Чего же мне Еще теперь придумать, О чем теперь Еще мне написать?..* («Письмо матери»); ...*О, какими, какими метлами Это солнце с небес стряхнуть?* («Трерядница»); ... как мне жизнь прожить: *Догореть ли в ласках милой Шаги Иль под старость трепетно тужить О прошедшей песенной отваге?* («Персидские мотивы») и мн.др.

Рассматриваемые предложения служат средством описания размышлений, чувств, эмоций поэта, его душевного состояния, переживаний, противоречий...

Инфинитивные предложения второго типа – риторические вопросы – употребляются обычно, когда говорящий знает о фактическом отсутствии условий для осуществления действия. В таких случаях вопрос говорящего приобретает отрицательный или утвердительный смысл.

В стихотворениях С. Есенина риторические вопросы встречаются довольно часто, и все они наблюдаются в авторской речи.

Риторические вопросы с утвердительным значением наблюдаются в стихах: *Черная, потом пропахшая*

вить! Как мне тебя не ласкать, не любить? («Радуница»); *Как не плакаться Тут над Русию? Не тужить тут как Над судьбиною?* («Песнь о великом походе»); *Ну как тут в сердце гимн не высечь, Не впасть как в дрожь? Гуляли, пели сорок тысяч И пили тож* («1 мая»); *Ищут хлеба они, Просят милости. Ну как же злобной воле Тут не вырасти?* («Песнь о великом походе») и мн. др.

Данные предложения объединяются одним общим модальным значением – значением долженствования – и соотносятся по семантике:

1) с безличными предложениями с модальным словом надо, нужно, глаголом следует (срвн.: = *мне надо тебя ласкать, любить...; нужно (надо) плакать тут над Русию...; следует тужить ... над судьбиною...; надо высечь...; надо впасть...; злобе надо ... тут вырасти...*);

2) с двусоставными со словом должен в составе сказуемого (срвн.: = *я должен тебя ласкать, любить...; должен плакать, тужить...; должен высечь, впасть...; злобная воля должна тут вырасти*).

Риторические вопросы с отрицательным значением – значением невозможности – мы наблюдаем: *Суровые, грозные годы! Но разве ж всего описать?* («Анна Снегина»); *Я уходящих в грусти не виню, Ну где же старикам за юношами гнаться?* («Страна...») и мн. др.

Следует отметить близость подобных инфинитивных риторических вопросов с безличными предложениями: в них возможна подстановка модальных слов можно, возможно, нельзя, надо (срвн.: *Всего невозможно (нельзя) описать; невозможно (нельзя) старикам за юношами гнаться.*).

Как видно, вопросительно-инфинитивные предложения эмоционально насыщены, весьма экспрессивны и лаконичны.

II. Оптативно-инфинитивные предложения

В предложениях данной разновидности говорящий выражает желательность или нежелательность действия, опасение по поводу его совершения или предостережение, неосуществленное действие. Грамматический показатель данных предложений – частица бы: *Мне бы только смотреть на тебя. Видеть глаз злато-карий омут* («Любовь хулигана»); *Предрассветное. Синее. Раннее... Загадать бы такое желание, Да не знаю, чего пожелать* («Листья падают, листья падают»); *Теперь бы брызнуть в небо Вишневым соком стих За отческую щедрость Наставников твоих* («О муза, друг мой гибкий»); *Я б навеки забыл кабаки. И стихи бы писать забросил, Только б тонко касаться руки. И волос твоих цветом в осень* («Любовь хулигана»); *Какой он клён? Он просто столб позорный. На нем бывешать Иль отдать на слом* («Метель») и мн. др.

Рассмотренные инфинитивные предложения соотносятся с двусоставными (срвн.: *Я хотел бы только смотреть на тебя... Видеть глаз злато-карий омут...; Я хотел бы загадать такое желание... Я хотел бы брызнуть в небо... Я хотел бы касаться руки...*

Подобные предложения наблюдаются в авторской речи. В них выражаются тяжелые размышления, грустные мечты, эмоциональные порывы поэта.

III. Повествовательно-инфинитивные предложения

Данный тип предложения занимает первое место по частотности употребления. По характеру предикативных отношений и модальности они отрицательного содержания и выражают модальные значения, преимущественно значения невозможности, необходимости, неизбежности действия.

В их составе наблюдаются местоименные отрицательные слова: некуда, ничего, негде, незачем и др. Данные предложения соотносятся с

вопросительно-инфинитивными предложениями и служат отрицательным ответом на соответствующий вопрос: *Снежная белая Гладь. Нечего мне вспоминать (срвн.: = Что же мне вспоминать?) («Поэма о 36»); Теперь и богу негде помолиться (срвн.: = Теперь где же богу помолиться..?) («Страна ...»); ...Никуда вам не скрыться от гибели, Никуда не уйти от врага (срвн.: = Куда ж вам скрыться от гибели? Куда уйти от врага?) («Сорокоуст»); И никуда ей, траве, не скрыться от горячих зубов косы... (срвн.: = Куда ей, траве, скрыться?) («Пугачев») и мн.др.*

Как видно из предложений, в них констатируется невозможность действия в связи с отсутствием каких-либо условий.

Повествовательно-инфинитивные предложения без отрицательных местоименных слов также выражают невозможность действия с оттенком неизбежности, неотвратимости: *Лицом к лицу Лица не увидеть. Большое видится на расстоянье («Письмо к женщине»); Этой грусти теперь не рассыпать Звонким смехом далеких лет («Этой грусти теперь не рассыпать»); Прядите, дни, свою былую пряжу, Живой души не перестроить ввек («Метель»); Им не узнать меня, – Я им прохожий («Мой путь»); Ах, не выйти замуж девушке весной, Запугал её приметам лесной («Маковые побаски»); Под брюхом жеребенка В глухую ночь не спать И радостью звонкой Лесов не оглашать («Голубень») и мн.др.*

Утвердительные инфинитивные предложения занимают скромное место. Их основное модальное значение – значение неизбежности, бесполезности действия: *Скоро мне без листвы холодеть, Звоном звезд насыпая уши («Трерядница»); Будет крыть нас плетъ, Будет крыть нас кнут, Всем весь век тогда В нищете корпеть («Песнь о великом походе»); Не слышно собачьего лая. Здесь нечего, видно, стеречь ... («Анна Снегина») и мн.др.*

В составе предложений данного типа может наблюдаться дательный

субъекта. Такие инфинитивные предложения соотносятся по семантике с двусоставными: *Плевать мне на всю вселенную, Если завтра не будет меня (срвн.: Я плюю на всю вселенную...) («Пугачев»); Я не скоро, не скоро вернусь! Долго петь и звенеть пурге. (срвн.: Пурга будет долго петь и звенеть...) («Трерядница»); ...Ну, да что же? Ведь нам не впервые И расшатываться, и пропадать. (срвн.: Мы не впервые расшатываемся и пропадаем...) («Москва Кабацкая») и мн.др.*

IV. Побудительно-инфинитивные предложения

Инфинитивные предложения данной разновидности встречаются как в речи автора, так и в речи героев, что обусловлено их функцией и специфической семантикой – выражать различную модальную оценку действия, и характеризуются особой интонацией – интонацией побуждения к действию, приказа: *Смело же к Каспию! Смело за мной! Эй вы, сотники, слушать команду! («Пугачев»); ...Лошадину морду месяца Схватить за узду лучей! («Пантократор»); Повесить его – и баста! («Пугачев»); Эта измена!... Связать его! Связать! Довольно гнуть и ноять, И славить взлетом гнусь ... («Златой посев») и мн.др.*

Как подтверждает рассмотренный материал, побудительно-инфинитивные предложения характеризуются емкой семантикой, экспрессивностью и лаконичностью.

V. Инфинитивные предложения в составе сложноподчиненных предложений

Данные предложения встречаются в стихотворениях С. Есенина довольно часто. Они весьма разнообразны по семантике: **условие:** *(Если тронуть страсти в человеке), То, конечно, правды не найдешь. («Кто я, что я?»); (Если душу вылюбить до дна), Сердце станет глыбой золотою... («Руки милой – пара лебедей»); ... Я рад и охоте, (Коль нечем*

развезать тоску и сон) («Анна Снегина»); *Быть поэтом – это значит то же, (Если правды жизни не нарушить), (Рубцевать себя по нежной коже), (Кровью чувств ласкать чужие души)*(«Персидские мотивы»); **со значением объекта:** *Я спросил сегодня у менялы.., (Как сказать мне для прекрасной Лалы По-персидски нежное «люблю»?)* («Я спросил сегодня у менялы»); *Я ... мечтаю только лишь о том, (Чтоб скорее от тоски мятежной Воротиться в низенький наш дом)*(«Письмо матери»); **сравнение, сопоставление:** *... И мне (чем сгнивать на ветках) Уж лучше сгореть на ветру*(«Заря окликает другую»); **цель:** *А если я помру?...Ты сядешь или нет в вагон, (Чтобы присутствовать на свадьбе похорон?)* («Письмо деду»); *Вас испугал могильщик, Который...варит из медных монет ци, (Чтоб похлепать в черный срок)* («Пугачев»); *По вечерам,Надвинув ниже кепи, (Чтобы не выдать холода очей), Хожу смотреть яСкошенные степи...* («Мой путь»); *Давай, Сергей, за книгу Тихо сядем, (Чтоб разгадать премудрость скучных строк)* («Стансы»); *И вот запрягли нам клячуВ оглоблях мосластая шкеть – Таких отдают с придачей, (Чтоб только самим не иметь)* («Анна Снегина»); *И (чтоб избежать напасти),Излишек нам был без тягот...*(«Анна Снегина»); *Лугом пройдешь, как садом,...Ты не удержишься взглядом, (Чтоб не припасть к гвоздикам)* («Персидские мотивы»); **причина:**

Сердцу надо в пурге расколоться, (Оттого что без ХлопушиВам не взять ОренбургДаже с сотовой лихих полководцев) («Пугачев») и мн.др.

В данных предложениях указываются действия не реальные, а лишь желаемые. Они (эти предложения) встречаются как в речи поэта так и его героев.

Рассмотренные в статье инфинитивные предложения, выявленные в стихотворениях С. Есенина, свидетельствуют: экспрессивно-стилистические свойства данных предложений определяются значением самих предложений–значением возможности или невозможности действия; неотвратимости; желательности; приказа, выраженным в категорической форме; они весьма экспрессивны, эмоционально насыщены, имеют окраску разговорного стиля;при сопоставлении с двусоставными инфинитивные предложения более лаконичны, энергичны, динамичны, им свойственна непринужденность высказывания; данный тип односоставных предложений используется в стихотворениях С. Есенина во всем многообразии смысловых функционально-стилистических и эмоционально-экспрессивных оттенков, передать которые посредством двусоставных предложений не представляется возможным.

Литература

1. Есенин С. Сборники стихотворений «Москва кабацкая», «Любовь хулигана», «Златой посев», «Голубень», «Радуница», «Трерядница», «Страна...», стихотворения последних лет. «Персидские мотивы», «Стансы». Поэмы «Анна Снегина», «Пугачев», «Поэма о 36», «Песнь о великом походе». – М., 1976 .

2. См.: Тимофеев К.А. Об основных типах инфинитивных предложений в современном русском языке. – М., 1950. –С.262; он же: К вопросу о происхождении инфинитивных предложений в русском языке//НДВШ: филологические науки. 1965. – С.105; Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. – М.,1956. – С.381; Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Часть II. – М.,1958. – С.79; Скобликова Е.С. Современный русский язык. Синтаксис простого предложения. – М., 1976. – С.123 и др.

3. См.: Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. – М.,1941. –С.82; 104-105; Галкина-Федорук Е.М. Безличные предложения в современном русском языке. –М.,1958; Воинова Е.И. О соотношении инфинитивных и безличных предложений // РЯШ, 1958,№2. –С.15; Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. –М.,1968. –С.37 и др.

4.См.:Руделев В.Г.Начальная форма глагола//Вестник Тамбовского гос.ун-та,выпуск №6,2010.-С.189;Шигуров В.В.,Шигурова Т.А.О модуляции глагольных инфинитивов в русском языке//Вестник Мордовского гос.ун-та,выпуск№8,2014.-С.161;Сметанина О.А.Синкретизм значений инфинитивных структур в немецком языке//Вестник Нижегородского гос.ун-та., выпуск №1,2008.-С.211;Куклина А.В.Синтаксические функции инфинитива в составе глагольных инфинитивных конструкций в английском языке//Вестник Самарского гос.ун-та,выпуск№10,2006.-С.148.

5. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения. В сб.: Вопросы грамматического строя. – М., 1955. –С. 405.

Ким С. С.Есениннинг асарларида инфинитив гапларнинг структур-семантик ва стилистик хусусиятлари. Мақола рус тилининг ёрқин акс воситалари бўлган инфинитив ибораларга бағишланган. Тадқиқот марказида С.Есенин ижодиётида аниқланган мазкур ибораларнинг тузилмавий-семантик ва стилистик таҳлил турибди, яъни сўроқ, оптатив, ҳикоя, ундов ва инфинитив ибораларнинг мураккаб гаплар таркибидаги ўрни ўрганилган.

Kim S. Structural - semantic and stylistic features of infinitive sentences in the works of S.Yesenin. The article is devoted to infinitive sentences, which are the bright device of Russian language. There is the structural-semantic and stylistic analysis of variety of these sentences: interrogative, optative, exclamatory and infinitive sentences in the complex sentences, found in the works of S. Yesenin in the centre of the article.

XORIJIY FILOLOGIYA

til • adabiyot • ta'lim

Ilmiy-uslubiy jurnal

Samarqand

FOREIGN PHILOLOGY

language • literature • education

Scientific-methodology journal

Samarkand

Нашиёт-тахрир маркази

Мухаррирлар	–	С.Хайитов, – С. Каримова
Техник муҳаррир	–	Ҳ. Амирдинов
Саҳифаловчилар	–	З.Усманова, Б.Ибодуллаев

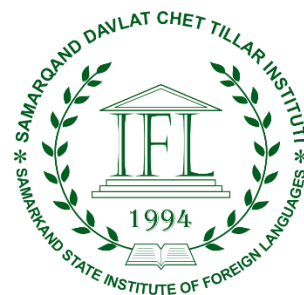
Самарқанд давлат чет тиллар институти нашр-матбаа маркази:

Самарқанд ш., Бўстонсарой кўчаси, 93.

Босишга рухсат этилган 15.09. 2016.

Адади 200 нусха. Қоғоз бичими А4.

Буюртма № . Times гарнитураси.

ХОРИЖИЙ ФИЛОЛОГИЯ» ИЛМИЙ-УСЛУБИЙ ЖУРНАЛИГА

МАҚОЛАЛАРНИ ТАҚДИМ ЭТИШ ТАРТИБИ

- Мақола муаллифи ишлаётган муассаса раҳбариятининг йўлланма хати.
- Мақолани чоп этиш ҳақидаги эксперт хулосаси.
- Мутахассислиги бўйича фан доктори ёки профессор томонидан имзоланган тақриз.
- Муаллиф(лар) тўғрисида маълумот (иш жойи, лавозими, яшаш жойи телефони ва электрон почтаси).
- Мақолалар Microsoft Word дастури «Times New Roman» гарнитураси 14 шрифтда, қаторлар ораси икки оралик билан ёзилган, икки нусхада (электрон варианты билан бирга) тақдим этилади. Мақолалар чизмаларсиз саккиз саҳифада қисқа хабарлар эса икки саҳифадан ошмаслиги лозим.
- Формулалар компьютерда Word формулалар муҳаррирининг Math Type версиясида ёзилади. Чизмалар ва диаграммалар Давлат стандарт талабларига риоя қилинган ҳолда тайёрланиши лозим.
- Мурожаат қилинган адабиётлар рўйхати мақола охирида куйидаги тартибда келтирилади: муаллифнинг фамилияси, исми-шарифи, китоб (журнал)нинг номи, нашриёт ва чоп этилган санаси (китоблар учун), журнал номери, саҳифа (журнал учун). Адабиётлар сони 7 тадан ошмаслиги тавсия этилади.
- Мақоланинг иккинчи нусхасида барча муаллифлар фамилияси, исми ва шарифларини кўрсатилган ҳолда, барча муаллифлар томонидан имзоланиши лозим.
- Мақолани миллий менталитет тил эталони бўйича, синчковлик ва диққат билан ёндашган ҳолда, услубий ва грамматик жиҳатидан юқори даражада талабчанлик билан илмий-услубий мақомида таҳрирланган ҳолда тайёрлаш талаб этилади.
- Зарурат бўлганда таҳририят мақола ва қисқа хабарларни таҳрир қилиш ҳуқуқига эга.
- Мақола муаллифга қайта ишлаш учун қайтарилса, мақоланинг охириги кўриниши олинган кундан бошлаб таҳририятга тушган ҳисобланади.
- Эълон қилинган материаллар муаллифга қайтарилмайди, тақриз ва изоҳ берилмайди.
- Янги илмий-услубий ва амалий натижаларга эга бўлган ва 50% дан ортиқ қисми илгари эълон қилинмаган ўзбек ёки рус, инглиз тилларида тайёрланган мақола ва қисқа хабарлар ва бошқа соҳа бўйича шакллантирилган эксперт гуруҳларининг экспертизасидан ўтган мақолалар журнал саҳифаларида жойлаштирилади.
- Мақоланинг ўзбек, рус ва ингиз тилларидаги аннотацияларининг борлиги текширилади.

ЖУРНАЛХОНЛАР ДИҚҚАТИГА!

Олий Аттестация Комиссиясининг филология фанлари бўйича эксперт кенгаши тавсияси билан зарурий нашрлар рўйхатига киритилган “Хорижий филология” илмий-услубий журнаliga обуна давом этаяпти.

Обуна нархи:

1 йилга	80 000 сўм
6 ойга	40 000 сўм

Мурожаат учун манзил: 140104, Самарқанд шаҳри, Бўстонсарой кўчаси, 93-уй.

Самарқанд давлат чет тиллар институти “Нашр-матбаа маркази”.Тел: 231-13-42